

А.Б. ЕГОРОВ

▷ РИМ ▷ НА ГРАНИ ЭПОХ

Издательство
Ленинградского
университета

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета*

В монографии исследуется переломный период в истории римского государства — время кризиса республики и установления системы принципата. Анализируются монархические черты, имманентно присущие Римской республике, их развитие в ходе завоевательных походов и гражданских войн, характер действия политических сил в этот период, развитие режимов личной власти.

Книга предназначена для историков.

Рецензенты: д-р ист. наук *И. Ш. Шифман* (Ин-т востоковедения АН СССР), д-р ист. наук *Ю. В. Андреев* (ЛО Ин-та археологии АН СССР).

ИБ № 2069

Алексей Борисович Егоров

**РИМ НА ГРАНИ ЭПОХ
проблемы рождения и формирования принципата**

Редактор *Н. Л. Никитина*
Художественный редактор *А. Г. Голубев*
Обложка художника *В. Н. Нечаева*
Технический редактор *Е. И. Веселова*
Корректоры *М. В. Унковская, Г. Н. Гуляева*

Сдано в набор 04.12.84. Подписано в печать 03.06.85. М-38921. Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 14,0.
Усл. кр.-отт. 14,25. Уч.-изд. л. 15,77. Тираж 3236 экз. Заказ 9069. Цена 1 р. 50 к.
Издательство ЛГУ имени А. А. Жданова, 199164, Ленинград,
Университетская наб., 7/9.

Областная типография, 160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.

Е 0504000000—095 КБ—16—20—1985
076(02)—85

Издательство
Ленинградского
университета,
1985 г.

ВВЕДЕНИЕ

Переход от Республики к Империи и эпоха раннего принципата имеет особое значение в античной истории. За короткий период (III—II в.¹) Рим, ставший незадолго до этого главой Италийского союза, превратился в хозяина Средиземноморья, завоевав огромные территории в Европе, Азии и Африке, практически объединив под своей властью весь средиземноморский цивилизованный мир и став крупнейшей державой древности. Начинался новый этап — превращение этой внезапно появившейся Империи в единое целое, когда Рим и провинции стали сближаться не только в правовом положении, но и сближалась их экономика, социальная структура и идеология.

Превращение Рима в великую державу сопровождалось политическим переворотом. Необходимость реорганизации управления и политические и экономические изменения, вызванные новой ситуацией, привели к краху республиканской системы и установлению новой политической формы — принципата, построенного на дуализме монархии и полиса, который постепенно трансформировался в монархию.

Исследование этого процесса имеет особое значение как в силу специфической роли Рима в истории древних обществ, так и в плане методологическом, поскольку дискуссия вокруг проблем принципата имеет большое значение для двух, вероятно, важнейших вопросов исследования древней истории: проблемы типологического сходства и проблемы модернизации и архаизации в исследовании исторического явления. Некоторые исследователи, как мы увидим далее, пытаются слишком сблизить Римскую империю с более поздними политическими структурами, другие, наоборот, настаивают на ее уникальности, притом, временами до такой степени, что прямо отрицают возможность каких-либо сопоставлений и параллелей.

Центральной проблемой ранней Империи является выяснение характера этой политической системы, которая сложилась

¹ Здесь и далее — до нашей эры.

в результате крушения республики и получила название принципата. Эта система заключала в себе столько противоречивых черт, что, в сущности, не поддается какому-либо однозначному определению. Стремясь к подавлению полисного строя, принципат при этом постоянно на него опирался, идя не только по линии уничтожения полисных институтов, но и по линии их использования и трансформации.

Ранней Римской империи и системе принципата посвящено огромное количество работ. Еще большее их число касается отдельных аспектов истории, и некоторые из них мы затрагиваем в монографии. Здесь же мы рассмотрим только развитие взглядов на принципат как систему, взятую в целом. Можно выделить четыре основные точки зрения на принципат, развитие которых происходило в хронологическом порядке. Первая точка зрения установилась во времена поздней античности и существовала до появления «*Römische Staatsrecht*» Т. Моммзена. Типичным для этого этапа было рассмотрение принципата как монархии, которую в структурном плане мало чем отличали от монархии эллинистической и от монархий Западной Европы. Таким видели принципат в историографии Возрождения и Просвещения, эта же идея встречается у историков XVIII — первой половины XIX в. (Ж. Боссюэ, Ш. Монтескье, Фр. Шампаньи, Л. де Фонтан, Ж. Ж. Ампер). Некоторые исследователи, например, Л. де Тиллемон и Эд. Гиббон,² рассматривают принципат уже как переходную форму, однако история Рима для них четко делится на Республику и Империю, а принципат совершенно определенно квалифицируется как монархия.

Второй этап исследования принципата был связан с фундаментальным трудом Т. Моммзена «*Römische Staatsrecht*». Исследовав правовой аспект магистратской и императорской власти, Т. Моммзен обратил внимание на сущность магистратского империя и наличие континуитета между империем царей, империем республиканских магистратов и властью императора, рассматривая эту правовую структуру как нечто неизменное на протяжении всей истории Рима. Власть принцепса, по мнению немецкого исследователя, не стояла над законом, а была подчинена ему, представляя собой не статус монарха, а чрезвычайную магистратуру, состоящую из двух основных элементов — проконсульского империя, т. е. исключительного, верховного начальства над армией, и трибунской власти, которые дополнялись рядом других полномочий.

Опираясь на эти выводы, Т. Моммзен пришел к заключению,

² Монтескье Ш. Избр. произв. М., 1975, с. 75; Шампаньи Ф. Кесари. СПб., 1842 и 1882; Ampere J.-J. L'Empire Romain à Rome. T. 1. Paris, 1867; Tillemont L. Histoire des empereurs. Paris. 1872, vol. IV, p. lff (труд вышел в 1690—1738 гг.); Gibbon Ed. The history of the decline and fall of the Roman Empire. 2-nd ed./Ed by Bury. London, 1897, vol. 1, p. 379 (1-е издание вышло в 1701 г.).

что созданная Августом конституция представляет собой компромисс. Автор определил эту систему как «двоевластие» (диархию) сената и императора. В чисто правовом плане всемогущество сената и всемогущество императора исключали друг друга, однако в течение трех веков эта система существовала, и только реформы Диоклетиана, которые Т. Моммзен считал важнейшим переворотом в римской истории, привели к превращению принципата в настоящую абсолютную монархию³.

Заслугой Т. Моммзена является то, что он впервые проанализировал правовую основу принципата и поставил проблему принципата как системы. Наконец, именно он первым определил политический строй ранней Империи как сложную систему политического дуализма.

Теория Моммзена вскоре стала господствующей; ее сторонниками было большинство исследователей конца XIX — начала XX в. О. Карлова, например, принял теорию Моммзена о диархии; его точка зрения отличалась только частностями. Так, Карлова считал, что основой власти императора было не сочетание проконсульского империя и трибунской власти, а общий *lex de imperio*, включавший более широкие функции и заключающий в себе значительный монархический элемент.⁴ В целом на тех же позициях стоял и видный французский исследователь П. Виллемс. Виллемс видел основу власти принцепса в *imperium proconsulare* и *tribunicia potestas*, считая *lex de imperio* выражением первого и отмечая, что дарование и лишение этих полномочий находится во власти сената.⁵

Некоторые, например, Э. Миспуле, принимали теорию Моммзена с определенными, иногда даже значительными, оговорками. Миспуле высказался против теории диархии, объявив принципат абсолютной монархией, не имеющей законной границы и не предполагающей серьезной ответственности. Вместе с тем Миспуле принял вывод Моммзена о том, что власть Августа состояла из кумуляции республиканских полномочий, которые при его преемниках были объединены в *lex de imperio* и давались одновременно.⁶ Другой исследователь — Эд. Мейер — довел идею о диархии до логического конца, объявив принципат политической системой, в которой вся власть принадлежит сенату, а принцепс является его охранителем и защитником. Это обстоятельство, а также подчеркивание особого положения Италии и консервативная идеология режима доказывают, по мнению Эд. Мейера, что принципат (по крайней

³ Mommsen Th. 1) *Römische Staatsrecht*. Bd. 2. Leipzig, 1887; 2) *Abriß des römischen Staatsrechts*. Leipzig, 1917.

⁴ Karlowa O. *Römische Rechtsgeschichte*. Bd. 1. Berlin, 1895, S. 494.

⁵ Willems P. *Le droit public Romain*. Paris, 1883 (пер.: Виллемс П. Римское государственное право, Киев, 1888—1892).

⁶ Mispulet Cl. *Les institutions politiques des Romains*. Paris, vol. 2, 1883.

мере, при Августе) был восстановлением республики.⁷ Как республику характеризовал политическую систему раннего принципата и Г. Ферреро. По его мнению, Август искренне стремился поставить у власти сенат и восстановить старый строй, а монархические тенденции если и проявлялись, то помимо его воли и доминирующими не были.⁸

Третий этап исследования принципата начался с появления работы В. Гардтгаузена, который уже на новом уровне выдвинул тезис о принципате как об абсолютной монархии. Исследуя главным образом политическую сторону принципата, автор считал восстановление республики фикцией, отрицая при этом наличие диархии. В правовом же плане, по мнению В. Гардтгаузена, власть императора была необычным совмещением республиканских магистратур, что придавало ей и принципиально новое качество.⁹ Довольно скоро теория монархии нашла большое число сторонников (в том числе в русской и советской историографии) и до недавнего времени была господствующей.

Некоторые исследователи, например Ж. Гаже, нашли типологическую параллель между Римской империей и эллинистическими монархиями. Французский исследователь также считал принципат монархией, обратив особое внимание на другую сторону оформления власти — культ императора. Для Гаже переход от Республики к Империи был «великой монархической революцией», а вся власть императора «пропитана религиозно-мистическим значением».¹⁰

Сторонники теории монархии выступили против чрезмерного акцента на правовом оформлении власти; в центре их исследований находились реальная социально-политическая жизнь и некоторые новые, ранее не затрагивавшиеся аспекты, как, например, культ императора. Такой пересмотр, конечно, был необходим, однако историческая действительность оказывалась сложнее этой схемы. Целый ряд примеров и явлений правового, идеологического, политического и религиозного характера оказывались необъяснимыми с этих позиций, и отбрасывать их, считая фикцией, ширмой и результатом лицемерной политики Августа и его преемников, было бы неправомерно.

Все эти обстоятельства вызвали появление новых концепций, которые постепенно вытеснили «теорию монархии». Начиная с исследования терминологии и идеологии и продолжая анализ правовой стороны принципата, авторы этих концепций сделали ряд коррективов и в отношении социально-политической

⁷ Meyer Ed. *Kaiser Augustus*. — In: *Kleine Schriften*. Halle, 1910, S. 441—492.

⁸ Ферреро Г. *Величие и падение Рима*. Т. 3—5. М., 1916—1925.

⁹ Gardthausen V. *Augustus und seine Zeit*. Bd. 2, T. 1—3. Berlin, 1881—1904.

¹⁰ Gage J. *De Cesar à Auguste. Où est le problème des origines du principat*. — R. H., 1936, p. 279—342.

структуры, представив принципат в новом свете. Вместе с тем новая теория, которую условно, видимо, можно назвать теорией дуализма, не повторяла механически теорию диархии, хотя и имела с ней много общего и представляла в известной степени новый этап ее развития.

Первые протесты против монархического определения принципата появляются еще в 20—30-е годы. Так, Е. Шенбауэр писал, что «каждая попытка положить государственно-правовые явления этого времени в прокрустово ложе схем, созданных современным государственным учением, должна не удасться».¹¹ Это положение было развито в работах 30—40-х годов, а затем окончательно разработано в более поздней историографии. Авторы 10-го тома «Кембриджской древней истории» (С. Кук, Д. Литт, Ф. Эдкок, М. Чарльсуорт) отрицали тезис о диархии, однако не считали возможным видеть в принципе абсолютного монарха: «Называть конституцию принципата диархией неверно; существовало не разделение власти, а разделение труда. Во всех областях (кроме собственных провинций) Август действовал от имени сената и народа». Вопрос, был ли Рим Августа республикой, зависит от того, что ей противопоставить. Это не была монархия в известном смысле слова, и не автократия, когда императорская власть опиралась на армию и выражала ее интересы. В отношении этих альтернатив принципат Августа был республиканским, однако если оставить эту дефиницию, то ясно, что Рим претерпел изменение по сравнению с режимом *senatus populusque Romanus*. В основном, как и большинство западных исследователей, идеализируя раннюю Империю, и прежде всего время Августа, авторы «Кембриджской древней истории» считали, что политическое, экономическое и духовное единство Средиземноморья стало фактом именно в это время, а императорская власть была важным условием этого процесса.¹²

Новая концепция принципата впервые с достаточной полнотой была выражена А. фон Премерштейном, считавшим, что власть императора имела в основе систему клиентелы, на базе которой создавались «личные партии» политических деятелей эпохи гражданских войн. С победой Августа такая «личная партия» пришла к власти и стала во главе государства, а принципс стал патроном всей общины, превратившейся в его клиентелу. В некоторых пунктах немецкий исследователь смыкается с теорией Т. Моммзена, однако он не видит существования двоевластия принципса и сената. Принципат, по А. Премерштейну, скорее господство императора, но его правовая форма выходит за пределы смысла, понятного современному историку,

¹¹ Schönbauer E. Untersuchungen zum römischen Staats- und Wirtschaftsrecht. 1. Wesen und Ursprung des römischen Prinzipats. — Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, 1927, S. 274.

¹² CAH, vol. X, p. VI—VIII, 587, 589—590.

и является специфическим римским институтом. Наиболее значимым актом подчинения общины принцепсу и определения его полномочий была присяга, даваемая народом при приходе правителя к власти.¹³ Принцепс оказывается вождем или диктатором государства, но четко фиксированного правового положения не имеет.

Рассмотрение принцепса как правителя без четко фиксированного положения и правовых полномочий стало очень популярным. Впрочем, если Премерштейн ставил во главу всего клиентелу и присягу, то некоторые другие исследователи делали акцент на *auctoritas*. Так, М. Грант полагает, что принцепс выходит за пределы своего *imperium* и постепенно все больше правит в силу *auctoritas*.¹⁴ Теория Гранта была развита и уточнена французским исследователем А. Маделеном. Маделен подчеркивает доимперские корни *auctoritas*, которая была и у республиканских магистратов, а также ее противопоставление *potestas*, выражающее «вечную двойственность личного авторитета и законной власти». Именно в этом направлении личного авторитета развивают свою власть Август и его преемники, в конечном счете превращая *auctoritas* в ее основу.

Маделен в большей степени, чем Премерштейн и Грант, склонен видеть в принципате элемент восстановления республики и сближается с идеей политического дуализма.¹⁵

Р. Сайм, как и Премерштейн, видел в основе политической борьбы «личные партии», а победа Октавиана в гражданской войне в 31 г. означала, по его мнению, приход к власти одной из таких группировок. Однако теперь из вождя партии и «революции» Октавиан превращается в главу государства, подавляя эту «революцию» и выдвинув консервативную программу. Для Сайма принципат носит характер компромисса, и так же, как и многие сторонники современной концепции, он объявляет о невозможности четкой дефиниции принципата как системы.¹⁶ В построении Сайма присутствует ярко выраженная модернизация, которая справедливо критиковалась не только в советской,¹⁷ но и в западной историографии.

Известная попытка почти буквальной реставрации «теории диархии», хотя и несколько измененная, была предпринята М. Хэммондом. Акцентируя внимание на правовом характере принципата, Хэммонд признает, что теоретически власть, скорее, принадлежала сенату, который представлял римский народ, а император был чрезвычайным магистратом.¹⁸

¹³ Premierstein A. von. Vom Werden und Wesen des Prinzipats. Berlin, 1937, S. 63ff.

¹⁴ Grant M. From imperium to auctoritas. A historical study of the Aes Coinage in the Roman Empire. 49 B. C. — 14 A. D. Cambridge, 1946.

¹⁵ Magdelain A. Auctoritas principis. Paris, 1947.

¹⁶ Syme R. Roman revolution. Oxford, 1939, p. 323.

¹⁷ Машкин Н. А. Принципат Августа. М., Л., 1949, с. 366—368.

¹⁸ Hammond M. The Augustian principate. Cambridge, 1933.

Идея двойственной природы принципата становится практически доминирующей в западной литературе 30—40-х годов, причем в значительной части работ делается вывод об особой уникальности принципата, делающей невозможной его четкое определение. Так, В. Кункель пишет: «В действительности продолжение республики означало рост монархической власти при том, что эта власть „была не встроеной в конституцию, а стояла возле нее“. Новая республиканская конституция давала носителю монархической власти ряд возможностей большого политического значения. Эти возможности, однако, являлись гетерогенными единичными явлениями, которые в своих проявлениях были по возможности определены в рамках республиканского права и уже потому не могли выразить в правовом плане образ новой монархии».¹⁹

Тезис о том, что принципат является монархическим институтом, введенным в институты республиканские, поддержал и итальянский исследователь П. де Франчиши. Наконец, стали раздаваться и более скептические суждения. Так, Эр. Мейер заявил, что государственную форму принципата можно описать, но нельзя четко дефинировать. Наиболее полно этот взгляд на сущность принципата был выражен в работах Л. Викерта и Ж. Беранже. Пожалуй, и по сей день эти исследования остаются самыми основательными в западной историографии и неудивительно, что статьи в двух крупнейших изданиях — «Реальной энциклопедии» Паули — Виссова и международном издании «Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt» — написаны именно Л. Викертом, причем последняя представляет собой развернутый комментарий к первой.²⁰

Викерт начинает исследование с термина *princeps*. Он приводит большое число примеров применения понятия к римским правителям и политикам (города и племена Греции и Италии, а также к галлам, испанцам, карфагенянам и др.). Далее, автор приводит список из 70 политических деятелей республики — от соратника Ромула Госта Гостилия до Марка Антония, которые в источниках именуются *principes*, а затем добавляет еще 23 деятеля императорского времени, которые не были императорами, но именовались в источниках *principes*. Викерт приходит к выводу, что термин не является правовым и обозначает только общую идею первенства.

Анализируя периодизацию античных авторов, немецкий исследователь отмечает, что практически все они видели в приходе к власти Августа важный переломный момент, с которого началась новая эпоха. В отношении *libertas* Викерт замечает интересное отличие между официальной идеологией и идеоло-

¹⁹ Цит. по: Wickert L. *Princeps (civitatis)*.—RE, 1954, Bd XXII, S. 2006—2014.

²⁰ Wickert L. *Neue Forschungen zum Römischen Prinzipatus*.—In: ANRW, T. 2, Bd. 1. Berlin; New York, 1975, S. 3—76.

тому, что при хорошем императоре *libertas* обязательно существует (а каждый император стремится, разумеется, быть хорошим), то «независимое» общественное мнение основывается на том, что свобода и принципат — понятия несовместимые или, по крайней мере, малосовместимые. Викерт отмечает, что такое различие во многом вызвано разным пониманием самой идеи, и если *libertas* республики имела смысл политической свободы, то принципат понимал под ней только *securitas*, т. е. правовую безопасность отдельного лица.²¹

Одним из центральных пунктов концепции Викерта является исследование действия династического принципа в Римской империи. В этой части он особенно широко использует выводы других исследователей, особенно А. фон Премерштейна, Ж. Беранже и В. Хартке. Подробно рассмотрев переход власти при императорах от Августа до Диоклетиана, а затем далее — до Ромула Августа и Зенона, Викерт приходит к выводу, что преемственность с самого начала была династически определена. С другой стороны, автор отмечает противоречие между этим династическим принципом и так называемым «принципом заслуг». Это сочетание не было чуждо ни Римской республике, ни греческой политической мысли, и в условиях Империи возникает только новое их соотношение.²²

В заключительной части труда немецкий исследователь рассматривает правовую основу принципата. Основой императорской власти Викерт считает проконсульский империй и трибунскую власть, а также *auctoritas*; однако, полемизируя с Грантом и Маделеном, он видит в этом понятии сочетание правового и неправового фактора. В заключение Викерт приходит к уже известному выводу о невозможности дефиниции принципата.²³

В статье «*Neue Forschungen zum römischen Principat*» Викерт дает подробный обзор литературы, вышедшей в 50—70-е годы. Статья построена в виде развернутого комментария к статье «*Princeps civitatis*» и заканчивается тем же выводом: «Определить характер монархического принципата в государственно-правовом плане нам мешают методы, которые сознательно и бессознательно используют принципсы и их помощники, чтобы привести в соответствие видимость и действительность. Можно описать государственную форму империи, но ее нельзя точно дефинировать... Сочетание правовых и политических элементов, которые соединились, но не слились в принципате,

²¹ Wickert L. *Principes...* S. 2006—2098.

²² Ibid., S. 2138—2157, 2200—2222; Hartke W. *Römische Kinderkaiser: Eine Strukturanalyse römischen Denkens und Daseins*. Berlin, 1951, S. 58, 170ff; Beranger J. *Recherches sur l'aspect idéologique du principat*. Paris, 1952, p. 151, 255.

²³ Wickert L. *Principes...* S. 2289—2290.

не определяется ни одной из известных нам государственно-правовых категорий».²⁴

Современная западная историография в целом разделяет точку зрения Беранже и Викерта. Д. Тимпе, исследуя проблему континуитета при раннем принципате, в целом придерживается тезиса А. фон Премерштейна о принцепсе как лидере партии, который теперь стал во главе государства. Принципат — это еще не государственная форма, и он не означал никакого фиксированного противоречия республике. Ранний принципат кончался со смертью принцепса и был только политическим господством, а его возобновление связывалось с континуитетом семьи и политической традицией.²⁵

Проблема *libertas* при принципате была разобрана Р. Клейном, который приходит к сходному с Викертом выводу: «Римляне считали свою историю нормативной... и постоянно продолжающейся... Обе стороны знали о разрыве между республикой и монархией при Августе, а, с другой стороны, тоже в двухстороннем порядке, для всех времен оставалась республиканская система ценностей. Поэтому проблема неразрешима».²⁶ В некоторых работах подчеркивается либо республиканский законный характер принципата, либо, наоборот, его монархический характер,²⁷ однако в основном авторы находятся в русле предыдущих исследований.

Итак, основными положениями современной западной историографии являются следующие:

- в центре внимания находятся правовые, социологические и идеологические аспекты принципата; экономические и политические аспекты исследуются в меньшей степени;

- императорская власть и социально-правовая структура рассматриваются в известной изоляции от жизни Империи и проблем ее внутренней и внешней политики, что не позволяет до конца выйти за пределы соотношения «монархия — республика»;

- практически все авторы не считают возможным определить принципат однозначно, а видят в нем сочетание признаков различных элементов как нового монархического содержания, так и остатков старой республиканской системы;

- при большом количестве накопленных фактов и временами исключительно тонких и точных частных наблюдениях

²⁴ Wickert L. Neue Forschungen zum römische Prinzipatus. — In: ANRW. Berlin; New York, 1975, T. 2, Bd 1, S. 76.

²⁵ Timpe D. Untersuchungen zur Kontinuität des frühen Prinzipats. Wiesbaden, 1962, S. 122—123, 125—126.

²⁶ Klein R. Prinzipat und Freiheit. — In: Wege der Forschung, CXXXV. Darmstadt, 1969, S. 4.

²⁷ Stier H. Augustusfriede und römische Klassik. — In: ANRW, T. 2, Bd 2, S. 27—29; Kraft K. Der Sinn des Mausoleums des Augustus. — Historia, 16, 1967, S. 189—206; Grenzheuser A. Kaiser und Senat in der Zeit von Nero bis Nerva. Münster, 1964.

явно заметен известный методологический тупик, выразившийся в декларациях невозможности четкой дефиниции принципата и абсолютизации его уникальности.

В русской историографии с самого начала утвердился тезис о принципате как монархии. Первые исследования на эту тему появились в середине XIX в. и постулировали монархический характер императорской власти.²⁸ После выхода в свет труда Моммзена русская наука осталась на этой позиции и вступила в полемику с немецким исследователем, в ходе которой выработала более сильную аргументацию, и слилась уже с новым направлением в западной историографии, открытым работой В. Гардтгаузена.

Через 2 года после выхода в свет «*Römische Staatsrecht*» Т. Моммзена появилась большая статья В. И. Герье «Август и установление Империи». Автор выступил против двух основных положений Моммзена: идеи о континуитете римского государственного строя на протяжении всей его истории и тезиса о диархии. По мнению Герье, власть Августа была монархической, а «восстановление республики» — только прикрывающей ее правовой фикцией.²⁹

Самым крупным специальным исследованием принципата в русской историографии явился двухтомный труд Э. Д. Гримма. В этом произведении, к сожалению, незаслуженно игнорируемом западной историографией, автор последовательно выступил против теории Моммзена и выдвинул свою оригинальную концепцию. Гримм, подробно проанализировав политическую систему, созданную при Августе, приходит к выводу, что его принципат — «это не результат соглашения двух равных сил, а результат уступок фактического властелина Августа», сделанных с целью примирения общественного мнения с новым положением дел. Время Августа было еще переходным этапом, «гражданской монархией с переходными формами». Тем не менее, стараясь не разрывать с прошлым, он произвел полный переворот. «Монархия никогда не была провозглашена, отношение принцепса к сенату никогда не было выясненным, никто не мог указать границ новой власти — одно было несомненно: она существовала». Правление Тиберия, по мнению Гримма, характеризуется сохранением тенденций, наметившихся при Августе, однако постепенно происходит переход к деспотической монархии, особенно усиливающейся при Гае Калигуле, Клавдии и Нероне. Эпоха Флавиев отмечена тенденцией к усилению и упрочению престижа императорской власти, а время Антонинов уже характеризуется примирением принципата с обществом и отречением последнего

²⁸ Драгоманов М. П. Вопрос о всемирно-историческом значении Римской империи и Тацит. Ч. 1—2. Киев, 1864.

²⁹ Герье В. И. Август и установление империи. — Вестник Европы, 1877, № 6—8.

от всякого рода республиканских иллюзий. Принципат теперь окончательно превратился в монархическую власть.³⁰ Примечательно, что Гримм не только противопоставляет «теории диархии», основанной по преимуществу на правовых аргументах, исследование политической реальности, но и оспаривает правовые выводы немецкого исследователя, полагая, что и в этой области никакого двоевластия не было.

На позиции определения принципата как монархии стоит и Р. Ю. Виппер, который заходит даже значительно дальше, практически считая фикцией всю республиканскую сторону принципата.³¹ Отличительной чертой советской историографии и ее бесспорной заслугой является интерес к социально-экономическому содержанию перехода. Уже в работе В. С. Сергеева принципат определяется как «республиканская монархия», являющаяся компромиссом между военной монархией и сенатской властью и затем развивающаяся в сторону монархии.³² С. И. Ковалев, также оценивая принципат прежде всего как монархию, отметил особенность консервативной идеологии нового режима, считая, что это была не только дань традиции, но и показатель реакционного характера Империи.³³

Наиболее полно проблемы принципата были исследованы в работах Н. А. Машкина, С. Л. Утченко и уже в 80-е годы Г. С. Кнабе. Н. А. Машкин всесторонне исследовал принципат Августа. Он рассмотрел проблему генезиса принципата, характер власти Августа, его социальную политику, жизнь Империи и провинций, организацию армий и внешнеполитические мероприятия и, наконец, культуру августовского времени. Характеризуя социальную опору Августа, Н. А. Машкин отмечает, что она была разнородной, и принципату приходилось лавировать между различными социальными группами. Характерной чертой власти Августа была юридическая неопределенность, однако в целом, несмотря на официальное восстановление республики, можно говорить о ее монархической сущности. Полемизируя с Моммзеном, советский исследователь считает возможным говорить о «немагистратских, но в то же время чисто римских источниках единоличной власти римских императоров». Машкин, верно, отмечая, что принципат был органом власти римских рабовладельцев, ставит в слишком прямую зависимость установление новой политической системы и собственно развитие отношений между рабами и рабовладельцами. Спорно и положение о том, что принципат был «шагом назад по срав-

³⁰ Гримм Э. Д. Исследования по истории развития римской императорской власти. Т. I. СПб., 1900—1901, с. 243—245, 247, 248, 361, 387, 402, 403, 453; т. 2, с. VI.

³¹ Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи. М., 1923.

³² Сергеев В. С. Очерки по истории Древнего Рима. М., 1938, с. 373—411.

³³ Ковалев С. И. История Рима. Л., 1949, с. 493—498.

нению с республиканскими порядками».³⁴ Непривлекательность многих сторон жизни принципата не должна затмить тот факт, что только такая система могла выполнить, пусть ограниченно, задачу реального объединения подчиненного римлянами средиземноморского мира, и без принципата не могло быть последующего развития европейской цивилизации. Даже те из современников, которые видели в императорской власти явление отрицательное, не могли не признавать неизбежность и необходимость этого явления.

Утченко определяет принципат как монархию, отмечая, что республиканские элементы были ширмой, ловко используемой властью для прикрытия своего положения.³⁵ Этот тезис, выдвинутый в ранней монографии, Утченко сохранил вплоть до последней вышедшей при жизни книги «Юлий Цезарь».³⁶ С. Л. Утченко отходит от вывода Н. А. Машкина о реакционности принципата и признает его историческое значение.

В последнее время в советской историографии появились работы, намечающие выход из тупика, в котором оказались многие зарубежные исследователи, и вышедшие за пределы заклодованного круга «монархия — республика». Так, Г. С. Кнабе, опираясь на разработанную в историографии 60—70-х годов тему полиса, решает проблему империи именно с этой позиции. Исходным фактором истории древности является примитивность ее хозяйственного уровня, и «полис-гражданская община» — это форма общественной организации, идеально приспособленная к ее укладу. В пределах античности полис универсален и вечен, представляя собой основную экономическую ценность. Сущность полиса состоит в постоянном присутствии и взаимодействии двух факторов: общинно-консервативного и динамического. Одной из главных задач Империи было приведение государственной системы в соответствие с потребностями Рима как мировой державы. Принципат возник из необходимости решить эту задачу и представлял собой попытку примирения римской олигархии и новых социальных сил, а потому носил компромиссный характер. Такой компромисс предполагал сохранение республиканских политических форм, обеспечивая, с одной стороны, связь власти со старыми устоями общественной жизни и морали, а с другой — опору на развивающиеся слои, враждебные сенатско-аристократическому Риму и неизбежно выступающие как разрушители традиционных римских общезвестных норм. Таким образом, «в структуре раннего принципата Рим и его прошлое оказались как бы противопо-

³⁴ Машкин Н. А. Принципат Августа, с. 382, 393, 606—608.

³⁵ Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1952, с. 267—270.

³⁶ Утченко С. Л. Юлий Цезарь. М., 1976, с. 344—346.

ставленными от них же неотделенным силам внеримской общеперской новизны».³⁷

Краткий обзор историографии позволяет сделать некоторые выводы, которые могут быть исходными точками исследования.

Современная историография совершенно определенно отказалась от однозначного определения принципата как монархии или республики и признала его синтетический характер. В историческом плане изменение оценки шло примерно следующим образом: первый этап (до Т. Моммзена) — принципат как монархия; второй — принципат как диархия или республика; третий — снова возврат к теории монархии и, наконец, четвертый — взгляд на принципат как на синтетическую систему. Одной из причин изменения было то, что исследователи делали акцент на разные стороны проблемы. Школа Моммзена в основном изучала государственно-правовой аспект, его противники (Г. Гардтгаузен, Э. Д. Гримм и др.) возражали, опираясь на политические реалии, а Викерт, Беранже и сторонники их концепции больше исследовали теорию, идеологию, терминологию и социальную организацию. Это едва ли случайно, и мы видим, что принципат в разных областях деятельности выступает и в разных амплуа.

Исследование проблемы принципата в западной историографии зашло в известный тупик, выразившийся в представлении об особой сущности этой ни на что не похожей политической системы, которую нельзя определить в современных понятиях и найти типологические параллели.

В последнее время в советской историографии, в частности, в работах Кнабе, намечается выход из этого положения. Это прежде всего взгляд на империю с точки зрения полиса как постоянной категории античной формации и признание дуализма, противоречивости не как аномального явления, а как явления для той эпохи нормального, признание, что только в противоречии и может существовать сама система.

Другим выводом, который можно принять за исходную точку исследования, является вывод о невозможности рассмотрения правовых, идеологических, социальных и прочих аспектов императорской власти в изоляции и отрыве их от общих тенденций развития империи. Поэтому нам кажется оправданным сопровождать подробный анализ характера власти и отношений принцепса с сенатом и остальными органами сжатым обзором внутренней жизни римской державы, провинциальной, военной и внешней политики, которые бы показали Империю в действии.

³⁷ Кнабе Г. С. Корнелий Тацит и проблемы истории Древнего Рима эпохи ранней Империи: Автореф. докт. дис. М., 1983, с. 20—25.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

1. МОНАРХИЧЕСКИЙ ЭЛЕМЕНТ
В РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Общая схема рассмотрения гражданских войн как перехода от Республики к Империи, разумеется, вполне приемлема в принципе, но нуждается в существенной оговорке. Схема эта складывается в XIX в. под влиянием исторического опыта Западной Европы в средние века и в новое время, когда шла борьба двух диаметрально противоположных принципов, абсолютной монархии и буржуазной парламентской республики, и когда последняя, идя на смену первой, уничтожала или ограничивала ее. Новый класс, буржуазия, свергал старый феодальный класс, а переход от монархии к республике был политическим выражением этого классового переворота.

Учитывая это обстоятельство, мы должны отметить принципиальное отличие гражданских войн в Римской республике. Классового переворота в данном случае не было. Общественный строй при Республике и при Империи оставался рабовладельческим, более того, правящий римско-италийский нобилитет оставался у власти, изменив только свою организацию. Переворот носил не социально-политический, а, в общем, только политический характер. Переход от республики к империи не сопровождался экономическим переломом, и вообще грань между традицией и новацией была весьма растяжимой.

В такой ситуации следует ожидать не только сохранения элементов старого в новой форме, но и, наоборот, наличия элементов нового в старой форме, причем элементов весьма значительных. Сама логика исследования заставляет рассмотреть вопрос о монархическом элементе в Римской республике, т. е. о тех предпосылках, которые способствовали ее переходу при определенных условиях в систему Империи.

Термин «республика», которым мы пользуемся, произошел от латинского *res publica*, и довольно часто эти понятия воспринимаются как синонимы. На самом деле они не тождественны. Современное понятие «республика» предполагает, во-

первых, только одну из форм государственного строя, во-вторых, форму, основанную на коллективном руководстве, и, наконец,—известную альтернативу монархии, диктатуре, режиму личной власти.

Римляне понимали *res publica* несколько иначе. Хр. Мейер отмечает, что это понятие обозначало не республиканский строй в нашем понимании, а государство вообще, в отношении которого не могло быть и речи о какой-либо другой форме.¹ Альтернативой было только отсутствие государства (*nulla res publica*), и крушение республики—это не смена государственной формы, а гибель государства как такового.²

Греческие теоретики государства и права разработали четкую схему форм государственного устройства, которая наиболее ясно была выражена Аристотелем. Схема Аристотеля включала в себя три нормальные формы (монархия, аристократия и полития) и три извращенные, каждая из которых соответствовала одной из нормальных (тирания, олигархия и демократия). Поскольку три извращенные формы являлись издержками нормальных, то все можно свести к этим трем формам: монархия—власть одного, аристократия (или олигархия)—власть элиты, выделяющейся своим происхождением и положением, и демократия—власть народа. Все греческие и, видимо, большинство известных грекам негреческих государств под эту схему подходили, и потому тем более примечательно, что, столкнувшись с римской практикой, греческая политическая теория не смогла дать однозначное определение.

Первым, кто сделал попытку проанализировать римскую политическую систему, был Полибий. Его вывод настолько интересен, что мы приведем его целиком: «В государстве римлян были все три правления, поименованные мной выше, причем все было распределено между остальными властями и при помощи их устроено столь равномерно и правильно, что никто даже из туземцев не мог бы решить, аристократическое ли было управление все в совокупности, или демократическое, или монархическое. Да это и понятно. В самом деле, если мы сосредоточим внимание на власти консулов, то государство покажется вполне монархическим и царским, если на сенате—аристократическим, если кто-нибудь примет во внимание только положение народа, он признает римское государство демократией» (Полиб., IV, 2). Цицерон так же, как и Полибий, считает римское государство разумным сочетанием трех форм (Циц. О гос., I, 45, 69—46, 70).

Таким образом, римские теоретики государства и права видели монархический элемент в современной им республике, причем выражением его считали магистратский империй. Конеч-

¹ Meier Chr. *Res publica amissa*. Wiesbaden, 1966, S. 1.

² Ibid.

но, построения Полибия и Цицерона носили элемент искусственности, но они никогда не прижились бы в Риме, если бы римляне не находили в них значительной доли правды.

После всего сказанного остается определить характер и генезис империя, а также причину его особого значения в системе республики. Древнеримская община к моменту своего образования, в царский период, представляла собой разлагающееся родо-племенное общество, управление которым состояло из трех элементов: царь (rex), сенат и народное собрание. Последнее, по всей вероятности, участвовало только в самых важных переходных актах: выборе царя, объявлении войны и заключении мира, а также в наиболее значительных судебных и законодательных вопросах.³ Реально эти права часто игнорировались, и временами сходы народа не решали вопрос, а утверждали решение царя или просто выслушивали информацию.⁴

Таким образом, власть находилась в руках рекса и сената.⁵ Сенат являлся органом правящей знати, а во главе управления стоял рекс, обладавший империем и рядом важных жреческих функций. Э. Гьерстад полагает, что первоначально основными функциями царя были сакральные,⁶ и в этом случае Рим начинал с абсолютной власти царя-жреца. Известное отражение этого факта имеется в рассказе о деятельности Нумы Помпилия, второго царя Рима и организатора жреческих коллегий, а также характере должности фламينا Юпитера, похожего на древнейшего царя-жреца, символизирующего жизнь всей общины. Постепенно царь трансформировался в политического и военного главу общины при сохранении, однако, значительных сакральных полномочий и руководстве религиозной жизнью Рима. Характер царского империя, видимо, четко обозначился к середине царского периода. Рекс командовал армией, являлся религиозным руководителем общины и имел пожизненную, но не наследственную власть. Такого рода строй являлся универсальным, и Ф. Энгельс убедительно показал это на ряде параллелей с другими народами, прежде всего с греками и германцами.⁷ Нам представляется, что в типологическом плане римская царская власть была особенно близка к власти гомеровских басилеев, и в этом смысле к ней применимо определение Ю. В. Андреева, который считает такой

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 126.

⁴ Большинство современных исследователей отвергают законодательную функцию комиций на раннем этапе царского периода. См., напр.: Gjerstad E. Innerpolitische und militärische Organisation in frühromischer Zeit.— In: ANRW, T. I, Bd 1, S. 158; Маяк И. Л. Рим первых царей. М., 1983, с. 235.

⁵ Gjerstad E. Innerpolitische und militärische Organisation... S. 158.

⁶ Ibid.

⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 99 и сл.

институт преддверием настоящей монархии, т. е. неким вариантом протомонархии.⁸

Царский Рим сохранил все три элемента управления родоплеменного общества, четкого разделения между которыми в условиях столь примитивной общественной структуры просто не могло быть. Традиция Ливия, по всей вероятности, верно передает общее положение. Все крупные мероприятия (войны, введение жреческих коллегий, переселения) в основном проводил рекс, но едва ли было нормой, чтобы он делал это без или против воли сената. С другой стороны, сенат тоже в теории мог выступить против царя, однако это становилось нарушением нормы, в том числе и религиозной. Если рекс стоял во главе мероприятий, поскольку большинство из них требовали единоначалия, то нормой было совместное принятие и исполнение решений, когда рекс руководил, а сенат составлял тот «актив», без которого эффективное руководство невозможно. Кроме того, сенат был хранителем континуитета царской власти, к нему переходило все руководство делами общины в промежутке между смертью старого и избранием нового царя. Сенат выдвигал кандидатуру нового рекса и руководил его избранием, а через жрецов — и инаугурацией.

Таким образом, в отношениях рекса и сената была известная двойственность. С одной стороны, царь являлся главой сената и оказывался тесно связанным с ним, с другой — от него эмансипировался. Их отношения были отношениями сотрудничества и соперничества, а переход от сотрудничества к конфликту в условиях роста общины и усиления социальных противоречий оказывался вполне возможным. Более того, столкновение становилось даже неизбежным. До этого момента отношения между единоличной властью и общиной развивались в одном направлении практически во всех древних обществах. В дальнейшем, однако, этот процесс шел по трем различным направлениям.

В первом, восточном, варианте царская власть обычно подавляла общину. Такое развитие шло в условиях консервативной структуры с сильным религиозным элементом, где особенно велико было значение общих задач, которые можно было выполнить только посредством объединения больших масс (ирригация, крупные завоевания). В наиболее ярко выраженном виде этот вариант встречался в Египте, Месопотамии и Китае. Несколько иной тип этого направления наблюдался у германских племен, где процесс проходил на фоне крупного завоевания и тоже заканчивался победой племенных вождей. Дополнительными условиями утверждения такого пути были отрыв от морского побережья и большое население.

⁸ Андреев Ю. В. Раннегреческий полис. Л., 1976, с. 70—71.

Второй вариант, греческий, характеризовался противоположным результатом. Гражданская община одерживала верх и либо ликвидировала, либо подчиняла себе царскую власть. Вероятно, наиболее ярким выражением этого пути являлись Афины, где царская власть отмерла вполне мирным путем, когда цари, судя по традиции, сами отказывались от власти, а рудимент власти *басилеев* — архонт-басилей — растворился в коллегии архонтов.

Условия для осуществления этого варианта были противоположны предыдущему. В небольших городах Греции жесткая централизация не была необходима, а географический фактор скорее способствовал развитию частного сектора. Связь с морем усиливала позиции демоса, причем часто до такой степени, что следующим этапом становилась борьба за демократические преобразования.

Наконец, значительная группа древних обществ занимала как бы срединное положение, в результате чего возник третий путь, по которому пошло и римское общество. В силу постоянных войн, которые он вел, Рим очень нуждался в централизации, а роль религии была крайне велика. Насколько нам известно, Рим царского периода не был тесно связан с морской торговлей и представлял собой по преимуществу консервативную аграрную общину. Тем не менее все эти признаки не были выражены достаточно сильно для того, чтобы обеспечить победу центральной власти. В Риме не было ни крупных ирригационных проблем, как на Востоке, ни такого масштаба войн, как у германцев. Кроме того, Рим испытывал влияние этрусков, связанных и с морем, и с греческим миром. В конечном счете здесь стала формироваться полисная организация, отличающаяся от греческого варианта не по главным, а по второстепенным признакам.⁹ С другой стороны, в силу указанных причин Рим не смог преодолеть царскую власть так, как это сделали Афины. В такой ситуации борьба оказалась особенно длительной и острой, зависящей от массы факторов, а результат носил более или менее половинчатый характер. Именно так и было в Риме, и именно этим объяснялся сложный характер политической системы Римской республики.

При последних царях произошло явное усиление монархических тенденций.¹⁰ Традиция описывает их приход к власти

⁹ Проблема идентификации римского и греческого полисов является предметом дискуссии. Мы считаем вполне возможным присоединиться к мнению С. Л. Утченко, И. Л. Маяк и Г. А. Кошеленко, которые полагают, что элементы общности явно доминируют над элементами различия (Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965, с. 7—14; Маяк И. Л. Рим первых царей. М., 1983, с. 27—31; Кошеленко Г. А. Введение: Древнегреческий полис. — В кн.: Античная Греция: Проблемы развития полиса. М., 1983, с. 9).

¹⁰ Проблемы событийной истории царского периода еще далеки от решения, и многое в сообщениях поздних авторов явно является анахрониз-

скольными путями, а иногда и путем прямого захвата, не упоминается «междоусобица», характерное для легитимного движения рекса. Тарквиний Приск и Сервий Туллий вели активную реформаторскую деятельность, явно пытаясь опереться на народ, вероятно, желая создать в его лице противовес родовой знати. Цицерон и Дионисий Галикарнасский пишут, что Туллий получил власть без санкции сената (Дион. Гал., IV, 4; 8, 2; 13, 1; Циц. О гос., II, 21, 38). Введение новых сенаторов и увеличение числа всаднических центурий явно были направлены на ослабление старой знати. Это наступление достигло высшей точки в правление последнего царя Тарквиния Гордого. Он пришел к власти, убив своего предшественника, правил, не считаясь ни с сенатом, ни с народом, и был свергнут в результате восстания, возглавленного знатнейшими фамилиями. После изгнания царя римляне выдержали с ним тяжелую борьбу.

Все эти факты подтверждают мнение Э. Гьерстада, который видит в правлении этрусских царей некий аналог старшей тирании в Греции.¹¹ В данном случае монархо-тираническая власть вытекала из традиционной власти рекса, что придавало ей дополнительную силу и авторитет. Сходными являлись и некоторые другие элементы политики: активная внешняя экспансия, установление личных связей с правителями других городов Лация и Этрурии, широкое строительство. Как и в Греции, тирания стала важным элементом в развитии государственности. Реакцией на нее были свержение царской власти и победа патрицианской знати. Вместе с тем, одержав победу над Тарквиниями, Рим не изжил традиции *gegnit*, которая сохранилась в магистратской власти.

Уже Моммзен полагал, что империй магистратов — это царский империй, ограниченный не изнутри, а извне, во-первых, принципом годичности и коллегиальности, а во-вторых, — правом провокации.¹² По мнению Ф. де Мартино, магистраты действовали уже при царях, и в таком случае после переворота они просто встали на место последних.¹³

Современные исследователи в целом согласны, что переход от царского Рима к республике носил постепенный характер, а некоторые считают, что на первых стадиях существовало некое промежуточное звено (диктатура, неравная коллегиальность двух консулов, три претора в коллегии во главе с *praetor*

мом, даже несмотря на то, что современные исследователи более склонны доверять традиции, чем их предшественники-гиперкритики. В любом случае, однако, политическая тенденция наступления монархии очевидна.

¹¹ Gjerstad E. Innerpolitische und militärische Organisation in frühromischer Zeit. — In: ANRW, T. 1, Bd 1, S. 167—169.

¹² Mommsen Th. Römische Staatsrecht..., Bd 2, S. 177.

¹³ Martino F. Intorno all'origine della repubblica romana e delle magistrature. — In: ANRW, T. 1, Bd 1, S. 236.

maximus)¹⁴. При этом многие авторы вслед за Моммзеном придерживаются традиционного взгляда на замену рекса двумя консулами.¹⁵ Нам представляется, что достаточных аргументов для опровержения традиции нет, и даже если принять мнение о существовании магистратов при рексах, то после переворота функции этих магистратов изменились.

Говоря о сущности консульского империя, следует отметить, что это империй рекса, разделенный между двумя лицами и ограниченный годичным сроком. Преемственность видна и по дополнительным моментам. Магистраты с империем сохраняли право ауспиций, т. е. определенную религиозную власть. Они также сохраняли царские инсигнии и свиту ликторов с фасциями и топорами, а число царских ликторов (24) делилось между консулами. Магистрат с империем имел царское курульное кресло, тогу-претексту, одеяние триумфатора в случае получения такого права. Наконец, сохранялось междоусобице, которое проявилось в виде чрезвычайного института как раз в случае, когда консулы не могли провести выборы следующих консулов, т. е. в ситуации угрозы континуитету консульской власти.

Более того, в критических ситуациях римская община шла на более сильную концентрацию власти. Вместо или над консулами назначался единый магистрат — диктатор, имеющий на определенный срок (вначале, видимо, на 60 дней, а потом — на 6 месяцев) всю полноту власти и всю царскую свиту из 24 ликторов. Примечательно, что диктатор назначался не только в случаях критической внешней или внутренней обстановки, но и для выполнения некоторых сакральных актов (*dictator clavi fngenti*), которые ранее, видимо, выполнял царь. В первые два века Республики диктаторы назначались очень часто, и диктаторская власть, таким образом, оказывалась важным дополнением к консульскому империи.

Итак, уже с самого начала магистратская власть проявляла тенденцию к отрыву от общины. В военных условиях консулы и тем более диктатор оказывались практически неконтролируемыми. Другим обстоятельством, ослабляющим контроль, была

¹⁴ О гипотезе диктатуры см.: Ihne W. Forschungen auf dem Gebiete der römischen Verfassungsgeschichte. Frankfurt, 1847, S. 43ff; Kornemann E. Zur altitalische Verfassungsgeschichte. — Klio, 14, 1915, S. 190, 194; О гипотезе неравной коллегиальности см.: Weisenberg L. Praetor maximus. — R E, 1954, Bd XXII, S. 1586; Meyer Er. Römischer Staat und Staatsgedanke. Zürich, 1964, S. 483; Sanctis G. de Storia dei Romani, vol. 1. Torino, 1907, p. 404; Martino F. de. Intorno all'origine della repubblica..., который смыкается со сторонниками гипотезы диктатуры, идентифицируя диктатора с praetor maximus.

¹⁵ Liebanam E. Dictator. — R.E. 1905, Bd V, S. 381; Ciaceri E. Origini di Roma. Roma, 1937, p. 287ff; Staveley R. The constitution of the Roman republic. — Historia, 1956, S. 96; Gjerstad E. Innerpolitischer und militärischer Organisation... S. 186—188. — Последний, правда, признает существование магистратов еще в царский период и сдвигает хронологию.

тенденция не смещать магистрата во время его пребывания в должности, что делало его практически неподсудным. Наконец, для функционирования сената и народного собрания требовалась инициатива магистрата, причем именно магистрата с империем.

После всего сказанного можно подвести итоги процесса свержения царской власти. Гражданская община во главе с патрицианской знатью одержала победу, в результате чего корпоративные органы власти, прежде всего сенат, стали доминировать над монархическим элементом. При этом победа не была полной, царский империй сохранился в скрытой форме и при определенной исторической ситуации мог регенерироваться. В данный же момент развитие шло в сторону усиления коллегиального начала.

В ходе борьбы патрициев и плебеев в V—IV вв. формировались основы римской республиканской системы, и контроль над магистратским империем усилился. Этот же процесс продолжался в III—II вв. Важным фактором был рост влияния народных масс и усиление значения коллегиальных органов.

Ограничение империя шло по нескольким различным и даже отчасти противоположным линиям. Можно выделить три направления: рост власти народного собрания, развитие системы магистратур и усиление контроля сената и зависимости от него должностных лиц.

Несмотря на общее преобладание сената и нобилитета, возможности комиций значительно выросли. Народное собрание стало собираться чаще и принимать более значимые решения, что было вызвано как увеличением числа магистратов и конкуренции между ними, так и ростом значения гражданской общины. С другой стороны, усложнение отношений внутри общины и развитие законодательства тоже неизбежно способствовало ограничению элементов единоличной власти, существующей в условиях примитивности общественных отношений. Теперь же, когда община росла, а отношения внутри нее усложнились, роль империя на определенном этапе развития должна была падать.

Это же усложнение общественной жизни вызвало и увеличение и дифференциацию магистратур, что вело к ограничению консульской власти и ослаблению монархического элемента. Расширение системы магистратур было вызвано не только усложнением общих задач, но и сознательным стремлением *civitas* к ограничению магистратской власти, выработавшемуся в ходе сословной борьбы.

Вероятно, наиболее серьезным ограничением империя с этой стороны был трибунат и прежде всего трибунская интерцессия, которая действовала против распоряжений консулов или других магистратов. Кроме того, трибунское право помощи (*ius auxilii*) спасало частных лиц от наказаний со стороны этих должност-

ных лиц. Еще большим ограничением консульской юрисдикции становилось право провокации, т. е. право осужденного апеллировать к народному собранию. Действуя вначале только в отношении смертной казни, эта апелляция к I в. распространилась даже на сравнительно мелкие наказания.

Введение цензуры ограничило возможности консулов в такой важной области, как контроль над составом общины и сената, а также лишало их некоторых финансовых функций. Теперь пребывание в сенате, ранее определявшееся царем, а затем консулами, стало определяться цензорами и не зависело от высшей власти.

Тем не менее третьим и главным фактором, ограничивающим единоличную власть, было развитие власти сената. Правовой характер последней также стал предметом спора. Моммзен полагал, что сенат юридически являлся только консультативным органом при рексе, а затем при его преемниках консулах, созыв сената целиком зависел от магистрата, а решения не имели юридической силы. Значительная часть современных исследователей отрицают эту точку зрения и настаивают на наличии у сената самостоятельных функций управления, оспаривая другой тезис Моммзена о юридической независимости высших магистратов от сената.¹⁶ Вопрос этот настолько важен, что имеет смысл остановиться на нем подробнее.

Юридическая ситуация была запутана уже со времени царей. В условиях примитивности римской общины иного и не могло быть. Даже в более позднее время римское государственное право не делало четкого различия между законодательной, распорядительной и исполнительной властью, и в этом смысле едва ли четко проводилась грань между властью сената и властью рекса. В любом случае римляне не ставили под сомнение право сената принимать обязательные для всех решения. После свержения царей сенат стал органом, выражающим интересы правящей аристократии. Решения сената не являлись законодательными актами или же, наоборот, простым выражением особого мнения этой корпорации; это были распоряжения правительства, воспринимавшиеся общественным сознанием столь же обязательными руководствами к действию, как и законы, принятые народом. Единственным ограничением служило вето трибунов, действовавшее против некоторых решений сената, но если такового не было, сенатус-консульт становился нормативным актом, который следовало выполнять.

Усложнение общественной жизни, нестабильность и смеемость магистратской системы закрепляли это положение

¹⁶ Wesenberg G. Kontinuität zwischen königlicher Gewalt und die Beamten Gewalt in Rom.—Zeitschrift der Savigny-Stiftung zur Rechtsgeschichte, 70, 1953, S. 58ff; Henderson M. J. Potestas regia.—JRS, 47, 1957; Kunkel W. Magistratische Gewalt und Senats Herrschaft.—In: ANRW, T. 1, Bd 2, S. 15—22.

сената как правительственного органа. Этому способствовала и сословная борьба, на ранних стадиях которой сенат являлся центром, группирующим вокруг себя патрицианскую верхушку, а на поздних — усилившимся за счет пополнения со стороны верхушки плебейской. Общее государственно-правовое развитие вело к усилению принципа коллективного руководства, органом которого мог быть только сенат.

Магистратуры были сменяемыми и кратковременными, кроме того, они конкурировали между собой, а сенат как постоянно действующий орган оказывался арбитром, хранителем континитета власти и общим координатором их действий. Чем разветвленнее становилась система, тем большим оказывалось значение координационной деятельности сената. Методы давления чаще всего были косвенными. В такой ситуации сенатус-консульт превращался в нормативный акт, а контроль над финансами и общий контроль за государственной безопасностью полностью подчиняли магистратов сенату.

Наконец, власть сената усилилась и в результате реального контроля над комициями, который в значительной степени осуществлялся через магистратов. Отсутствие самостоятельной инициативы собрания, аморфность и разобщенность народных масс, система клиентелы и общий военизированный характер государства¹⁷ позволяли правящим органам достаточно уверенно держать в руках народное собрание.

Таким образом, следует констатировать, что к началу Пунических войн Рим подошел с достаточно прочной полисно-республиканской структурой, которая уверенно доминировала над элементом единоличной власти. Тем не менее последний не был ликвидирован и при определенных условиях мог регенерироваться. Эти условия возникли с превращением Рима в великую державу.

2. ВЕЛИКИЕ ЗАВОЕВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ, ИМИ СОЗДАННЫЕ

Вероятно, не будь великих завоеваний, развитие Рима не пошло бы в сторону монархии, а монархический элемент, заключенный в римской системе, мог бы и не реализоваться. 1-я Пуническая война (264—241 гг.) была первой крупной войной нового типа, когда Рим выходил на широкую политическую арену. Она оказалась гораздо тяжелее, чем планировали римские стратеги, но в конечном счете закончилась победой. Как и предыдущие войны, она не нанесла серьезного удара по республиканским институтам и даже содействовала их укреплению, подняв роль народа и усилив престиж сената.

¹⁷ Рим постоянно вел войны, и есть основания считать, что в нем существовало нечто вроде воинской повинности.

Более важными оказались внешнеполитические последствия. В результате войны обострились противоречия между Римом и Карфагеном, приведшие к борьбе за гегемонию в западном Средиземноморье. Кроме того, у Рима появились первые провинции — Сицилия, а с 238 г. — Сардиния и Корсика, которые в этническом отношении отличались от Италии. Наконец, приобретение богатой и близко находящейся Сицилии имело особые последствия для итальянского хлебопашества, бывшего основой мелкого хозяйства, поскольку более дешевый итальянский хлеб стал заполнять римский рынок.

Захват Римом Сицилии стимулировал торговую деятельность и интерес к морским границам. Не удивительно, что именно в это время Рим начал обращать внимание на обеспечение своего восточного побережья. Именно этим были вызваны две так называемые Иллирийские войны (первая — 229—228 гг., вторая — 219 г.) против полупиратских государств иллирийского побережья. Эти небольшие конфликты имели для Рима серьезные последствия. Продвижение в Иллирике столкнуло Рим и Македонию, создав между ними конфликтную ситуацию. Вместе с тем враждебность Рима к Македонии вызвала симпатии к нему греческого мира, с которым римляне начали завязывать отношения. Со времени Иллирийских войн римляне стали втягиваться в сложные отношения с эллинистическими государствами.

2-я Пуническая война (218—201 гг.) была своеобразной «мировой» войной древности. Грандиозная схватка с Карфагеном поставила под вопрос само существование Римской державы. Тем не менее борьба завершилась победой Рима, который стал самой сильной державой Средиземноморья. Была создана мощнейшая военная машина, с помощью которой Рим стал на путь экспансии крупного масштаба, и, видимо, в реальной политике имперская идея начала зарождаться именно тогда. В ходе 2-й Пунической войны военные действия шли не только в Италии и Сицилии, но и в Испании, Галлии и Африке. Эта война втянула Рим в испанские войны и сделала неизбежными «войны мести» с Карфагеном, который теперь нельзя было не добить, и с Македонией Филиппа V, помогавшей Карфагену.

Очень серьезными оказались внутривнутриполитические последствия войны. Самым главным было опустошение значительной части Италии и огромные людские потери, ставшие исходной точкой кризиса итальянского землевладения. Экономический ущерб был столь велик, что компенсировать его внутренними силами оказалось практически невозможно, и Рим начал испытывать экономическую потребность в агрессии, которая дала бы ему возможность грабежа. После 2-й Пунической войны Рим встал на путь эксплуатации периферии.

Примечательно, что завоевательные войны начались уже на

следующий год после окончания 2-й Пунической войны. В 200 г. Рим начал 2-ю Македонскую войну. Римские правящие слои, вероятно, восприняли ее прежде всего как наказание Филиппа за помощь Ганнибалу, и в этом смысле как продолжение 2-й Пунической войны. Народное собрание согласилось воевать крайне неохотно, однако, как только Рим начал побеждать, войны на востоке стали очень популярны, поскольку не требовали крупных сил и давали большую добычу. Кроме того, Рим мог опереться на помощь второстепенных сил эллинистического мира: мелких царств типа Пергама, Вифинии и существенно ослабленного Египта, а также греческих союзов и городов, которые искали в римлянах защиту против эллинистических сверхдержав — Селевкидского царства Антиоха III и Македонии Филиппа V.

Во 2-й Македонской войне Филипп был разбит. Продвижение Рима вызвало его конфликт с Антиохом III. В результате так называемой Сирийской войны (192—188 гг.) было разгромлено и Селевкидское царство. Рим теперь стал главной силой на Балканах. Две выигранные войны не привели к непосредственным территориальным захватам, что было вызвано как ослабленностью самого Рима, так и значительной ролью его греческих союзников, составлявших не менее 1/3 союзной армии.

Тем не менее в результате этих войн Рим получил первые доходы от экспансии в виде огромной военной добычи. Только в триумфе Фламинина после 2-й Македонской войны пронесли 43 270 фунтов серебра, 84 000 аттических серебряных тетрадрахм, 3174 фунтов золота, 14 514 золотых монет и 114 золотых венков. Каждый солдат получил по 250 ассов, а центурион и всадник — соответственно вдвое и втрое больше. Кроме того, римляне привезли массу оружия, произведений искусства и щитов из серебра и золота. В 183 г. после победы над Антиохом в триумфе несли 1231 слоновый бивень, 137 420 фунтов золота, 224 тыс. тетрадрахм, 321 тыс. кистофоров, 140 тыс. золотых монет и золотые сосуды весом в 1023 фунта. Серебряные сосуды весили 1423 фунта (Лив., XXXIV, 52; XXXVII, 59). Еще больше были контрибуции: Карфаген должен был заплатить 10 тыс. талантов, с Филиппа потребовали 1 тыс., а с Антиоха — 15 тыс. Немалые суммы шли через руки солдат и сопровождавших их торговцев и обслуживающего персонала. Денежная добыча составила основу доходов от экспансии.

Первые войны на востоке стимулировали римскую агрессивность. Агрессия становится все более популярной в Риме. С другой стороны, римляне все больше втягиваются в восточные дела, что усиливало антиримскую реакцию в эллинистическом мире. 3-я Македонская война (171—168 гг.) началась уже как последняя попытка Македонии ликвидировать римскую гегемонию на Балканах. Война закончилась разгромом Маке-

донии и ликвидацией ее как государства, а также усилением контроля римлян над Грецией. В 168 г. были приняты ограничительные меры против Пергама и Родоса, в 167 г. Эмилий Павел разграбил Эпир, а ряд общин Греции, в том числе и ахейский союз, были вынуждены дать Риму заложников. Другой крупнейший союз, этолийский, ограниченный территориально, тоже послал в Рим заложников, а часть его лидеров была казнена.

В событиях 60-х годов наметилась новая тенденция. Традиционные денежные доходы увеличились. После 3-й Македонской войны римские граждане перестали платить налоги. Вместе с тем войны становились все более ориентированными не только на захват добычи, но и на захват людей. После разграбления Эпира в 167 г. римляне захватили 150 тыс. рабов. В 177 г. после подавления восстания в Сардинии было продано 80 тыс. человек. Примерно в это же время римляне в значительной степени с этой же целью расширили захваты в Галлии и Лигурии. Захваты рабов, кроме всего прочего, резко усилили зависимость Рима от окружающей периферии.

Известная инерция римской политики и занятость войнами в Испании и Галлии привели к тому, что в 149 г. Македония и Греция получили еще один шанс освободиться от римского господства. В 149 г. началось восстание в Македонии, а в 147 г. усилился конфликт между Римом и ахейцами. Оба восстания были подавлены, и 146 год ознаменовал собой новый этап. Македония превратилась в провинцию, Ахейский и Этолийский союзы были ликвидированы, а Греция поставлена под контроль македонского наместника. В 133 г. Рим аннексировал Пергам, завещанный ему умершим царем Атталом III. Завещание стало закономерным завершением длительного процесса, связанного с проникновением римлян в Пергам и длительной проримской политикой пергамских царей. После подавления восстания Аристоника Пергам стал новой провинцией — Азией.

Другим объектом экспансии была Испания. Во 2-й Пунической войне местные племена поддержали Рим, видя в нем защиту от карфагенян, и к 206 г. последние были вытеснены из Испании. Теперь отношение испанцев изменилось, но и римляне оказались настолько втянутыми в борьбу на Пиринеях, что, несмотря на поражения, уже не могли уйти из Испании. Испанские войны были очень тяжелыми для Рима. Уже с 206 по 197 г. римляне вели борьбу с племенами верхнего Эбро. В 195 г. в римской провинции началось восстание, и наместник М. Порций Катон впервые подчинил крупное племя кельтиберов. К 179 г. Г. Семпроний Гракх присоединил их к провинции. В это же время были подчинены и племена лузитан, населявшие районы современной Португалии и западной Испании.

В 154 г. началось крупное восстание кельтиберов и лузитан. С небольшими перерывами оно продолжалось до 133 г., когда

римляне захватили Нуманцию, ставшую его центром. В 121 г. были захвачены Балеарские острова. Покорение Испании продолжалось в I в. В 90 г. было подавлено восстание ареваков. В 81 г. снова шла война с кельтиберами, а с 79 по 72 г. вся Испания была охвачена грандиозным восстанием Сертория. После Серторианского восстания Испания подчинилась; однако завершено это подчинение было только в 25—19 гг., когда Август захватил северо-запад полуострова.

Испания давала огромную экономическую прибыль, оказавшись одним из центров добычи металлов (золота, серебра, железа, меди и олова). Позднее во времена Плиния Старшего только Лузитания, Галлекия и Астурия давали 20 тыс. фунтов золота в год (Плин. Естеств. история, 33, 78). После 201 г. одной из главных задач Рима остался Карфаген. В ходе 3-й Пунической войны Карфаген был разрушен, а его африканская территория в 146 г. стала провинцией — Африкой. В 90-е годы II в. Рим окончательно подчинил племена Цизальпийской Галлии, а в 121 г., покорив арвернов и аллоброгов, римляне основали провинцию Нарбонская Галлия.

События 149—146 гг. можно считать переломными. Рим приступил к прямой аннексии, и теперь каждая успешная война сопровождалась захватом новой территории, стимулировавшим экспансию. Войны в Испании привели к необходимости захвата всего полуострова, выход в Галлию создавал проблему отношений с огромным массивом варварского мира Галлии и Германии, а подчинение Македонии и Далмации сталкивало Рим с не менее крупным массивом дунайских племен. Покорение Греции и Азии ставило вопрос о покорении остального эллинистического мира, а место Карфагена в Африке стала занимать Нумидия.

Именно рост внешнеполитических проблем вызвал переход от «обычной» аннексионистской политики к глобальной имперской политике. Этот переход произошел примерно во времена Помпея и Цезаря, когда военные кампании носили крупномасштабный характер. Поход Помпея в 66—62 гг. присоединил к державе Понт, Сирию и Иудею, восьмилетняя кампания Цезаря закончилась присоединением всей Галлии, а когда Рим столкнулся с новой великой державой — Парфией, он долгое время пытался покончить с ней одним ударом. Эта глобальная политика нашла кульминацию в войнах Августа, когда Рим предпринял грандиозную попытку подчинить весь варварский мир в Германии и на Дунае. Именно во времена Августа римский «империализм» получил свое окончательное идеологическое оформление.

Ко времени гражданских войн Рим стал великой державой, в которую вошли значительная часть Испании, северная Африка, Сицилия, Сардиния и Корсика, Балканский полуостров, Пергам и южная Галлия. Это изменение создало ряд новых

проблем, главной из которых было удержание провинций как в военном, так и в политическом плане. Такая ситуация была вызвана следующими обстоятельствами. В ходе войн II в. римская армия несла большие потери, в Италии произошел демографический спад, кампании конца II в. показали нехватку ресурсов. Обстановка же требовала усиления армии. Если в 166—167 гг. Рим держал в боевой готовности 4—6 легионов, то в 146—133 гг. численность постоянно действующей армии возросла до 8—10 легионов. Поскольку число легионов предполагало примерно такое же число союзников, то общая численность выросла более чем в 1,5 раза.

Росли и потери. Поражения в испанских войнах, длительная осада Карфагена, первые неудачи в Пергаме были для римлян зловещими симптомами. Римская армия еще побеждала, но репутацию непобедимой уже утратила. Характер войн требовал длительной дислокации войск вне Италии. Между тем, составленная из мелких собственников, она прежде всего была приспособлена для кратковременных кампаний.

Не менее остро обстояло дело и с командованием. Уже 2-я Пуническая война показала неэффективность республиканской системы коллегиальности и частой смены командующих. Поражения 218—216 гг. и особенно страшный разгром при Каннах показали необходимость усиления принципа единоначалия. После этих событий римляне уже старались не дробить командование, что привело к усилению личного фактора и его независимости от республики. Конфликт *civitas* и сверхличности снова стал актуален.

Войны за пределами Италии вновь привели к усилению империя, который, будучи задавлен в Риме, начал приобретать силу вне его. Наместники провинций, проконсулы и пропреторы получили немалую степень независимости, которую центральная власть была вынуждена давать им ради того, чтобы вести успешную внешнюю политику.

Новая ситуация потребовала поиска дополнительных людских ресурсов, найти которые можно было только вне тех слоев, которые составляли костяк полисного ополчения. Кроме того, необходимо было создание профессионального войска, оторванного от земли, готового к длительной службе вне Италии и имеющего постоянный командный состав. Крупные заморские войны Рима хорошо продемонстрировали попытки полиса приспособиться к новой ситуации с помощью половинчатых мер, которые, однако, приводили к усилению монархического элемента.

Военная проблема была для Рима наиболее острой, но не единственной. Полис рассматривал провинции как объект эксплуатации и средство для поддержания исключительного положения полисного центра. Эта политика вскоре выявила свои минусы. Удержание покоренных территорий только военной

силой, тем более при неэффективной военной системе, было невозможным, и поэтому встал вопрос о новых методах управления, в частности привлечения к нему провинций, что было несовместимо с принципами старой Республики.

Неэффективным оказался и аппарат управления. Огромная власть на местах, которую было трудно контролировать, способствовала росту произвола и коррупции наместников, что не только подрывало престиж Рима на покоренных территориях, но и разоряло ресурсы этих стран. Масштабы коррупции заставляли даже римские власти принимать меры. Уже в 149 г. по закону Кальпурния стали создаваться постоянные суды по делам о вымогательствах, и почти каждый год был отмечен скандальным процессом. Другим механизмом было распределение провинциалов по клиентам крупных римских семей, однако все эти меры не заменили того, что стало необходимым — создания эффективного центрального аппарата для контроля над властью на местах.

Другой проблемой была неразвитость финансового аппарата республики, что вынуждало римлян сдавать налоги на откуп. Согласно откупной системе, с провинций собирались налоги большие, чем та десятина, которую брали римляне. Жалобы на произвол публиканов были не меньшими, чем жалобы на произвол провинциальных властей, и последние не раз, хотя, как правило, и безуспешно, пытались ограничить откупщиков. Наконец, неэффективность организации управления провинциями привела к усилению внутриполитической борьбы как в среде самой знати, так и к обострению противоречий и диспропорции между знатью и народом.

Со всей остротой встала и проблема Италии. Военные кампании III—II вв. повысили роль италиков в римской армии, что обусловило усиление требований равноправия для италийского населения. Как будет видно из последующих событий, это осознавали и многие римляне, однако стремление Италии к партнерству сталкивалось с сопротивлением *civitas*, основанной на идее исключительности. Эта проблема оказалась одной из наиболее острых.

Римская держава создала для Рима проблемы, типологически сходные с теми, которые создало для Афин образование афинской архэ. Оба государства шли по традиционной полисной линии максимума эксплуатации при минимуме прав. Для Афин это кончилось поражением в Пелопоннесской войне, потерей архэ и возвращением к старым границам. Ситуация Рима была иной. Внешней силы, которая смогла бы уничтожить державу, не было, однако внешнее давление держало Рим в сильном напряжении. Рим оказывался гораздо более зависимым от своих провинций и, вероятно, уже не смог бы без них существовать. Именно стремясь сохранить и увеличить свою державу, Рим был вынужден лишиться своего полисного характера.

Вторым обстоятельством, обусловившим политический кризис, были радикальные экономические изменения.¹⁸ Важнейшими экономическими основами полиса, в частности, римского, являлись: сравнительно невысокий уровень развития производительных сил, господство земледелия, мелкого и среднего хозяйства и экономическая автаркия, относительное равновесие внутри гражданского коллектива, земля как основная форма собственности в ее двуединой форме — государственной и частной, принадлежность гражданина к коллективу в силу владения земельным участком,¹⁹ сравнительно низкий уровень жизни, существование армии как гражданского ополчения, костяк которого составляли мелкие собственники.

В процессе «великих завоеваний» происходило довольно быстрое разрушение этих основ. Экономическое неравенство четко проявилось уже в IV в., когда законом Лициния-Секстия государству пришлось установить норму оккупации на общественной земле (Апп. Гр. войны, I, 8). В ходе 2-й Пунической войны Италия была сильно разорена; наиболее ощутимый удар пришелся по мелкому земледельческому хозяйству. Результатами этого были переход значительной части собственников к скотоводству, которое еще больше способствовало концентрации собственности и лишало экономической основы мелких землевладельцев, а также кризис мелкой собственности в результате разорения в ходе военных действий, крупные людские потери и в силу всех этих обстоятельств увеличение зависимости от внеиталийских территорий.

Первые войны II в. привели к крупному денежному притоку. Некоторое время денежный бум был выгоден всем, но постепенно он привел к резкому усилению диспропорции. В этот период собственники получили необходимый для расширения собственности капитал. Вероятно, к середине II в. кризис вступил в новую стадию, и именно тогда стала ощущаться утрата мелких участков, вызванная людскими потерями, длительным стрывом хозяев от земли в результате военной службы, скупкой земли богачами, а иногда и прямым сгоном владельцев этих земель.

Известным показателем явился рост потребности в рабах, т. е. в той рабочей силе, которая могла бы обработать захваченные богачами земли. С 70-х годов II в. захват рабов стал одной из главных целей войны, и сотни тысяч, а возможно, и миллионы рабов хлынули в Италию. Создавались крупные рабовладельческие хозяйства. В силу концентрации и централизации они стали экономически сильнее. Большие массы рабов, легкость приобретения и дешевизна способствовали их хищни-

¹⁸ Наиболее полно эти признаки применительно к Риму перечислены Г. С. Кнабе. См.: Кнабе Г. С. Корнелий Тацит... с. 137—140; см. также: Кошеленко Г. А. Введение... с. 15—19, 27.

¹⁹ Там же.

ческой эксплуатации. В таких условиях стал возможным подъем экономики на рабовладельческой основе.

Развитие работорговли разрушало автаркию Рима, стимулируя торгово-денежные отношения; увеличение роли рабов в экономике стимулировало внешнюю экспансию и зависимость от периферии. Переход же к классическому рабству привел к тому, что рабский труд стал вытеснять свободный, и эти разрушительные процессы ударили по мелкому хозяйству.

Длительные заморские войны, отрыв собственников от земли, конкуренция рабского труда, финансовое и политическое преобладание крупных собственников вели к концентрации земли, пауперизации мелких владельцев, стекавшихся в города и создававших опасную массу, которую надо было кормить и удерживать от возможных выступлений.

В современной литературе идет спор относительно масштабов этого процесса, так как наличие четкого количественного фактора могло бы окончательно определить его черты. К сожалению, количественных данных недостаточно. Результат подсчетов соотношения рабов и свободных колеблется от 1:1 (А. Валлон) до 1:2 (У. Уэстерманн).²⁰ Нам представляется, что, даже приняв низшую цифру и учитывая, что огромное количество рабов было занято не в экономике, а в обслуживании римских богачей, а свободный труд сохранил довольно сильные позиции, все же следует признать, что доля рабства была достаточно велика, чтобы вытеснить из экономики такое число мелких собственников, которое оказалось достаточным для того, чтобы вызвать политический кризис.²¹

Итак, экономическая основа полиса испытывала на себе действия разрушительных сил. Уровень развития производительных сил значительно повысился, развитие денежных отношений, торговли и зависимости от провинций пробили брешь в экономической автаркии. В Италию шел интенсивный ввоз (рабы, деньги, хлеб, предметы роскоши, изделия ремесла и т. п.) при практическом отсутствии вывоза. Рим стал не центром производства, а превратился в центр потребления. Экономическое равновесие резко нарушилось, и диспропорция между верхушкой и низами общества достигла огромных размеров. Новые изменения обусловили приватизацию земельной собственности, а гракханские реформы показали, насколько формальная собственность государства (*ager publicus*) реально превращается в частное владение. Владение землей начало эман-

²⁰ История Древнего Рима /Под ред. В. И. Кузищина. М., 1982, с. 107.

²¹ Для сопоставления можно привести данные М. Финли относительно южных американских штатов в середине XIX в., где число рабов-негров составляло $\frac{1}{3}$ населения, а $\frac{3}{4}$ белых рабов не имели. Тем не менее рабство было решающим элементом в экономике (Finley M. I. Was Greek civilization based on slave labour? — In: Slavery in classical antiquity. Cambridge, 1960, p. 59).

сипироваться от гражданского статуса, а массы безземельных людей, хотя и являлись гражданами юридически, тем не менее теряли экономическую основу гражданства.

Вместе с тем процесс не дошел до логического конца: общий уровень оставался низким, хозяйство стало более товарным, но не превратилось в товарное по преимуществу, земледелие осталось основным занятием населения, идеология продолжала поднимать на щит земледельца, а мелкая собственность не исчезла и даже временами восстанавливала свои позиции.

Экономические изменения имели и политические последствия: рост рабства и торговли стимулировали экспансию, пауперизация мелких собственников разрушала старую армию, состоящую в основном из этих собственников, обезземеленные люди создавали дополнительные экономические и политические проблемы. Социальный паразитизм плебса также вел к усилению эксплуатации периферии. Народное собрание становилось все более оппозиционно настроенным по отношению к правящей элите, более подверженным коррупции и склонным к неожиданным и неконтролируемым действиям, а правящая элита, наоборот, все более отрывалась от масс и теряла свое единство.

Наконец, происходили важные изменения в духовной жизни общества, в сфере морали, философии и быта. Основу полисной морали составляли идея полиса и гражданского коллектива как высшей ценности, резкое отграничение граждан от неграждан, подчинение частного общему, патриархальный уклад и крепость семьи и родственных отношений, а в идеале — отсутствие сильного стремления к личному продвижению, если оно шло в ущерб общему делу.

Индивидуализм и полисный коллективизм — это выражение отмеченных Г. С. Кнабе динамического и консервативно-общинного начал. Они сосуществуют постоянно, но пока их противоречие не доходит до определенного уровня, полис может существовать без кризиса, который начинается при нарушении этого баланса. Римские авторы, несколько утрируя положение, показали моральную сторону кризиса, считая ее определяющей. По Саллюстию, причиной всех бед является рост честолюбия (*ambitio*) и алчности, корыстолюбия, жажды денег (*avaritia*).

Ambitio — это не что иное, как личное желание к продвижению, причем отношение Саллюстия здесь двойственно, и в данном случае он выражает отношение полисной морали. Если корыстолюбие — зло безусловное, то *ambitio* ближе к добродетели и является злом только в определенных ситуациях (Сал. Кат. 10, 6—11, II, 1—2). Э. Д. Фролов считает, что одной из причин появления младшей тирании было развитие крайнего индивидуализма, «которое порождало у так называемых сильных личностей стремление не только выйти из-под контроля общества, но и подчинить коллектив своей воле, сделать общество орудием удовлетворения своих эгоистических и често-

любивых устремлений».²² Такая же ситуация была в Риме — с той лишь разницей, что там не было доктрины, аналогичной греческой софистике, и индивидуализм римских политиков развивался в рамках консервативной морали.

Эмансипация личности от общества на различных уровнях происходила по-разному. Сильные лидеры стремились подчинить себе общество, захватив власть, политики и деловые люди все больше ориентировались на персональные связи, плебеи, не имеющие земли, не видели цели, во имя которой они должны поддерживать полис, солдаты считали себя прежде всего солдатами, а не гражданами. Рост богатства, эгоизм в политике, прожигание жизни, уход в частную жизнь — все это способствовало разложению полисной идеологии.

Дополнительным разрушающим фактором являлся более роскошный, чем римский, греко-восточный быт, который для Саллюстия, Цицерона, Ливия и других был едва ли не главной причиной краха добродетелей предков. Тяга к роскоши стимулировала развитие рабства, рост индивидуализма, презрение к традиции и ее ценностям. Рушилась традиционная римская семья: росло число адюльтеров и разводов, новые поколения римских нобилей воспитывались рабами-педагогами, в основном греками, которые зачастую прививали своим воспитанникам критический взгляд на действительность.

Новая ситуация нанесла удар и по римской *pietas* — традиционному религиозному чувству, вызвав если не откровенно атеистические идеи, то, во всяком случае, пренебрежение к обрядам, нежелание занимать древние жреческие должности, сопряженные с рядом ограничений, ухудшение надзора за местами культа и забвение многих религиозных традиций.

Итак, новые тенденции были налицо, они появились в ходе превращения Рима в великую державу и были столь серьезны, что требовали коренной перестройки общества. Вместе с тем было бы неверно считать эту эпоху только периодом ломки,

Именно во II в. усилились коллективные органы управления. Между 1-й и 2-й Пуническими войнами произошла реформа римских комиций, после которой все пять классов получили равное число центурий и первый класс перестал доминировать в народном собрании. Во II в. росло число магистратов, что привело к дроблению магистратской власти. В 180 г. закон Виллия запретил занимать второе консульство ранее чем через 10 лет после первого. Власть сената стала более сильной, а нобилитет усилился за счет притока новых семей. Если непрерывные успехи поднимали значение и престиж крупных полководцев, то не в меньшей степени они поднимали и роль сената как символа коллективного гения Рима. Экономические процессы, разрушавшие полис, наталкивались на прочность его

²² Фролов Э. Д. Греческие тираны. Л., 1972, с. 9.

экономических устоев, а рост значения провинций все же не поколебал положения, при котором Рим оставался центром политического управления.

Быть может, особенно сильными позиции старого были в идеологии. Идеи *res publica* и *libertas*, а также полисная идея общего согласия (*concordia*) и необходимость поддерживать их во что бы то ни стало не нашли себе какой-либо альтернативы. Мораль явно ориентировалась на прошлое, и опять-таки ни одна политическая сила не посмела заявить, что разрушает старое, чтобы построить новое. Стремление к деньгам, роскоши, власти было универсальным, но не менее универсальным было и сознание, что это плохо. Необходимость перемен была очевидной. При этом одни полагали, что старое удержать невозможно, другие считали перемены выгодными, однако и тех, и других объединяли боязнь перемен, ностальгия по прошлому и стремление его удержать. Идеология осуждала новации и поднимала на щит традиции.

Новое шло извне, от покоренных территорий и заморских войн, оно сильнее давало себя знать в политической реальности, старое же опиралось на Рим и его полисные традиции и, имея определенный вес в политике и экономике, больше всего сохраняло свои позиции в праве и идеологии. Столкновение борющихся тенденций — полисно-консервативной и территориально-монархической — вело к тому, что борьба приняла особенно болезненный и длительный характер, и потому кризис римского полиса был особенно тяжелым.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА

1. РЕФОРМЫ ГРАКХОВ

Начало политического кризиса Рима было связано с реформой Тиберия Гракха 133 г. На первый план выдвигался аграрный вопрос. В своей попытке реформ Гракх опирался на группу нобилей, которую исследователи называют «сильным сенатским меньшинством»,¹ к тому же сумевшим занять высшие посты. Консулом 133 г. стал П. Муций Сцевола; Гракха поддерживали М. Лициний Красс, принцепс сената Аппий Клавдий и несколько трибунов.

Враждебная традиция обвиняла Тиберия в честолюбии, стремлении выдвинуться и «смыть с себя позор» поражения под Нуманцией.² Это мнение разделяли и некоторые исследователи.³ Согласно другой крайней точке зрения, берущей свое начало от Плутарха, особое влияние на Тиберия оказали греческие доктрины и педагоги Гракха Диофан и Блоссий (Флор, II, 1; Плут. Тиб. Гракх, 7); при этом Тиберий выступает лидером демократии.⁴ Конечно, отрицать личные мотивы было бы неверно; что же касается демократических элементов, то, стремясь улучшить положение плебса, Гракх невольно становился сторонником народа. Тем не менее в своей основе это была попытка реставрации военной мощи чисто полисным путем, т. е. путем восстановления старого земельного паритета.

Аграрный закон, предложенный Тиберием, содержал в себе запрет иметь в одних руках более 500 югеров (125 га) земли на общественном поле. Кроме того, добавлялось по 250 югеров на каждого взрослого сына (Апп. Гр. войны, I, 9) с условием,

¹ Taylor L. R. Appian and Plutarch on Tiberius Gracchus last assembly. — *Athenaeum*, 44, 1966, p. 238—250; Badian E. Tiberius Gracchus and the beginning of Roman revolution. — In: ANRW, T. 1, Bd 1, S. 630.

² В 136 г. Тиберий был квестором сдавшейся армии Гостилия Манцина.

³ Моммзен Т. История Рима. Т. 2. М., 1937, с. 85; Гримм Э. Д. Братья Гракхи, их жизнь и общественная деятельность. СПб., 1894, с. 53.

⁴ Протасова С. И. Борьба общественных идеалов в Риме в эпоху Гракхов. — В кн.: Из далекого и близкого прошлого. Пг., 1923; Ковалев С. И. История Рима. Л., 1949, с. 349.

чтобы общее владение одной семьи не превысило 1 тыс. югеров.⁵ Излишки изымались за компенсацию и раздавались участками по 30 югеров бедному и нищему населению. Продавать эти наделы было запрещено.

Для проведения закона создавалась комиссия из трех человек (аграрные триумвиры). В отличие от других комиссий подобного рода в отношении этой не было четкого указания на срок деятельности. Предлагая закон, Гракх подчеркивал, что он не вводит чего-либо нового, а восстанавливает старый закон Лициния-Секстия. Формально это так и было, однако в новых условиях закон приобретал новое качество.

Большинство знати выступило против его принятия. Главная причина заключалась в том, что знать имела земельные владения выше максимума, и закон наносил по ней удар. Кроме того, недовольство было вызвано демократическим характером реформы и боязнью личного возвышения реформатора. Даже те, кто понимал необходимость закона, в решительный момент испугались преобразований и выступили против его принятия. Видя это сопротивление, Гракх решил не обсуждать закон в сенате и передать его непосредственно народному собранию. Юридически это допускалось, но усилило недовольство нобилитета и усложнило принятие закона.

Народное собрание, наоборот, восприняло закон с энтузиазмом. Массы обезземеленных людей были кровно заинтересованы в законе и сам ход событий делал Гракха народным лидером. Нобилитет противопоставил ему другого народного трибуна — Марка Октавия, который наложил «вето» на законопроект, тем самым сделав его недействительным.⁶ После неудачной попытки компромисса — как лично, так и через сенат (Плут. Тиб. Гр., 10) — Гракх предложил народному собранию рассмотреть вопрос о смещении Октавия с должности. При этом действия трибуна стали принимать все более решительный характер — был опечатан эрарий Сатурна, а полномочия всех магистратов, кроме трибунов, Гракх объявил недействительными до дня голосования.

Голосование состоялось, и Октавий был смещен как лицо, действующее во вред народу. Примечательно, что все древние авторы, в том числе и очень доброжелательно настроенный Плутарх, считают действия Гракха незаконными (Лив. Эпит., 68; О знам. мужах, 64; Плут. Тиб. Гр. 11). Конечно, именно так это воспринял и сенат. Пожалуй, в данном случае произошло столкновение теории, согласно которой народ мог лишить

⁵ Цифру 1000 мы получаем из комбинации с указанием Ливия на норму в 1000 югеров (Лив. Эпит., 58).

⁶ Е. Бэдиан отмечает, что это вполне законное действие тоже стало не совсем обычным, так как трибуны ни разу не применяли вето в народном собрании со времени закона Гортензия (287 г.) (Badian E. Tiberius Gracchus... p. 699).

должности избранного им магистрата и практики, когда этого не делалось. Смещение Октавия стало действием на грани законна, а последующие события вообще выходили за рамки полисного конфликта.

После этого был проведен аграрный закон, для чего избиралась комиссия из трех человек: Тиберия Гракха, его брата Гая и тестя Тиберия Аппия Клавдия. Семейный состав комиссии обеспечивал эффективность работы, но вместе с тем ставил клан Гракхов в особое положение. Трудности начались в процессе практического проведения закона. Главной из них была неупорядоченность документации при оформлении владения участками, которая во многом являлась результатом сознательных действий; вставал и вопрос о постройках и капиталах, уже вложенных в захваченные участки. Наконец, земельный вопрос тесно переплетался с долговым, и, таким образом, как замечает Аппиан, «несправедливые действия богатых, хотя они и были значительны, с трудом могли быть доказаны» (Апп. Гр. войны, I, 18). Тем не менее аграрная комиссия работала так интенсивно, что ее деятельность приостановила процесс концентрации земли и несколько восстановила позиции мелкого землевладения. По данным ценза, приведенного у Ливия, число граждан, внесенных в список, к 125 г. увеличилось более чем на 70 тыс. человек (с 317 823 до 390 736 человек). Естественный прирост мог дать только часть этого количества, поэтому можно предположить, что в значительной степени прирост стал результатом реформы.

Вскоре, однако, триумвиры почувствовали нехватку денег, и Гракх воспользовался завещанием пергамского царя Аттала, по которому Пергам передавался Риму. Тиберий провел решение использовать казну царя для выдачи сумм на покупку инвентаря новым владельцам (Плут. Тиб. Гр., 14). Кроме того, Гракх заявил, что новой провинцией должен распоряжаться не сенат, а народ, что ударяло по монополии сената в провинциальной политике. Другим следствием несколько иного плана было недовольство в новой провинции, вылившееся в восстание Аристоника.

Сенат стал бояться Гракха и начал контратаку, обвиняя его в тирании и угрожая судебными процессами. Нам представляется, что главной причиной ненависти был все же аграрный закон и смещение трибуна и как раз необходимость продолжать работу комиссии и страх перед преследованиями толкнули Гракха на попытку удержать власть и баллотироваться в трибуны на следующий 132 г.

Переизбрание Гракха столь же проблематично, как и смещение Октавия. Вероятно, Гракх не нарушал закон Виллия, не распространявшийся на трибунов, однако переизбрание трибунов уже давно не практиковалось, и в свете предыдущих действий и общего характера трибуната эта попытка вызвала

страх и сопротивление противников Гракха. Нобилитет явно мог рассчитывать на поддержку в народе, прежде всего той его части, которая не была связана с реформой.⁷ По всей вероятности, это были, во-первых, зажиточные слои, имевшие более 30 югеров земли, и во-вторых, те элементы городского и деклассированного плебса, которые не имели земли и уже не хотели ее получить. Если первые солидаризировались с нобилитетом как собственники, то среди вторых были очень сильны нобильские клиенты. Выборы происходили летом, и значительная часть гракханских землевладельцев не явилась на них, занятая сельскими работами (Апп. Гр. войны, 14).

Гракх начал агитацию среди городского плебса. В начале голосования ему удалось получить голоса двух триб, но процедура была сорвана противниками, и, боясь получить недостаточное число голосов, Тиберий распустил собрание. Второе собрание происходило в очень нервной обстановке, начались драки. В разгар столкновения сенаторы прервали свое заседание и по инициативе верховного понтифика Сципиона Назики бросились на гракханцев. Сенаторы «стали вырывать из рук приверженцев Гракха куски дерева, скамейки и другие предметы, которыми они запаслись, собираясь идти в народное собрание, били ими приверженцев Гракха, преследовали их и сталкивали с обрывов Капитолия вниз». Во время этого смятения погибли многие из приверженцев Гракха. Сам он, «оттесненный к храму, был убит у дверей его, у статуй царей». Трупы погибших были брошены ночью в Тибр. Плутарх сообщает, что всего погибло более 300 человек, а Гракха убил другой трибун Л. Сатурей (Апп. Гр. войны, I, 16; ср.: Плут. Тиб. Гр., 19).

Последующие годы характеризовались некоторым спадом борьбы. В 133 г. была взята Нумация, и Сципион Эмилиан покончил с испанской войной, в 132 г. было подавлено восстание рабов в Сицилии, к 129 г. римляне окончательно подчинили Пергам, сделав его провинцией Азия. Антигракханские силы пошли на компромисс, не тронув до поры до времени ни лидеров гракханской группировки, ни аграрный закон.

В 129 г. нападки на закон возобновились в связи с итальянским вопросом. Союзники стремились к равноправию с Римом и болезненно реагировали на притеснения римских властей. Действие аграрного закона привело к тому, что италийцы начали массовые жалобы против деятельности аграрной комиссии. Причины такой реакции на аграрный закон ясны не до конца. Вероятно, с характерным для полисной политики нежеланием вникать в дела неграждан гракханцы не определили, как решать аграрный вопрос вне *ager Romanus*. По-видимому, посессоры-италики также подпадали под статью об изъятии излишков, а бедняки, скорее всего, ничего не получили.

⁷ Ibid., p. 714—715, 720; Taylor L. R. Was Tiberius Gracchus last assembly electoral or legislative? — *Athenaeum*, 41, 1963, p. 51.

Решение проблемы могло иметь два варианта. Первый, более последовательный, был несколько позднее предложен гракханцами. Предполагалось включить италиков в число граждан, на которых так же, как и на римлян, распространялось бы действие аграрного закона. Против этого, ломающего полисные устои пути, выступило не только большинство сената, но и большинство народа. В этих условиях правящие круги Рима во главе со Сципионом Эмилианом решили воспользоваться жалобами союзников и покончить с деятельностью аграрной комиссии. В 129 г. Сципион предложил изъять из полномочий триумвиров право решать, какие земли являются общественными, а какие частными. Теперь это право передавалось консулу Тудитану, который вскоре уехал на войну в Иллирик. Работа комиссии была приостановлена (Апп. Гр. войны, I, 19).

В 125 г. консул Фульвий Флакк, ставший одним из лидеров гракханской партии, впервые предложил предоставить италикам права римского гражданства. Законопроект был провален, и его отзвуком стало восстание во Фрегеллах, подавленное претором Л. Опиимем. После консульства Флакка началось новое усиление гракханского движения, во главе которого становится младший брат Тиберия Гай Семпроний Гракх. Новое движение было более многоплановым и стало шире и сильнее, а новый лидер — талантливый политический деятель и великолепный оратор — оказался более крупным реформатором, чем его брат.

В 123 г. Гай стал народным трибуном и предложил серию законов, которые продолжили программу Тиберия. Выполнением программы Тиберия был аграрный закон Гракха-младшего. Закон четко зафиксирован традицией (Агр. закон 111 г., 8, 14, 19, 21, 27—28; Циц. Против Кат., IV, 4; Лив. Эпит., 60; Флор., III, 15), но его деталей мы не знаем. Поскольку известно, что окончательная отмена комиссии произошла в 119 г., а закон 111 г. был тесно связан с гракханской реформой, естественно предположить, что закон Гая повторял закон 133 г. и восстанавливал аграрную комиссию.

Следующие шаги Гая уже расширяли программу брата. Причиной этого было стремление решить ряд новых задач и привлечь на свою сторону те слои, которые в свое время не поддерживали Тиберия. Видимо, одной из первых мер такого рода стал хлебный закон (*lex frumentaria*). По предложению Гая были резко снижены цены на хлеб, выдаваемый народу с государственных складов (Апп. Гр. войны, I, 21; Плут. Гай Гр., 6). По Ливию, хлеб продавали по 6¹/₃ асса за модий, что было очень дешево (Лив. Эпит., 60).

Предлагая закон, Гай Гракх исходил из традиционного стремления полисной демократии обеспечить беднейшее население хлебом. Однако в новых условиях последствиями закона были рост социального паразитизма плебса и падение его по-

литического значения, рост демагогии и усиление давления на провинции. Одновременно с этим Гай попытался дать работу многим римским плебеям и поднять производительные силы Италии, начав крупное строительство дорог и хлебных амбаров. Строительство дорог способствовало также освоению римлянами Италии.

Ограниченность италийских земельных фондов привела Гая Гракха к плану заморской колонизации. Уже в 122 г. по закону его сторонника Рубрия было решено основать колонию рядом с бывшим местонахождением Карфагена; во главе ее встали Гай и Фульвий Флакк. Закон имел принципиальное значение, поскольку число римских заморских колоний было столь мало, что каждое основание новой становилось крупным событием.⁸ Более того, местоположение Юнии должно было сделать ее особым римским центром за пределами Италии. Гракх принял первый шаг на пути романизации провинций, предваря тем самым политику Цезаря и Империи. Экономическая политика Гая Гракха, сохраняя многие элементы полисного консерватизма, тем не менее начала ломать полисную систему.

Законы Гая привлекли на его сторону практически все слои народа, что обеспечило ему блестящий успех при переизбрании на 122 г. Понимая враждебность нобилитета и сената и неустойчивость поддержки народа, реформатор начал искать новую опору в лице всадников, которые ранее были враждебны гракханцам (Салл. Юг. война, 42; Лив. Эпит., 58), и прежде всего представителей делового мира, откупщиков-публиканов.

В интересах этих групп Гай провел два закона — судебный и закон о провинции Азии. Источники дают несколько противоречивую информацию о судебном законе. Плутарх сообщает, что Гракх предполагал пополнить сенат всадниками, добавив к 300 сенаторам еще 300 человек из *ordo equester* (Плут. Гай Гракх, 5). То же самое сообщает Ливий, но с той разницей, что его пропорция составляет 600 к 300 в пользу всадников (Лив. Эпит., 60). По Веллею Патеркулу и Диодору, Гракх отнял у сената суды и передал их всадникам (Диод. 37, фр. 13; Велл. Пат, II, 6). Наиболее подробно описывает передачу судов Аппиан. Разоблачив коррупцию наместников, Гракх будто бы заставил сенат согласиться на законопроект о передаче судов всадникам, что было утверждено народным собранием. Хотя Аппиан в духе традиционной сенатской пропаганды и говорит о передаче всадникам всей судебной власти, из текста видно, что речь идет только о комиссиях по делам о вымогательствах (Апп. Гр. войны, I, 22).

Последующие события показали, что никакого пополнения сената не было, и речь шла только о передаче судов. Некоторые

⁸ Кроме Юнии можно назвать, видимо, только Италику и Малакку в Испании.

исследователи предполагают, что первоначально Гракх планировал пополнение сената, а затем, либо встретив сильное сопротивление, либо поняв, что это приведет к усилению сената, решил изменить политику.⁹ Проводя закон, Гай рассчитывал создать из представителей деловых кругов определенный противовес сенату и организовать единый блок из народа и всадников. Как показали события, достичь этого ему не удалось. Кроме того, и всадники не особенно поддерживали реформы Гракха. Дополнительным мероприятием в интересах публиканов была сдача на откуп азиатских налогов (закон о провинции Азия), что должно было усилить позиции всадничества.

Вероятно, в этот момент Гай достиг максимального могущества. Он был популярен в народном собрании, видимо, на время привлек к себе всадничество, наконец, вокруг него сплотились те группы знати, которые поддерживали Тиберия. Гракх едва ли стремился к диктатуре, но объем дел, которыми он занимался, характер его деятельности и массовая поддержка сделали его опасной фигурой, и даже Плутарх говорит о его

μοχάρηκίη ισχύς (Плут. Гай Гр., 6), Наконец, Гай был еще молод, в перспективе его ожидали более высокие должности, и вся политическая жизнь концентрировалась вокруг него.

Все это вызвало контрнаступление сената, возглавляемого противниками Гая. Началось оно с тонкого хода. Трибун Ливий Друз начал демагогическую кампанию, обещая крупную колонизацию в Италию и Сицилию и отмену телесных наказаний в армии (Плут. Там же, 8—9; Апп. Гр. войны, I, 23). После того как значительная часть народа стала относиться к Гаю менее восторженно, его противники начали атаку на колонизацию в Африку, играя на полисных чувствах и суевериях. Изменилась и персональная ситуация. Консул 122 г. Г. Фанний (ранее сторонник Гракхов) перешел на сторону его врагов, а на 121 г. были избраны Кв. Фабий Максим и Л. Опиций, настроенные по отношению к Гаю крайне враждебно. Все чаще стали раздаваться обвинения в стремлении к единоличной власти.

В этот момент Гракх предложил закон о предоставлении италикам прав римского гражданства, повторив предложение Фульвия, сделанное в 125 г. Как и тогда, закон встретил оппозицию как со стороны сената, так и со стороны народного собрания. Провал законопроекта привел к перелому. Гай баллотировался в трибуны на 121 г., но потерпел поражение, после чего стал частным лицом.

С самого начала 121 г. консул Опиций повел атаку против законов Гракха и прежде всего против вывода Юнонии. Во время одной из сходов произошло столкновение, в результате которого погиб консульский ликтор. Сенат немедленно принял так называемое *senatusconsultum ultimum* — решение, времен-

⁹ САН, vol. IX, p. 325.

но приостанавливающее действие конституционных гарантий и передающее консулам всю полноту власти. Само это решение означало возобновление давно не практиковавшейся системы чрезвычайных полномочий. Гракханцы укрепились на Авентине, и Олимпий бросил против них большое число вооруженных людей, в том числе и регулярные войска. Подавление гракханского движения сопровождалось побоищем, в котором погибло 3 тыс. человек, а сами Гракх и Фульвий Флакк были убиты (Плут. Гай Гракх, 17; Апп. Гр. войны, I, 26). После подавления гракханцев были проведены репрессии против оставшихся в живых. На сей раз разгром оказался более жестоким.

Уже древние авторы по-разному оценивали деятельность Гракхов. Враждебная традиция считала их беспринципными демагогами, стремящимися к личной выгоде, предлагающими пагубные законы и разжигающими социальные конфликты. Тиберия и особенно Гая прямо обвиняли в стремлении захватить единоличную власть. Заметим, правда, что даже Флор, передающий все эти обвинения, возмущен расправой над ними и не отрицает известной справедливости их действий (Флор, III, 14—15). Примерно так же оценивает их Цицерон: Гракхи — мятежники, сделавшие злое дело, но известная справедливость и величие целей были им присущи (Циц. Об ответах гаруспиков, 40—41, 43; Об агр. зак., II, 10; Об ораторе, III, 26; О своем доме, 24). В оценке Плутарха они, наоборот, — идеалисты и демократы, стремящиеся к благу народа и государства, часто вынужденные нарушать законы, но старающиеся этого не делать. Аппиан видел в деятельности Гракхов начало кризиса и считал, что они стремились к ликвидации опасных для республики тенденций и возрождению ее мощи, хотя их действия скорее усугубили кризисные явления (Апп. Гр. войны, I, 2).

Сходны и оценки современных исследователей. Т. Моммзен называет Гракхов демагогами и политическими поджигателями, а Гай Гракх, по его мнению, откровенно стремился к монархической власти.¹⁰ Другая крайняя точка зрения представлена, например, С. И. Ковалевым, считавшим их демократами, стремившимися к народовластию.¹¹ Наконец, большинство современных исследователей склоняются к аппиановскому мнению, согласно которому главной целью Гракхов была регенерация военной мощи Рима.¹²

Гракхи выступили как реформаторы полисной системы, однако новая ситуация превратила их деятельность в разрушительный фактор, приведший к началу кризиса. Вероятно, главным итогом деятельности Гракхов было то, что они выступили,

¹⁰ Моммзен Т. История Рима. Т. 2. М., 1937, с. 115—117.

¹¹ Ковалев С. И. История Рима, с. 357—358.

¹² Nicolet Cl. L'inspiration de Ti. Gracchus — REA, 67, 1965, p. 142—159; Boren H. C. The urban side of the Gracchus economic crisis. — AHR, 63, 1957/58, p. 870; Badian E. Tiberius Gracchus... p. 690.

отчетливо показав обществу степень обострения положения. Выступление Грахов еще более обострило социальные противоречия римского общества. Реформы выявили ряд серьезных проблем, которые нуждались в решении (проблема союзников и проблема провинциального управления, аграрный вопрос, роль всадников, организация суда). Наконец, обстоятельства подавления гракханского движения показали невозможность традиционных методов политической борьбы и создали опасные прецеденты политического насилия.

2. МАРИЯ И СУЛЛА

Примерно до 113 г. наступило относительное затишье. Правящая олигархия одержала победу и закрепила свои позиции. По отношению к гракханскому законодательству была вырабрана компромиссная позиция. Победившие консервативные силы не решились отменить судебный закон и систему откупа в Азии, хотя оба закона и создавали напряженность между сословиями. Сохранял свою силу и хлебный закон, но вокруг остальных аспектов экономической политики шла острая борьба.

В 119 г. была отменена аграрная комиссия, а колонизация в Юнии практически прекратилась. Итогом аграрного законодательства стал закон 111 г., сохранившийся в виде надписи. Закон прекращал всякие земельные разделы и колонизацию в Африку, но при этом закреплял гракханские переделы и превращал почти всю оккупированную землю в частную собственность. Lex agraria 111 г. нанес сильнейший удар по римскому государственному сектору и способствовал установлению господства частной собственности, что разрушало экономическую основу *civitas*.

Новый политический кризис был вызван военной ситуацией. После завоевания Африки Нумидия из союзника превратилась в главного соперника римлян в этом районе, и Рим стремился к ее ослаблению. В 117 г. после смерти царя Миципсы страна была разделена между его сыновьями Адгербалом и Гиемпсалом и племянником Югуртой. Эта выгодная для римлян ситуация вскоре изменилась. Югурта устранил Гиемпсала и начал борьбу с Адгербалом. В 116 г. сенатская комиссия разделила Нумидию между Адгербалом и Югуртой, но в 112 г. последний начал военные действия. Сенат упустил инициативу, и две комиссии, возглавляемые Эмилием Скавром и Опимием, не смогли сдержать энергичного претендента, что вызвало массовое недовольство народа и всадников.

Югурта осадил Адгербала в Цирте и, несмотря на новое сенатское посольство, захватил город, казнил Адгербала и устроил резню. Среди погибших было много римских всадников, которые вели деловую деятельность в Нумидии (Салл. Юг. войн., 22—26). Бездарность и коррупция лидеров сената, позволивших Югурте объединить Нумидию и создать в ее лице силь-

ную угрозу римской провинции, вызвали сильное движение, в котором объединились всадники и народные массы. Одним из лидеров оппозиции стал народный трибун Гай Меммий. Под давлением этих сил Югурте была объявлена война.

В 111 г. консул Кальпурний Бестия начал успешную кампанию против Югурты, однако, подкупив римское командование, царь добился перемирия, что вызвало новый политический кризис в Риме. Народное движение вынудило сенат отказаться от ратификации договора. По требованию Меммия Югурта был вызван в Рим, чтобы дать ответ, однако когда Меммий начал допрос царя в народном собрании, его подкупленный коллега Г. Бебий запретил обвиняемому отвечать. За время пребывания в Риме Югурта сумел устранить находящегося там родственника правящей династии Массиву. Все эти действия вынудили римлян возобновить войну.

Впрочем, Югурта сумел подготовиться, и когда новая римская армия вторглась в Нумидию, то она была окружена его войском. Командующему Авлу Постумию пришлось заключить перемирие на условиях, продиктованных царем. Поражение вызвало новое антисенатское движение. По предложению трибуна Г. Мамилия Лиметана была создана комиссия для расследования связей с Югуртой и наказания лиц, виновных в поражении. Саллюстий отмечал, что именно плебс настоял на проведении закона, в немалой степени стремясь наконец отомстить за Гракхов (Салл. Юг. война, 40—41). Главными жертвами стали Опимий, Постумий и Кальпурний Бестия. Это был серьезный удар по оптиматам, однако их главной группировке, концентрирующейся вокруг рода Цецилиев Метеллов, удалось сохранить свои позиции.

В 109 г. консул Кв. Цецилий Метелл, назначенный командующим в войне с Югуртой, сумел восстановить порядок и нанести нумидийцам поражение при Мутуле. Югурта стал отступать вглубь страны и заключил союз с царем Мавритании Бокхом. Война затягивалась. Продолжение войны и антиаристократическая волна вызвали оппозицию против Метелла. На гребне этой волны выдвинулся новый политический лидер Гай Марий. Выходец из небогатой семьи из Арпина, Марий был новым человеком среди римской знати. Балансируя между народом и оптиматами, он сумел дойти до претуры, а затем отправился в Африку в качестве легата Метелла. В лице Мария мы, вероятно, впервые видим политика нового типа, не связанного с традиционными политическими силами и пытавшегося балансировать между ними. В период недовольства Метеллом Марий выступил с критикой его действий. Мария поддержали многие солдаты и *negotiatores*, находившиеся в Африке, через которых он установил связи с деловыми кругами в Риме. Народ также встретил его с энтузиазмом, воспринимая как «человека из народа», выступившего против нобилитета (Там же, 65).

Те же силы, которые несколько ранее заставили сенат начать войну с Югуртой, теперь сделали Мария консулом на 107 г. и, несмотря на новые успехи Метелла, добились назначения Мария в Африку.

В 107 г. Гай Марий во главе подкреплений направился против Югурты. Впервые он начал вербовать солдат не только по старому цензовому принципу, но и набирал большое число добровольцев, в том числе из пролетариев (*capite censi*) (Салл. Там же; Плут. Марий, 9). Этот набор положил начало важным преобразованиям, которые способствовали превращению римского полисного ополчения в профессиональное войско. Последствия были значительными. Армия получила новые ресурсы для пополнения, а улучшение оружия и когортная тактика, появившиеся примерно в это время, подняли ее боеспособность. Новые солдаты уже не были связаны с землей и стали превращаться в профессионалов. Связь с командующим и корпоративное единство оказывались сильнее, чем связь с *civitas*.

Вместе с тем роль армии в политической борьбе, особенно на первых ее этапах, была двойственной. С одной стороны, армия как таковая играла всевозрастающую роль в жизни государства, усиливалась ее корпоративность и профессиональность, появление специфических требований отделяло ее от гражданского коллектива. В мирное время армия превращалась в «личную партию», клиенту своего вождя. С другой стороны, солдаты были гражданами республики, связанными с ней определенными узами, а во главе армии стояли сенаторы, магистраты и всадники. Такая двойственность обусловила сложность процесса становления военной диктатуры и монархического режима.

Успеху Мария способствовало и то, что война была практически закончена Метеллом, и после нескольких побед и взятия Цирты Югурта был отнесен к границам Мавритании. Через своего квестора Л. Корнелия Суллу Марий смог договориться с Бокхом. Югурта был захвачен. Это означало конец войны.

Последующие события превратили Мария в фактического диктатора, чему способствовала война с кимврами и тевтонами, двумя германскими племенами, мигрировавшими на юг и по пути присоединившими большое количество галлов. В 113 г. Гн. Папирий Карбон потерпел от кимвров поражение, а в 107 г. в Галлии был разбит проконсул Г. Кассий. В 105 г. правящий нобилитет предпринял попытку контрнаступления. По инициативе консула Кв. Сервилия Цепиона был отменен судебный закон Гая Гракха. Суды были переданы сенату, что вызвало недовольство всадников. Однако в том же 105 г. при Араузионе обе консульские армии Цепиона и Маллия были разбиты германцами. Германская угроза нависла над Италией, и единственным победоносным полководцем, на которого мог положиться Рим, был Марий. На 104 г. Мария избрали консулом, его

поддержали все, кроме небольшой группировки знати. Позиции Мария оказались столь сильными, что он был избран заочно, а затем вступил в город, празднуя триумф над Югуртой.

Как в 104, так и в 103 г. атаки германцев не последовало. Кимвры и тевтоны опустошили Галлию и попытались проникнуть на Пиренейский полуостров. В эти два года Марий был фактически главой правительства, а его коллеги Г. Флавий Фимбрия и Аврелий Орест играли подчиненную роль. Основной целью Мария была подготовка к кимврской войне, продолжение военной реформы и усиление боееспособности армии. Параллельно с этим создавалась мощная личная партия Мария, к которому примкнули многие знатные сенаторы. Через брак с Юлией из рода Цезарей, теткой будущего диктатора, он породнился с нобилитетом, как раз с теми группировками, которые были больше отстранены от власти. В марианскую группировку вошли представители ряда знатных семей (Юнии Бруты, Марции Рексы, Антонии, Валерии Флакки и др.). Вместе с тем вокруг Мария группировались многие незнатные сенаторы, причём некоторые из них даже достигли консульства (Г. Флавий Фимбрия, Маний Аквиллий). К ним присоединилась большая масса публиканов и всадников, недовольных отменой судебного закона, а также солдаты и ветераны Мария. Эта партия опиралась на поддержку народных масс и доминировала в комициях. Наконец, со 103 г. его начала поддерживать группировка популяров во главе с Сатурнином и Главцией.

К концу 103 г. оппозиция, недовольная систематическим переизбранием Мария, впервые сумела добиться успеха. Консулами 102 г. стали Марий и оптимат Кв. Лутаций Катул.

В 102 г. германцы начали наступление. При Аквах Секстиевых Марий разбил тевтонов. Победа снова закрепила его положение, и Марий в пятый раз стал консулом вместе со своим легатом Манием Аквилием. Аквиллий был послан в Сицилию на подавление восстания рабов, а армия Мария двинулась на помощь Катулу, отступившему под натиском кимвров. Соединенная армия римлян одержала победу при Верцеллах, покончив с нашествием.

После Верцелл необходимость в систематическом переизбрании Мария отпадала. С другой стороны, в руках правящего нобилитета была армия, контролируемая Катулом и Суллой (Плут. Марий, 27). Активизировались Метеллы, и немалая часть сторонников Мария начала от него отходить. В свою очередь, Марий пытался сохранить власть и дать своим ветеранам землю. Наиболее динамичной силой среди его сторонников являлись популяры во главе с Сатурнином и Главцией. События 100 г. были фактически попыткой продления «принципата Мария».

Союзникам удалось получить сильные позиции на 100 г. Марий стал консулом в шестой раз, Сатурнин — народным три-

буном, а Главция — претором. Главным пунктом их программы стал аграрный закон, вероятно, предполагавший наделение земель ветеранов в Галлии и Африке (Апп. Гр. войны, I, 29). Закон имел ряд черт, сходных с программой Гракхов, однако принципиальным отличием было то, что эти две линии законодательства достаточно четко отличались друг от друга самим принципом наделения земельными участками. «Одно (традиционное) направление характеризовалось следующим принципом: на обладание земельной собственностью, на получение земельного надела имел право римский гражданин как таковой. Новый же принцип заключался в том, что земельным наделом как неким видом *граетий* награждался за свою службу в армии солдат, независимо от того, являлся ли он членом данного гражданского коллектива, или нет».¹³ Новый принцип был принципом диктатуры и монархии. С Сатурнина началась трансформация римских популяров, которые либо становились помощниками политических лидеров типа Мария, либо придерживались старой политики и, таким образом, отходили на второй план.

Показательно, что теперь популяров поддерживала только часть плебса, прежде всего сельская беднота. Что же касается городского плебса, то, потеряв интерес к аграрному вопросу и находясь под влиянием знати, он оказал закону сопротивление. С протестом выступили несколько трибунов. Только силой Сатурнин сумел провести закон. Желая привлечь на свою сторону горожан, он возможно предложил новое снижение цен на хлеб до $5/6$ асса.¹⁴ В результате интриг Марий заставил сенат принести клятву соблюдать закон, а отказавшийся это сделать Метелл Нумидийский был изгнан (Там же, I, 30, 31; Плут. Марий, 28).

Казалось бы, Марий победил, но, именно в этот момент его положение усложнилось. Оппозиция усилилась не только в сенате, но и в народном собрании. Демагогия и насилие Сатурнина шокировали общественное мнение; союз с Сатурнином окончательно дискредитировал Мария. Верхушка его «партии» начала требовать разрыва с популярами. Сатурнин тоже стал действовать более самостоятельно. Он стал трибуном 99 г., а в консулы баллотировался Главция. Против них выступили сильные кандидаты — знаменитый оратор Марк Антоний и лидер плебса в политической борьбе времени Югуртинской войны Гай Меммий. Оба они не принадлежали к крайнему крылу оптиматов, занимая скорее «центристскую» позицию и имея связи с марианцами, а потому вполне устраивали народное собрание. Сатурнин и его сторонники, отчаявшись одержать победу, организовали убийство Меммия (Лив. Эпит., 69).

¹³ Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики, с. 183—184.

¹⁴ Об этом законе сообщает только риторика «К Гереннию» (I, 21) (Klebs E. Appuleius (22). — R E, Bd 2. Stuttgart, 1896, S. 262). — Молчание Плутарха и Аппиана дает возможность сомневаться в этом факте.

Убийство стало сигналом к расправе. Сенат принял *senatus-consultum ultimum*, нобили вооружили своих клиентов, и на сей раз оптиматы и марианцы выступили совместно, а Марий под сильным давлением вынужден был их возглавить. Вместе с нобиллями и сенаторами выступили всадники, значительная часть народа сочувствовала правительству (Циц. За Раб., 26—27; Апп. Гр. войны, I, 32—33; Плут. Марий, 30). Небольшой отряд Сатурнина был окружен на Капитолии. Перерезав водопровод, Марий заставил его сдаться, видимо, пытаясь сохранить отряду жизнь, но озверевшие оптиматы перебили пленных. Среди погибших были Сатурнин, Главция и квестор Сауфей. Крах Сатурнина означал и сильное падение престижа Мария. В 99 г. в Рим вернулся Метелл. Аграрный закон был отменен, Марий уехал в Малую Азию.

События 100 г. были первым столкновением *civitas* с монархическими силами. Благодаря единству правящего класса и поддержке народного собрания оптиматы одержали полную победу. 100—92 гг. отмечены коротким затишьем. Большинство консулов было связано с правящей группировкой знати, и крупных конфликтов не возникало. Марий и его сторонники были вынуждены сохранять хорошие отношения с нобилитетом.¹⁵

В 91 г. сенат начал наступление на суды всадников. Инициатором была «центристская» группировка знати, собравшаяся вокруг принцепса сената М. Эмилия Скавра, Муция Сцеволы, консула 99 г. Марка Антония и видного оратора, консула 95 г. Л. Лициния Красса. К ним примыкали молодые политики Аврелий Котта, П. Сульпиций Руф и муж сестры Рутилия Марк Ливий Друз, сын противника Гая Гракха. Именно последний, став трибуном 91 г., предложил новый закон о судах.

По предложению Друза суды передавались сенату, который должен был быть пополнен за счет 300 новых членов из всаднического сословия (Апп. Гр. войны, I, 35). Характер реформы оказался явно компромиссным, однако в конечном счете новые члены сената по плану реформатора должны были слиться с руководящей элитой знати и эмансипироваться от своего сословия. Это консервативное мероприятие Друза сопровождалось такими последствиями, которые вызвали крах всей системы. После 90 г. кризис стал перманентным. Закон встретил сопротивление как со стороны консервативных кругов, возглавленных Кв. Сервилием Цепионом, не желавших «разбавления» сената, так и со стороны всадничества, недовольного расколом и считавшего, что его хотят обмануть. В оппозиции оказались и связанные с публиканами сенаторы во главе с консулом 91 г. Л. Марцием Филиппом и, наконец, марианцы.¹⁶

¹⁵ Frank E. Marius and the Roman nobility. — CJ, 50, 1955, p. 149—152.

¹⁶ Подробнее о политической борьбе в 90-е годы см.: Gruen E. S. 1) Political prosecution in the 90-s B. C. — Historia, 15, 1966, S. 32—64;

В такой ситуации Друз был вынужден привлечь на свою сторону народное собрание. Он предложил аграрный закон, предполагавший обширную колонизацию в Италию, а также очередное снижение цен на хлеб (Там же, I, 35; Лив. Эпит., 71). После этого Друз приобрел огромное влияние на народ и добился проведения всех трех законов. В сентябре 91 г. Филипп выступил против проектов Друза, ссылаясь на закон Цецилия-Дидия от 98 г., запрещающий одновременное принятие различных законов. Неожиданно Филипп приобрел союзников в лице италиков, недовольных выводом новых колоний, и, видимо, это заставило Друза обратиться к ним.

Новый проект Друза, так же как и проект Гракха 122 г., предполагал предоставление италикам прав римского гражданства. Как и в 122 г., закон вызвал оппозицию и в сенате, и в народном собрании, а за его провалом последовала и отмена всех остальных. Сам же Друз, возвращаясь домой после ссоры, получил удар кинжалом, который оказался смертельным. После смерти Друза начался террор против сторонников реформы, а в 89 г. была создана комиссия Вария, осудившая многих сторонников Друза.

Что же касается населения Италии, то оно с энтузиазмом восприняло предложение Друза. Увеличение потерь в войнах и рост роли союзнических контингентов, аграрные законы и, наконец, призывы к равноправию, исходящие из Рима, привели к восстанию. Союзническая война (91—88 гг.), поставившая под вопрос существование римского государства, охватила большую часть союзников, и вскоре образовалось два центра — в центральной Италии, где выступила группа мелких племен во главе с марсами, и в Самнии, где против Рима выступили луканы и самниты. В движении сочетались две тенденции: старая, выражавшаяся в стремлении к отдалению от Рима и ликвидации римского господства, и новая, заключающаяся в получении гражданских прав, т. е. изменении положения внутри и в рамках римской державы. В 90 г. римляне потерпели ряд поражений. Война заставила их на время забыть внутренние разногласия и пойти на уступки союзникам.

Неизбежность таких уступок очевидна. По переписи 227 г., римские граждане насчитывали 300 тыс. военнообязанных мужчин, еще 134 тыс. давали латины. В районах, активно участвовавших в восстании, перепись дала следующие данные: самниты — 123 тыс., луканы — 52,8, апулийцы — 89,6, народы Аbruццо (мелкие племена центральной Италии) — 54,4 тыс. Общее число союзников составляло 320 тыс. человек, еще 76 тыс. приходилось на этрусков и умбров, занявших выжидательную позицию. При этом далеко не все латины сохранили

2) The Lex Varia — JRS, 55, 1965, p. 59—73; 3) Roman politics and the criminal courts 149—78 B. C. Cambridge, 1968; G a b b a E. Mario e Silla. — In: ANRW, T. 1, Bd 1, S. 764—805.

верность римлянам. В 90—89 гг. народонаселение увеличилось, но пропорции должны были сохраниться. Всего обе стороны выставили около 300 тыс. человек, а силы италиков были не меньшими, чем у римлян.¹⁷

В таком положении затягивание войны на несколько лет подвергало производительные силы Италии невероятному напряжению, тем более, что в любом случае шло уничтожение римской военной мощи, элементами которой являлись и римляне, и союзники. Поэтому уже в 90 г. был принят закон Юлия, предоставивший гражданство всем тем, кто еще не вступил в войну, а закон Плавтия-Папирия (89 г.) давал гражданство всем повстанцам при условии сложения оружия. Большинство этим воспользовалось, и к 88 г. в результате побед римских армий, а также некоторых уступок, сделанных ими союзникам, восстание было подавлено везде, кроме некоторых районов Самнии и Лукании, где были особенно сильны сепаратисты.

Значение союзнической войны трудно переоценить. Это был перелом на пути трансформации полиса в италийскую державу. Начался процесс утверждения новой системы, завершившийся только ко времени принципата. Однако было бы ошибкой считать, что война полностью решила проблему «Рим — Италия», так как первые осложнения возникли сразу же после 89 г. Война нанесла сильный удар по экономике и создала массу бедняков и разоренных. Первоначальное распределение новых граждан было неравноценным, и их записывали только в ограниченное число триб (10—по Аппиану: Апп. Гр. войны, I, 49; 8—по Веллею Патеркулу: Велл. Пат., II, 17, а возможно, что и в 4 городские, как в случае с либертами); в Самнии еще не сложили оружие повстанцы. Эти проблемы пришлось решать на фоне нового внешнеполитического кризиса.

В 90 г. Рим вступил в конфликт с Митридатом, а в 88 г. армии понтийского царя нанесли внезапный удар и захватили Малую Азию и Грецию. Рим начал терять свои восточные владения. Ведение войны было поручено прославившемуся в союзническую войну и ставшему консулом 88 г. Луцию Корнелию Сулле, однако на политической арене снова появился Марий, заключивший союз с близким другом Друза трибуном П. Сульпицием Руфом. Марий и Сульпиций смогли опереться на те силы, которые поддерживали Мария в 100-е годы, а также на партию Друза и большое количество всадников (Плут. Сулла, 8).

Как и ранее, Марий в основном преследовал личные цели — получение армии и командование в войне. Сульпиций рассчитывал на помощь марианцев в завершении реформ Друза. Первым предложением Сульпиция был закон о распределении италиков по всем 35 трибам, который он внес на рассмотрение

¹⁷ Brunt P. Italian manpower. Oxford, 1971, p. 420. — Ценз составлен на основе данных Полибия (Полиб., II, 24).

народного собрания. В оппозиции Сульпицию оказался не только сенат, но и масса старых граждан в народном собрании. Консулы объявили юстиций, и в ответ на это Сульпиций организовал на них нападение. Во время схватки погиб сын второго консула Кв. Помпея Руфа, и Сулла под угрозой физической расправы отменил свое решение (Там же, Апп. Гр. войны, I, 55). После этого Сульпиций провел закон об италиках и решение о назначении Мария командующим в Митридатовой войне.

Традиционные методы борьбы были исчерпаны, однако Сулла перевел конфликт в новую стадию. Он направился в Нолу, где стояла армия, которую он хотел вести против Митридата, и повернул ее против Рима. Город был взят войсками. Сулла созвал народное собрание, отменил законы Сульпиция и объявил вне закона Сульпиция, Мария и 10 лидеров их партии. Сульпиций был убит, а Марий бежал в Африку. Вероятно, в это время проводился закон Суллы, по которому любой законопроект, выдвинутый трибуном, нуждался в утверждении его сенатом (Апп. Гр. войны, I, 57—58; Лив. Эпит., 77; Плут. Марий, 35; Сулла, 9—10; Циц. Фил., VIII, 7; Велл. Пат., II, 20).

Цель переворота Суллы заключалась в ликвидации законов Сульпиция, что и было сделано. Тем не менее значение этого переворота оказалось огромным. Впервые армия использовалась в борьбе за власть не как политическое орудие, а в своем прямом военном качестве. Конфликт перешел на новый уровень. Положение Суллы после переворота было довольно сложным. Несмотря на то, что его армия контролировала положение, оппозиция оставалась достаточно сильной. Партия Мария и Сульпиция не была разгромлена, к ней присоединились многие недовольные методами Суллы. Первые симптомы проявились в массовом протесте и требованиях вернуть изгнанников. Консул Помпей Руф был послан принять армию Гн. Помпея Страбона, отца Помпея Магна, однако, когда он прибыл в армию, взбунтовавшиеся солдаты убили Помпея Руфа (Лив. Эпит., 77; Велл. Пат., II, 20; Апп. Гр. войны, I, 63). Наконец, на 87 г. консулами были избраны оптимат Гней Октавий и противник Суллы Л. Корнелий Цинна.

Почти сразу же после отъезда Суллы Цинна выдвинул требование о равномерном распределении италиков по всем 35 трибам и возвращении изгнанников. Этому противился Октавий, и столкновение в комициях перешло в побоище, которое по масштабам превзошло все предыдущие. Цинна был лишен власти и изгнан. Новым консулом стал Корнелий Мерула. Повторяя действия Суллы, Цинна бежал в Капую к армии, заменившей ушедшее на восток войско Суллы, и повел ее на Рим. Сенат поддержал Октавия, однако некоторые сенаторы бежали к Цинне. Мятежного консула поддержали новые граждане, ему удалось договориться с самнитами и заключить союз с прибывшим из Африки Марием (Циц. Брут., 179; Фил., VIII, 7; Велл.

Пат. II, 20; Апп. Гр. войны, I, 64—67; Лив. Эпит., 79; Плут. Марий, 41; Серт., 4).

Оптиматы сосредоточили в Риме около 50 когорт, кроме того, на помощь им подошла (хотя и довольно ненадежная) армия Помпея Страбона. Цинна явно имел численное превосходство. Марианцы блокировали столицу, в Риме начался голод, а в армии оптиматов — массовое дезертирство, особенно в войсках Помпея Страбона. После смерти последнего (от удара молнии) его армия практически распалась. Наконец, Октавий капитулировал, и марианцы вступили в Рим. Одна часть оставшейся армии сдалась, другая ушла из города с претором Метеллом Пием, сыном Метелла Нумидийского.

Цинна был восстановлен в должности, а изгнание Мария — отменено. Оба стали консулами на 86 г. Победа марианцев сопровождалась резней политических противников. Жертвами стали Октавий, Мерула, Кв. Катул, поддерживавшие оптиматов Красс и Антоний и др. Особенно свирепствовал Марий, набравший специальный отряд из рабов, который он назвал «бардиейми». Репрессии достигли такого размаха, что Цинна и Серторий в конечном счете окружили рабов войсками и всех перебили (Плут., Марий, 43; Апп. Гр. войны, I, 72—74). В январе 86 г. в самом начале своего консульства Марий умер.

Говоря о деятельности Мария, нам представляется, что следует отвергнуть как его старую оценку (как демократа или «демократического диктатора»),¹⁸ так и более новую точку зрения, согласно которой он был ставленником всадников.¹⁹ По нашему мнению, Марий представлял собой лидера, который вначале стремился к особому положению в рамках старой республики, а затем и к положению диктатора, не ограниченного этими рамками. Он был первым, кто стал последовательно проводить политику лавирования и создал личную партию. Конфликт Мария с существующим порядком по сравнению с конфликтом политиков предыдущих периодов был глубже и острее и уже не заканчивался полной победой республиканских сил.

В плане оформления власти по стопам Мария шел Цинна. Он был консулом в 86, 85 и 84 гг., причем оба последних года его коллегами были ближайший сподвижник Гн. Папирий Карбон, а в 86 г. тоже видный марианец Валерий Флакк. Формально Цинна не являлся единоличным правителем, но реально его положение было именно таковым. Цинна опирался на армию и довольно разнородную «личную партию», которые привели его к власти. Как и группировка Мария, преемницей которой оказалась «партия» Цинны, последняя состояла из очень разнородных сил: нобилей, всадников, части плебса и но-

¹⁸ Моммзен Т. История Рима. т. 2. с. 180. 195: Ковалев С. И. История Рима, с. 407.

¹⁹ G a b b a E. Mario e Silla. — In: ANRW, T. 2, Bd 2, p. 780.

вых граждан. В 86—85 гг. сенат в основном контролировался Цинной. Народное собрание тоже не оказывало ему сопротивления; вероятно, его поддерживало и всадничество. Все это в значительной степени было результатом осторожной политики режима, который в основном старался сохранить *status quo*, чтобы удержать свое положение. До 85 г. Цинна был занят установлением хороших отношений с сенатом и практически не проводил преобразований. Равное распределение италиков было отложено.

В 87—86 гг., Сулла разгромил Митридата, а в 85 г. заключил с ним Дарданский мирный договор. Вскоре к Сулле перешла марианская армия Фимбрии. В 85 г. Сулла написал письмо сенату, объявляя о намерении бороться со своими врагами (Апп. Гр. войны, I, 77), после чего сенаторы пытались примирить Суллу и Цинну и даже вынудили последнего дать соответствующее обещание. Многие из них бежали к Сулле. В свою очередь Цинна форсировал подготовку к войне. В 84 г. он, наконец, выполнил свое обещание и провел закон о равном распределении италиков по трибам, а затем начал готовить войска для переправы в Далмацию. Однако в Анконе недовольные солдаты подняли мятеж, во время которого Цинна был убит.

В начале 83 г. марианцы собрали более 100 тыс. человек, кроме того, на их стороне были самниты. Общие силы равнялись 150—180 тыс. человек, однако немалую часть составляли новобранцы. Основная армия Суллы насчитывала 30—40 тыс. человек, вместе с силами Метелла, Помпея, Красса и других своих легатов он мог выставить около 100 тыс. солдат.²⁰ Тем не менее численный перевес марианцев сводился на нет как худшей подготовкой их армии, так и тем, что среди марианцев было много сторонников компромисса, к числу которых принадлежали и консулы 83 г. Сципион и Норбан.

Высадившись в Брундизии, Сулла двинулся на север. В первом сражении у Канузия или Тифаты был разбит Норбан, отступивший затем в Капую. Другую армию марианцев (около 50 когорт) разбил Марк Лукулл у Фидентии. Сулла начал мирные переговоры со Спичионом и во время перемирия переманил на свою сторону его 4 легиона (Плут. Сулла, 27; Апп. Гр. войны, I, 84, 85). К концу 83 г. Сулла добился перелома, и около половины армии марианцев вышло из строя.

В 82 г. марианцы мобилизовали оставшиеся силы, которые возглавили наиболее радикальные лидеры — консулы Гн. Папирий Карбон и 20-летний сын Мария. Бои развернулись в центральной и северной Италии. Сулла двинулся в Лациум против Мария, а Метелл и Помпей атаковали Карбона. У Сакрипорта (или у Сигнии) Марий был разбит и отступил в Пренесте, где и был осажден. Одновременно Метелл и Помпей нанесли ряд

²⁰ Brunt P. Italian manpower, p. 427.

поражений Карбону. По приказу Мария претор Юрий Брут Дамазипп, покидая Рим, уничтожил ряд видных сторонников соглашения с Суллой (Апп. Гр. войны, II, 88).

Оставив у Пренесте Лукреция Офеллу, Сулла тоже двинулся против Карбона. В результате атаки с нескольких сторон Карбон потерпел ряд поражений и принял решение прорваться к Марию. Посланные вперед 8 легионов Марция Цензорина были разбиты Помпеем. Вылазка Мария закончилась неудачей, а Метелл нанес Карбону поражение у Фавенции. Карбон бежал в Африку, оставив около 7 легионов, которые прорвались на соединение с самнитами, тщетно пытавшимися освободить Мария. Не сумев этого сделать, они внезапно повернули на Рим, к которому едва успел подойти Сулла. В ожесточенном сражении у Коллинских ворот Сулла и Красс разгромили остатки марианцев. Война закончилась. Вскоре Помпей захватил Сицилию и Африку, казнив взятого в плен Карбона, а сулланский легат Гай Анний овладел Испанией, выбив оттуда марианского наместника Квинта Сертория. В войне погибли оба консула. Сенат объявил междуцарствие. Интеррекс, принцепс сената Валерий Флакк назначил Суллу диктатором и, в свою очередь, был сделан начальником конницы (Там же, 88—91, 99; Циц. Об агр. зак., III, 5; К Атт., IX, 15, 2; Плут. Сулла, 33; О знам. мужах, 75; Велл. Пат., II, 28).

В правовом плане диктатура Суллы проблематична. Некоторые исследователи полагают, что он снял диктатуру не в 79 г., как обычно считали, а в 80 г., пробыв на посту положенные 6 месяцев. После этого он стал консулом, а в 79 г. снял с себя и эту консульскую власть. В таком случае диктатура Суллы оказывается более легитимным институтом.²¹ К сожалению, источники не дают четкой правовой дефиниции, однако акт 79 г. воспринимается как снятие власти, которая, по сути дела, представлялась именно как диктаторская, а между его положением и в 81 г., и 80 г. различие незаметно. Скорее всего, нет особых оснований отрицать традиционное мнение, что Сулла взял диктатуру на неопределенный срок, что явилось принципиальным новшеством, и отказался от нее в 79 г. Таким образом, он был первым из римских правителей, который поставил себя над остальными, создав особую власть, точнее, трансформировав имеющуюся магистратуру.

Особое положение Суллы подчеркивали еще несколько идеологических апектов. Он получил прозвище *Felix* (Счастливый), детей Суллы от брака с Цецилией Метеллой звали Фавст и Фавста. Аппиан упоминает, что после победы Сулла поставил свою конную статую с надписью *Ἐννυχός*; кроме того, диктатор любил именоваться любимцем Афродиты. Это постоянное подчеркивание особого счастья, характерное для политической

²¹ G a b b a E. Mario e Silla, p. 797—799.

деятельности Суллы, создавало, особенно после победы, иллюзию особого покровительства богов, под которым он якобы находился. Эта идея закладывалась в основу культа императора. Наконец, следует обратить внимание еще на одну ассоциацию, которая связывала Суллу с Ромулом.²²

Первым действием Суллы явилось уничтожение оппозиции. Массовые расправы с остатками марианцев начались уже в ходе войны. Города, оказавшие сопротивление, и особенно Пренесте, Норба и Эзерния, были разгромлены. После победы у Рима Сулла перебил несколько тысяч пленных, были разорены Самний и Лукания (Лив., Эпит., 89; Циц. О своем доме, 79; Страбон, XI, 254).

После первой волны убийств в Риме по просьбе своих сторонников диктатор начал выпускать печально известные проскрипционные списки. Первый из них включал 80 имен, позже были добавлены 220, а затем еще столько же. Списки пополнялись и потом.

Люди, включенные в списки, подлежали уничтожению. Казнили и тех, кто укрывал их или помогал им. В свою очередь, донос предполагал свободу для раба и денежную награду для свободного. Среди казненных было много невинных людей, ставших жертвой произвола или личной вражды сулланцев; многие погибли из-за собственного богатства. Общее число проскрибированных Валерий Максим определил в 4700 человек, в том числе 40 сенаторов и 1600 всадников. Это, вероятно, были только люди, принадлежащие к социальной верхушке, общее число жертв террора оказалось значительно большим. Дети и внуки проскрибированных не могли занимать магистратуры (Вал. Макс., IX, 2, 1; Апп. Гр. войны, I, 95; Флор, II, 9; Плут. Сулла, 31; Велл. Пат., II, 28). Многие города были наказаны срытием стен и цитаделей, штрафами и высылкой колоний ветеранов. Итогом проскрипций и террора явилось уничтожение марианской партии и противников Суллы. Массовые конфискации были средством расплаты диктатора со своими сторонниками.

Видимо, после некоторого спада террора Сулла начал серию конструктивных реформ. Сенат был пополнен 300 новыми членами, в основном за счет молодых нобилей и офицеров Суллы. Таким образом, поредевший сенат усилился за счет верных диктатору людей, а верхушка сулланцев получала магистратуры и места в высшем правительственном органе.

Полномочия сената расширялись. Ему возвращались суды, и он мог контролировать магистратов. Цензура была ликвидирована, и все новые квесторы, число которых увеличилось с 8 до 20, автоматически входили в сенат. Остальные магистратуры сохранялись, однако полномочия магистратов уменьшились.

²² Balsdon J. P. V. D. Sulla Felix. — JRS, 41, 1951, p. 1ff.

Сулла дополнил закон Виллия, четко установив порядок прохождения должностей: квестура, претура, консульство. Явно имея в виду практику Мария и Цинны, он подтвердил запрет занимать второе консульство ранее чем через 10 лет после первого. Возрастной ценз повышался, консулом можно было стать только в 43 года. Диктатор сделал попытку оторвать консулов от провинциальных армий, ограничив их возможность покидать Рим в год консульства. Вопрос о распределении провинций решал сенат. Число квесторов и преторов было увеличено, что способствовало падению значения этих должностей. Кроме того, Сулла нанес удар по народным трибунам, запретив им проводить законы в народном собрании без санкции сената. Сокращалась и трибунская интерцессия. Наконец, бывшие трибуны лишались права занимать прочие должности (Апп. Гр. войны, I, 100, Тац. Анн., XI, 22; Циц. О конс. пров., 3).

Таким образом, в плане организации управления Сулла проводил реставраторскую программу. Он поставил во главе управления сенат, дав ему возможность контролировать все остальные органы. Практика гражданских войн оказалась вне закона. Это фиксировалось в законе Суллы об оскорблении величия (Циц. Против Пиз.; За Клуенция, 97; К близким, III, II, 2). Закон запрещал покидать провинцию и уводить войско, вести войну и ставить на престол царей, если это не было санкционировано сенатом и народом. Судя по более поздним законам, *lex Cornelia* мог запрещать убийство магистрата и организацию мятежа (*seditio*).

Диктатор не отменил равного распределения италиков по 35 трибам, более того, в данном случае он пошел навстречу исторической необходимости и произвел муниципальное деление Италии, дав большинству городов статус самоуправляемых муниципиев. Вместе с тем некоторые италики были наказаны, и Сулла расселил на их территории 120 тыс. ветеранов (Апп. Гр. войны, I, 104). Это преобразование было, вероятно, самой крупной и болезненной реформой диктатора. Достигались сразу три цели: Сулла расплачивался со своими солдатами, наказывал врагов и создавал опорные пункты своей власти по всей Италии.

В 81 г. Сулла был диктатором, в 80 г. он добавил к этому еще и власть консула. Наконец, в 79 г. он отказался от власти и вскоре умер. Уход Суллы по-разному объясняется современными исследователями. Моммзен считает его исполнителем воли нобилитета, ушедшим сразу после того, как только был восстановлен старый порядок. В принципе эта точка зрения разделяется, хотя и с некоторыми оговорками, многими современными исследователями. Противоположное мнение было высказано Ж. Каркопино, который считает, что диктатор стремился к единоличной власти, но был вынужден уйти из-за оппозиции в своем окружении. Каркопино показал наличие нереспубликанских элементов в деятельности Суллы, что было принято

последующей наукой.²³ Однако в целом его гипотеза противоречит фактам.

Уход был явно добровольным, а его причиной, видимо, следует считать целый комплекс факторов. Главным, пожалуй, было то, что ни общество, ни его лидеры, в том числе и сам Сулла, не созрели для постоянной единоличной власти и с самого начала считали диктатуру только временной. От Суллы ожидали реставрации старой республики, именно так рассматривал свою деятельность и он сам. В довершение ко всему диктатор был смертельно болен.

Оценка Суллы и его деятельности представляет немалые трудности. Это едва ли не самая противоречивая фигура поздней республики, действовавшая в момент, когда государство находилось на перепутье и консервативная и динамическая тенденция уравнивались. Общей тенденцией законодательства Суллы являлась реставрация республики в том виде, в каком она существовала до начала кризиса. На это были нацелены его политические реформы и закон об оскорблении величия, на это же направлялась и его политика в отношении нобилитета. С другой стороны, средства, используемые Суллой, явно не соответствовали этому принципу. Чтобы победить, Сулла опирался на тех, кто не был связан с консервативной традицией — профессиональную армию, «новых людей» и даже рабов-доносчиков, и, сохраняя полисную систему ценностей, защищал ее с помощью неполисных сил.

Проводя свои законы, Сулла превысил возможности, которые давало республиканское право. Произвол и репрессии диктатора говорили о нем как о тиране и монархе. Все это неизбежно разрушало те традиции, за которые он боролся. Вместе с тем некоторые результаты гражданских войн, например предоставление Италии римского гражданства, Сулла уже не мог игнорировать.

Общий итог противоречив. Диктатура Суллы стала развитием единоличной власти и усилением монархической тенденции. Одновременно с этим трансформация республики в монархию была во многом приостановлена, а позиции оптиматов упрочены. Диктатура не ликвидировала противоречий, а, наоборот, обострила их, и бурные события 70-х годов оказались последствием войны и сулланской диктатуры. Именно после Суллы гражданская смута сама по себе становится главной, самодовлеющей причиной дальнейшего кризиса.

²³ Моммзен Т. Римская история, т. 2, с. 348—350; G a b b a E. Mario e Silla, p. 804—805; Meier Chr. Res publica amissa. Wiesbaden, 1966, S. 258—260; Carcopino J. Sulla ou la monarchie manquée. Paris, 1931; Badian E. Waiting for Sulla. — JRS, 52, 1962, p. 47—61; Salmon E. T. Sulla redux. — Athenaeum, 52, 1964, p. 60—79; Volkman n H. Sullas Marsh auf Rom. Der Vorfall der römischen Republik. München, 1958.

3. ПОМПЕЙ И ЦЕЗАРЬ

Разрушительные последствия гражданских войн проявились в самых различных областях жизни государства. Внутренние смуты переходили в военные столкновения, ослабление Рима вызвало внешнеполитические осложнения, росло пиратство, усиливалось движение в провинциях. Восстание Лепида и Сертория, усиление пиратов и Митридата и даже восстание Спартака были последствиями кризиса 80-х годов.

После смерти Суллы начали активизироваться его противники и те, кто пострадал от действий диктатора. Движение поддержали римский плебс и многие италики, недовольные выводом ветеранских колоний. Во главе движения встали группы нобилитета, оттесненные от власти и недовольные сулланской системой.

В 78 г. консулами стали сулланец Кв. Лутаций Катул и М. Эмилий Лепид, бывший генерал Суллы, выступивший против оптиматов. Такой шаг Лепида явился в значительной степени результатом разногласий между двумя группировками сулланцев—кланом Метеллов—Клавдиев и примкнувшего к ним Помпея и группировкой Катула.²⁴ Таким образом, в позиции Лепида отразились как попытки антисулланских сил отменить законы Суллы так и борьба за власть внутри самого сулланского руководства.

Сразу после смерти Суллы Лепид выступил против предложения Катула похоронить диктатора на Марсовом поле. Подавляющее большинство сенаторов поддержало Катула, и похороны состоялись. Вскоре в Фезулах началось восстание против сулланских колонистов, и против инсургентов были посланы оба консула. Вместо того чтобы вести войну, Лепид занял выжидательную позицию и вступил в контакт с повстанцами. Мятежный консул объединился с марианцем М. Юнием Брутом и двинулся на Рим, потребовав восстановления власти трибунов, возвращения изгнанников и отмены ограничений в правах для проскрибированных и их семей, а также вторичного консульства для себя.

Против Лепида выступила правительственная армия во главе с Катулом и Помпеем. Помпей под Мутиной разбил Брута, а Лепид потерпел поражение возле Рима, отплыл в Сардинию и по пути умер от болезни (Апп. Гр. войны, II, 107; Плут. Помп., 16; Лив. Эпит., 90). Остатки его войск, примерно 5 легионов во главе с Перперной, ушли в Испанию, где еще сопротивлялся Серторий.

Оставшись единственным из марианских лидеров, Серторий пошел на необычный шаг, соединив антисулланское движение

²⁴ T w y m a n R. The Metelli, Pompeius and prosopography. — In: ANRW, T. 1, Bd 1, S. 839.

с антиримским движением в Испании. В 81 г. он был выбит из провинции, однако уже в 80 г. восставшие лузитане пригласили его в качестве вождя. Проявив незаурядную энергию и полководческие способности, Серторий сумел завладеть южной и центральной Испанией и начать борьбу с наместником Ближней Испании Метеллом Пием. Силой движения Сертория было соединение марианцев и туземных племен. Несмотря на то, что во главе управления стоял сенат, созданный Серторием из римских эмигрантов, главную силу его войска составили испанцы; тактика же основывалась на местных традициях. Стремясь усилить блок с провинциалами, римский полководец пошел на ряд уступок, начиная с использования местных обычаев и кончая созданием в Оске школы для детей испанской знати, где они получали римское образование (Плут. Серт., II, 14, 27).

К 77 г. Серторий практически выбил Метелла из Испании. На помощь последнему была послана новая армия под командованием Помпея. В Испании сражались 11—12 легионов правительственных войск, и, пожалуй, это был самый тяжелый военный конфликт 70-х годов. Пиком войны стали 75—74 гг., когда Серторий нанес поражение Помпею при Сукроне, выдержал битву при Сегунтии против объединенных сил Метелла и Помпея и вступил в союз с Митридатом.

В 74—73 гг., несмотря на начало 3-й Митридатовой войны, в Испанию были переброшены 2 новых легиона. Серторий терпел поражения, что привело к конфликтам между римлянами и испанцами. В 72 г. недовольные Серторием эмигранты организовали его убийство. После гибели вождя кельтиберы и лузитане перешли на сторону правительства, и к 71 г. Метелл и Помпей подавили восстание.

Гражданские войны стали толчком и к восстанию Спартака, и в немалой мере явились причиной его успехов. Войны сильно обескровили Рим, против Сертория и Митридата сражались 22 легиона, что составило большую и лучшую часть римской армии. Политическая борьба способствовала активизации рабов, их широко использовали Марий и Сулла. Поэтому не случайно восстание началось среди гладиаторов, которых привлекали особенно часто. Только к 70 г. Рим преодолел наиболее опасные последствия гражданской войны.

Консульство Помпея и Красса было ознаменовано серией преобразований. Впервые после Суллы были избраны два цензора — Л. Геллий и Гн. Корнелий Лентул, которые провели чистку сената, исключив из него 64 человека, главным образом сулланских офицеров. По закону Помпея восстанавливались полномочия трибунов (Циц. Верр., I, 44). В немалой степени это был результат активизации популяров, одним из лидеров которых являлся молодой Гай Юлий Цезарь. По закону Аврелия Котты был восстановлен компромисс в судах, которые

стали состоять из трех равных групп: сенаторов, всадников и эрарных трибунов. Реформы 70-х годов оказались не столько ликвидацией сулланской системы, сколько попыткой социального компромисса за счет наиболее однозвонных реформ диктатора.

Общее расстройство нормальной жизни вызвало небывалый рост пиратства, которое практически парализовало коммуникации между различными частями державы и создало угрозу снабжению Италии хлебом. В 74 г. против пиратов была послана большая экспедиция во главе с претором М. Антонием, которая закончилась поражением. В 67 г. в Риме вновь обратились к этому вопросу. По закону Габиния Помпей получил чрезвычайные полномочия по борьбе с пиратами. В его руках сосредоточились огромные силы: 200 (позже 500) кораблей, 120 тыс. солдат, вероятно, вместе с моряками, и 5 тыс. всадников. В помощь были назначены 24 легата. Оптиматы выступили против, но оказались в меньшинстве. Вокруг Помпея образовался блок, который поддерживали популяры, деловые круги и народное собрание. Получив командование, Помпей быстро разгромил пиратов и захватил их центры — Крит и Киликию (Циц. О власти Гн. Помпея, 59, 67; Верр. II, 8; III, 213—218; Плут. Помп., 25—27; Велл. Пат. II, 32; Дион Касс., 36, 30). Пиратская война сделала Помпея самым популярным и влиятельным генералом Рима того времени и заложила основу его принципата.²⁵

3-я Митридатова война тоже была наследием гражданских войн, и, если бы не они, Рим победил бы уже в 80-е годы. За это время Митридат реорганизовал армию, в 75 г. между ним и Римом возник конфликт из-за Вифинии, а в 74 г. против него выступили оба консула — Л. Лициний Лукулл и Аврелий Котта. Котта потерпел поражение, однако Лукулл сумел разгромить противника. В 71 г. он захватил Понт. Митридат бежал в Армению, куда после неудачных переговоров с Тиграном двинулся и Лукулл. Разбив армянское войско, он занял Тигранокерт и Артаксату, однако практически выигранная кампания была сорвана. Старый жесткий стиль руководства делал Лукулла непопулярным в армии, кроме того, он вступил в конфликт с публиканами. При этом как оптимат Лукулл не был популярен и в народном собрании. В результате армия отказалась воевать, и Митридат смог вернуться в Понт.

Ситуацией воспользовался Помпей. 10 декабря 67 г. по закону Манилия он получил командование в войне и практически имел высший империй на востоке. У Помпея было около 15 легионов, т. е. 2/3 всей действующей армии.²⁶ Он надолго

²⁵ О командовании Помпея см.: Loader W. R. Pompey's command under the *lex Gabinia*. — C. R., 1940, p. 134—136; Jameson S. Pompey's imperium in 67. Some constitutional fiction. — *Historia*, 19, 1970, S. 539—560.

²⁶ Brunt P. Italian manpower, p. 430.

сохранил положение самого могущественного политического деятеля. В 66 г. Помпей разгромил Митридата,²⁷ в 65 г. подчинил Армению и совершил поход против иберов и альбанов. В 64—63 гг. он превратил в римские провинции Иудею и Сирию. Карта восточных владений Рима радикально изменилась.

В 62 г. Помпей высадился в Брундизии. Проявив лояльность по отношению к республике, он распустил войско.²⁸ Рассчитывая на то, что его лояльность будет оценена, Помпей обратился в сенат с требованием утвердить его распоряжения на востоке и дать землю его ветеранам. Оптиматы заняли бескомпромиссную позицию, решив «поставить Помпея на место». В 61 г. сенат во главе с Лукуллом, Метеллом Критским и Катонем блокировал утверждение сенатом результатов восточного похода. Их активно поддерживал Красс. На 60 г. Помпею удалось провести в консулы своего сторонника Л. Афрания, вторым консулом стал оптимат Метелл Целер. Народный трибун Флавий предложил аграрный закон, однако сопротивление Метелла и оптиматов снова сорвало принятие проекта. Помпей потерпел поражение, однако у него возникла перспектива сближения с другими антисенатскими силами (Дιον Касс., 37, 40, 49; Велл. Пат., II, 40; Апп. Гр. войны, II, 9; Циц., К Атт., I, 19, 4).

В 61 г. Цезарь был послан в Лузитанию в качестве пропретора. Одержав несколько побед, он получил право на триумф и решил баллотироваться в консулы. Вероятно, именно это и явилось непосредственным толчком к договору с Помпеем и Крассом. Сумев примирить этих противников, Цезарь добился тройственного соглашения, получившего название первого триумvirата. При этом все трое договорились не допускать действий, неудобных каждому из них (Апп. Гр. войны, II, 9; Плут. Цезарь, 13; Свет. Бож. Юлий, 19).

Выборы на 59 г. отразили равновесие сил. Консулами стали Цезарь и ставленник оптиматов М. Кальпурний Бибул, однако в начале года наметился перелом в сторону триумвиров. Начав с решения об обнародовании регулярных отчетов о народных собраниях и заседаниях сената, Цезарь приступил к выполнению центрального пункта своей программы — аграрному закону. Закон предполагал раздел кампанского и стеллатского полей и других земель, купленных на военную добычу Помпея. Всего набралось около 20 тыс. колонистов, среди которых были многие ветераны Помпея. Оптиматы оказали яростное сопротивление, и Цезарь был вынужден перенести закон в народное собрание. На форуме произошла схватка. Бибул потерпел поражение, и в апреле закон приняли. Для его проведения в

²⁷ Сам Митридат погиб в 63 г. в результате восстания на Боспоре.

²⁸ Действия Помпея вызвали споры в современной историографии. Нам кажется, что они хорошо объясняются С. Л. Утченко (Утченко С. Л. Юлий Цезарь. М., 1976, с. 83—84).

жизнь была избрана комиссия из 20 человек (Апп. Гр. войны, II, 10—11; Свет. Бож. Юлий, 20; Плут. Цезарь, 14; Катон, 33; Помпей, 48; Циц. К Атт., I, II, 16, 2, 7, 3; IX, 2а; Велл. Пат., II, 44).

Борьба за аграрный закон практически парализовала сопротивление оптиматов, и Цезарь легко провел все остальные мероприятия. Были утверждены распоряжения Помпея на востоке, а затем с целью привлечения на свою сторону всадников и более быстрого сбора налогов Цезарь понизил арендную плату публиканам на 1/3 (Циц. К Атт., II, 16, Апп. Гр. войны, II, 13).

Консульство выдвинуло Цезаря в число политиков первого ранга, и он решил закрепить это положение. По закону Ватиния Цезарь получил провинцию Цизальпийскую Галлию и Иллирик сроком на 5 лет, а затем по инициативе Помпея — еще одну провинцию, Нарбонскую Галлию, и командование над 4 легионами (Свет. Бож. Юлий, 19, 22; Плут. Цезарь, 14; Помпей, 48; Апп. Гр. войны, II, 13). Наместничество в Галлии, хотя и выглядело как традиционное, скорее оказывалось сходным с полномочиями Помпея на востоке. Цезарь на долгий срок получил три провинции, прикрывавшие Италию с севера, и право войны с самыми опасными противниками Рима — галлами и германцами.

С 58 по 56 г. Цезарь завоевывал Галлию. Первый год войны и разгром гелльветов и германцев дал ему контроль над южной и центральной Галлией. В 57 г. Цезарь подчинил мощный северный племенной союз бельгов, а в 56 г. — племена венетов (современная Бретань). В ходе этих войн вся территория между Альпами, Рейном и Пиренеями была присоединена к Риму. В 55—54 гг. Цезарь разгромил перешедших через Рейн германцев, а затем совершил демонстративный переход через Рейн и два похода в Британию.

57 г. начался с контрастступления оптиматов. Новые консулы и большинство трибунов поддерживали требование трибунов Милона и Сестия о возвращении Цицерона, изгнанного народным трибуном Клодием. 25 января 57 г. Цицерон вернулся в Рим. Милон, организовав отряды из наемников и гладиаторов, начал борьбу с Клодием.

В апреле 56 г. в Луке встретились Цезарь, Помпей и Красс. В результате их переговоров триумвират был восстановлен. Во время встречи в Луку приехали 200 сенаторов и почти все магистраты. Было решено, что Помпей и Красс будут баллотироваться в консулы на 55 г., а затем получают провинции сроком на 5 лет (до 1 марта 50 г.). Помпей получал Испанию, Красс — Сирию, а Цезарь на тот же срок сохранял свои полномочия в Галлии. При поддержке Цезаря, приславшего на голосование отпущенных в увольнение солдат, Помпей и Красс были избраны, а в конце года закон Требония о консульских провинциях

легализовал лукские решения (Плут. Цезарь, 21, 51; Апп. Гр. войны, II, 17; Дион Касс., 39, 33). Почти вся армия и самые важные провинции стали контролироваться триумвирами, которые превратились в «правлящую партию».

В 54 г. в Галлии начались волнения. Зимой 54—53 гг. у Цезаря погибли 15 когорт, весь 53 г. он боролся с восставшими племенами, а в 52—51 гг. произошло огромное галльское восстание, подавление которого фактически было новым завоеванием Галлии. Только к концу 51 г. Цезарь снова смог активно участвовать в политической борьбе.

С 54 г. началось наступление оптиматов. Консулами стали Домиций Агенобарб и Аппий Клавдий Пульхр, а Катон добился претуры. Однако наиболее серьезным обстоятельством для триумвирата стала смерть Юлии — дочери Цезаря, выданной за Помпея. В 53 г. Красс отправился в Сирию, чтобы начать кампанию против Парфии, к границам которой римляне вышли после похода Помпея. Поход закончился катастрофой: 7 легионов были уничтожены, а сам Красс погиб.

Сблизившись с оптиматами, Помпей начал создавать блок против Цезаря. С этой целью Помпей провел закон о провинциальном наместничестве, согласно которому провинции давались не сразу после магистратуры, а только через пять лет после нее, что создавало для Цезаря сложную ситуацию. Его срок пребывания в должности заканчивался 1 марта 49 г. Еще ранее, по лукской договоренности, подтвержденной законом Помпея, Цезарь мог баллотироваться в консулы на 48 г. Тем не менее оставался срок в 10 месяцев (с 1 марта 49 г. по 1 января 48 г.), когда Цезарь был частным лицом и, следовательно, уязвимым для своих противников. По старой системе его сменяли консулы 49 г., которые все равно могли прибыть только в 48 г., и реально Галлия находилась в руках Цезаря. Теперь же его сменяли консулы 54 г., и новый наместник Домиций Агенобарб мог явиться 1 марта 49 г.²⁹ Что же касалось полномочий Помпея, то они продлевались на 5 лет.

Консулами 51 г. становятся М. Клавдий Марцелл и легат Цезаря Сервий Сульпиций Гальба. Выборы отразили известное равновесие, но наступающей стороной были оптиматы. В мае Марцелл потребовал, чтобы Цезарь снял с себя полномочия, однако это предложение не прошло (Циц. К близким, VII, 1—2). Обе стороны начали пропагандистскую борьбу. На 50 г. консулами стали враги Цезаря Г. Клавдий Марцелл и Л. Эмилий Павел, которые возобновили требование об оставлении провинции. За взятку Цезарь добился нейтралитета Эмилия Павла, но еще более важной была поддержка народного трибуна Г. Куриона. Когда Марцелл предложил в сенате, чтобы

²⁹ Ковалев С. И. История Рима, с. 465.

Цезарь снял власть, и большинство сенаторов его поддержали, Курион предложил одновременное снятие полномочий Цезарем и Помпеем. Эта идея была встречена с таким энтузиазмом, что оттеснила предложение Марцелла, и весь 50 г. Цезарю удалось продержаться (Апп. Гр. войны, II, 30). Тем не менее в декабре помпеянцы начинали набор войск, а затем под предлогом парфянской войны у Цезаря были отобраны 2 легиона.

В начале 49 г. положение резко обострилось. В этом году сам Цезарь должен был баллотироваться в консулы, а за консульством 48 г. могло последовать нечто вроде галльского наместничества. Пресечь развитие «принципата Цезаря», на который теперь работало время, можно было только решительным ударом. Цезарь мог рассчитывать на мирный захват власти, но Помпей и оптиматы начали атаку. Консулами стали их ставленники Л. Корнелий Лентул и Г. Клавдий Марцелл. 27 декабря Цезарь направил в Рим Куриона с письмом, в котором предлагал единовременное вместе с Помпеем снятие полномочий (Свет. Бож. Юлий, 30; Цез. Гр. война, I, 4).

1 января произошло заседание сената. Несмотря на согласие большинства сенаторов с предложением Цезаря, под давлением оптиматов и помпеянцев сенат принял решение об одностороннем снятии полномочий Цезаря. 7 января произошло новое заседание сената. Цезарь предложил, чтобы Помпей уехал в Испанию, а он сам сохранял Цизальпийскую Галлию, Иллирик и два легиона (Плут. Там же; Апп. Там же, Свет. Бож. Юлий, 29). Тем не менее против Цезаря был принят *senatusconsultum ultimum*. Вето трибунов М. Антония и Кв. Кассия было проигнорировано (Цез. Гр. война, I, 1—2, 5; Апп. Гр. войны, II, 32; Плут. Цезарь, 31). Помпей и его сторонники начали набор войск, а Домиция Агенобарба послали в Галлию.

Это было началом войны. Из 9 легионов Цезаря 4 стояли в Бельгике, 4 в области Эдуев, а один — в Цизальпийской Галлии. Помпей имел 7 легионов в Испании, 2 в Италии и 2 в Сирии. В Италии начался набор, и вскоре помпеянцы могли выставить около 100 когорт, создав тем самым подавляющий перевес. Главной задачей Цезаря было помешать этому. В ночь с 10 на 11 января он перешел Рубикон, имея только один легион, и быстрым ударом захватил Пицен, рассеяв вновь набранные помпеянцами когорты. В Аускуле Цезаря догнал еще 1 легион, и с этими силами он окружил Корфиний, где собрались 30 когорт, набранные Домицием Агенобарбом. Помпей совершил ошибку, отказавшись пойти на помощь Домицию, и постепенно Цезарь сосредоточил у города 3 легиона и 22 когорты новобранцев. 21 февраля Корфиний капитулировал. Все пленные, в том числе Домиций, были отпущены, а солдаты включены в войско Цезаря и посланы с Курионом в Сицилию. Это был первый акт политики *clementia*, вызванной расчетом Цезаря на бескровную победу. Помпей и консулы отступили в Брун-

дизий, Цезарь хотел их перехватить, но 17 марта Помпей сумел отплыть в Грецию. Цезарь оказался хозяином Италии.

1 апреля Цезарь прибыл в Рим и созвал сенат, пытаясь добиться от него посредничества в переговорах с Помпеем. Когда выяснилось, что никто не хочет взять на себя эту миссию, Цезарь выехал из Рима и начал подготовку к походу против испанского войска Помпея.

Перед испанским походом Цезарь распределил провинции между своими сторонниками. М. Эмилий Лепид с титулом префекта города был оставлен для надзора за Римом, а контроль над Италией был поручен Марку Антонию. В Сицилию был послан Курион, а в Сардинию — Кв. Валерий Орка, которые без труда заняли острова, после чего Куриону было приказано переправиться в Африку. Главные силы Цезаря — 9 легионов во главе с Фабием, Г. Требонием и Мунатием Планком — двинулись в Испанию.

Домиций Агенобарб сумел склонить на сторону помпеянцев Массилию, и Цезарь, оставив здесь 3 легиона Требония и флот Децима Брута, с остальной армией перешел Пиренеи. В июне навстречу ему выступили помпеянские легаты Петрей и Афраний с 5 легионами. После двухмесячных военных действий, 2 августа 49 г., Цезарь окружил противника и заставил его капитулировать. Вскоре сдались и 2 оставшихся легиона М. Терренция Варрона, стоявшие в Дальней Испании. В Испании Цезарь еще в больших масштабах применял политику *clementia*: победа была бескровной, сдавшиеся легионы либо распускались, либо включались в его войско, а руководители помпеянцев были отпущены, причем многие из них бежали к Помпею. На обратном пути Цезарь принял капитуляцию Массилии.

В конце ноября 49 г. Цезарь прибыл в Рим. Еще до прибытия Лепид провел закон о назначении его диктатором. Эта первая диктатура была традиционной, и ее целью являлось проведение выборов. Консулами на 48 г. были избраны Цезарь и его сторонник П. Сервилий Ватия. Был устранен долговой кризис, проведена раздача хлеба и отменены законы Суллы об ограничении прав детей проскрибированных. Начали возвращаться изгнанники, высланные во время консульства Помпея. Наконец, права гражданства получили жители Транспаданской Галлии и испанского города Гадеса (Дион Касс., 41, 36; Тац. Анн., XI, 26; Цез. Гр. война, II, 22; Плут. Цезарь, 37; Апп. Гр. войны, II, 48).

В 48 г. главным театром военных действий стала Греция. 9 августа 48 г. при Фарсале произошло генеральное сражение, 23-тысячная армия Цезаря наголову разбила вдвое превосходящее ее войско Помпея. Битва стала переломным пунктом войны.

Помпей бежал в Египет, рассчитывая найти там поддержку,

однако по решению царя Птолемея XII и его окружения был убит. Преследуя Помпея и еще не зная о его судьбе, Цезарь с отрядом в 3,2 тыс. легионеров и 800 всадников высадился в Александрии. В Египте Цезарь пробыл до июня 47 г., оставив там править Птоломею XIII и Клеопатру, которая и имела реальную власть. В стране осталось 2 римских легиона, и царство Птолемеев окончательно стало вассалом Рима.

За время александрийской войны положение в римской державе дестабилизировалось. Главной угрозой была консолидация помпеянцев в Африке. Им удалось собрать около 60 тыс. солдат,³⁰ кроме того, они опирались на поддержку царя Юбы. Активизировались и остатки помпеянского флота в Иллирике; в Испании началось восстание против непопулярного цезарианского наместника Кв. Кассия Лонгина. Ожилились и внешние враги. Сын Митридата Фарнак разбил наместника Азии Домиция Кальвина и отвоевал Понт. В Италии и Риме усилились волнения должников, бунтовать начали даже ветеранские легионы Цезаря.

В конце июля 47 г. Цезарь был уже в Азии, а 2 августа 47 г. в битве при Зеле наголову разбил Фарнака. Порядок в Испании и Иллирии навели его легаты. В сентябре 47 г. Цезарь прибыл в Рим, где успокоил волнения и занялся подготовкой к войне с помпеянами.

В декабре 47 г. Цезарь переправил в Африку 6 легионов, однако кампания затянулась. Помпеянцы с помощью большого числа всадников и легковооруженных нумидийцев яростно сопротивлялись. Вскоре Цезарь довел войско до 10 легионов, а 6 апреля в сражении при Тапсе помпеянское войско было уничтожено. В африканской войне погибли главные противники Цезаря — Катон, Сципион, Петрей, Афраний и Юба. Нумидия стала римской провинцией, а поддерживавшие помпеянцев города были наказаны большим штрафом.

В августе 46 г. Цезарь отпраздновал четверной триумф, который должен был символизировать окончание войн и установление мира. Триумф, разумеется, праздновался только над внешними врагами — Галлией, Фарнаком, Египтом и Юбой. Однако некоторые детали, как, например, изображения гибели главных помпеянцев (Апп. Гр. войны, II, 101), показывают, что отмечалась и победа в гражданской войне.

Последним эпизодом гражданской войны была кампания в Испании. Традиционная преданность провинций Помпею, большое число ветеранов, распущенных после Илерды, злоупотребления Кв. Кассия Лонгина были причиной того, что помпеянцы имели здесь много сторонников. В конце 46 г. остатки помпеянцев во главе с сыновьями Помпея Гнеем и Секстом и Титом Лабиемом, легатом Цезаря в Галлии, затем пе-

³⁰ Brunt P. Italian manpower, p. 433.

решедшим на сторону Помпея, высадились в Бетике и начали восстание. В ноябре 46 г. в Испанию прибыл Цезарь. После серии ожесточенных боев армии встретились при Мунде (17 марта 45 г.). По признанию самого Цезаря (Плут. Цезарь, 56) это была самая тяжелая из его битв. В конечном счете помпейцы были разбиты. После сражения были захвачены центры восстания — Кордуба, Гиспалис, Урсаон и Мунда. Гней Помпей и Лаген погибли, а Секст Помпей с остатками войска бежал в горы. В октябре 45 г. Цезарь вернулся в Рим.

Теперь остановимся на политике Цезаря и его реформах. Цезарь сохранял империй с 59 г., в 59 г. как консул, в 58—50 гг. как проконсул Галлии, после испанской кампании 49 г. он был назначен диктатором, но пробыл в этой должности всего 11 дней. В 48 г. он снова стал консулом. Впервые власть Цезаря начала выходить за пределы республиканских рамок после Фарсала, когда он был снова назначен диктатором так же, как и Сулла, на неопределенное время. Эта диктатура длилась с конца 48 г. до битвы при Тапсе, после которой Цезарь получил диктатуру на 10 лет. После Мунды Цезарь стал пожизненным диктатором (*dictator perpetuus*). Последний эпизод знаменовал важный качественный переход и являлся переломным в развитии монархических институтов, которые с этого времени становятся постоянными.

Диктатура была основой власти Цезаря, но вовсе не единственной его властью. С 48 по 44 г. Цезарь являлся консулом, хотя от предложенного ему пожизненного консульства и отказался (Апп. Гр. войны, II, 106). В последние годы консульство для Цезаря было показателем не столько власти, сколько статуса. Он получил трибунскую неприкосновенность (*sacrosanctitas*), а также полномочия цензора и *praefes tura morum* (Свет. Бож. Юлий, 76). Цезарю начали приносить присягу как *in populo*, так и на верность его действиям (*in acta*). Эти полномочия давали ему дополнительные возможности контролировать все важнейшие магистратские коллегии.

Диктатор получил огромное количество почетных прав и титулов. Среди них был титул *imperator*, который стал его личным именем (преномен). Титул был республиканским и давался войском полководцу, одержавшему победу. То, как его взял Цезарь, символизировало то, что он постоянно командовал войсками, и его непобедимость. Кроме того, Цезарь получил почетный республиканский титул отец отечества (*pater patriae*). После Мунды он получил особое позолоченное кресло, право сидеть между двумя консулами, в честь диктатора устраивались молебствия, назначались игры, приносились жертвы. После испанской войны у Цезаря появилась почетная стража из сенаторов и всадников. Клятва его именем получила юридическую силу; на праздниках Цезарь постоянно находился в триумфальном облачении (Свет. Бож. Юлий, 77; Апп. Гр. войны, II, 106;

Плут. Цезарь, 57, 60; Лив. Эпит., 115—116; Дион Касс., 43, 46—49; Велл. Пат., II, 56).

Наконец, немалую роль играла и религиозная власть Цезаря, и создававшиеся вокруг него элементы культа. Великим понтификом (глава коллегии понтификов, фактически игравший роль главного жреца) он был с 63 г., а став правителем Рима, Цезарь реально становится главой религии. В его честь строились храмы (храм Цезарю и *Clementia*, храм *Iuppiter Iulius*), его изображения ставятся среди изображений богов. Кроме того, родословная связывает диктатора с Венерой, Энеем, Ромулом и Марсом (Свет. Бож. Юлий, 77; Апп. Гр. войны, II, 106; Дион Касс., 43, 46).

Проблема власти Цезаря явилась предметом дискуссии, и достаточно перечислить те точки зрения, которые отражают диапазон этих оценок. Т. Моммзен, например, выдвинул идею демократической монархии,³¹ другие исследователи видят в его деятельности стремление установить в Риме монархию эллинистического типа или даже восточный вариант монархии,³² третьи — специфически римский вариант абсолютной монархии.³³ Р. Сайм, а вслед за ним и другие исследователи, наоборот, подчеркивают, что Цезарь в значительной степени действовал в духе традиции и, так же как принципат Августа, его монархия имела чисто римские корни.³⁴ С. Л. Утченко, стоящий примерно на той же позиции, дополняет, что политика Цезаря была не столько политикой конструктивных преобразований, сколько решением существующих наболевших проблем, и Цезарь не столько вел за собой общество, сколько шел за политической ситуацией.³⁵ Наконец, существует точка зрения, согласно которой Цезарь вообще не был политиком конструктивного плана и был практически лишен политической идеи, являясь «гениальным авантюристом» и «гениальным неудачником».³⁶

Некоторые из этих мнений следует сразу отвергнуть. Власть Цезаря имела чисто римские корни и была построена на комбинации римских магистратур, почетных функций и концепции власти, а идея об эллинистической или восточной монархии нам представляется неправомерной. Речь может идти только о влиянии, причем если оно и было, то в очень незначительной степени. С другой стороны, власть Цезаря хотя и основывалась на римской магистратской власти, все же имела ряд новых черт:

³¹ Моммзен Т. Римская история, т. 3. М., 1941, с. 470—474.

³² Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи. М., 1908, с. 258—281; Meyer Ed. *Caesar's Monarchie und das Prinzipat des Pompeius*. Stuttgart; Berlin, 1922, p. 321—345.

³³ Gelzer M. *Julius Caesar*. 6 Aufl. Wiesbaden, 1960, p. 332—337; Balsdon J. P. V. D. *Julius Caesar: A political biography*. New York, 1967, p. 104—105.

³⁴ Syme R. *Roman revolution*. Oxford, 1939, p. 11—59.

³⁵ Утченко С. Л. Юлий Цезарь, с. 38—39, 344—348.

³⁶ Ферреро Г. Величие и падение Рима, т. 2. М., 1916.

фиксация пожизненности, кумуляция различных магистратур в одном лице, дополнительные почетные права, элементы культа. Таким образом, диктатура Цезаря носила чисто римский характер, вытекала из предыдущего развития элементов авторитарной власти, и, развив э. тенденцию, так же, как позднее и принципат Августа, создала качественный перелом в сторону монархии, но монархии специфически римской, сохраняющей элемент дуализма.

Рассмотрим реформы Цезаря. Как и при Сулле, при Цезаре были сохранены практически все институты республики, которые, однако, подверглись сильной трансформации. Сенат увеличился до 900 человек (Свет. Бож. Юлий, 41, 72) главным образом за счет сторонников диктатора. Мы не видим, чтобы сенат когда-либо выступал против Цезаря, однако, как показали заговор и события после смерти Цезаря, немалая часть сенаторов была настроена оппозиционно. Кратковременное правление Цезаря явно не дало ему возможность окончательно подчинить сенат. Диктатор практически упразднил цензуру, взяв эти функции себе, чем усилил зависимость сенаторов от своей власти. Таким образом, Цезарь стремился не к упразднению сената, а к контролю над ним, т. е. в конечном счете проводил ту же линию, что и Август.

При Цезаре не была отменена ни одна магистратура (кроме цензоров), тем не менее диктатор встал во главе всей магистратской коллегии и контролировал все ее звенья. Наиболее важным являлся контроль над консульством, который осуществлялся разными способами. Во-первых, каждый год Цезарь становился консулом сам, во-вторых, все прочие консулы были его доверенными лицами, наконец, происходило определенное ослабление самой магистратуры за счет увеличения числа суффиктов и, таким образом, сокращения срока пребывания в должности. Так, в 45 г. было в общей сложности 4 консула (сам Цезарь, Кв. Фабий, Г. Требоний и Г. Каниний Ребил). Увеличение числа преторов и квесторов тоже ослабляли эти коллегии, а трибунская власть Цезаря контролировала и трибунат. Кроме того, не говоря о косвенных возможностях влияния на выборы, он имел право рекомендации, а в некоторых случаях просто смещал неугодных ему магистратов (например, Цезетия и Марулла). Итак, Цезарь контролировал все магистратуры, но делал это с учетом традиций республики.

Во внутренней политике диктатор в основном преследовал три цели: усиление своей личной партии, общую стабилизацию и решение проблем по трансформации Рима в империю.

Личная партия Цезаря была весьма разнородна. Верхушку составляли его легаты и доверенные лица — М. Антоний, М. Эмилий Лепид, Д. Брут, Г. Требоний, Кв. Фабий, Гн. Домиций Кальвин, П. Ватиний, Кв. Фуфий Кален, Мунатий Планк, А. Гирций, Г. Оптий, Г. Матий, Г. Вибий Панса, Л. Корнелий

Бальб. Она была несколько расширена за счет бывших помпейцев, из которых наиболее близкими к диктатору оказались Марк Брут и Гай Кассий. Именно они занимали магистратуры, и особенно должности консулов. Офицеры более низкого ранга становились преторами и квесторами. Одной из целей увеличения числа магистратур являлось стремление диктатора в короткий срок удовлетворить массу своих сторонников, а для верхушки нужны были только магистратуры и места в сенате. Рядовой состав армии получил, помимо военной добычи, большие денежные награды и землю, причем в провинциях, куда было выделено 80 тыс. колонистов, в основном ветеранов Цезаря (Свет., Бож. Юлий, 38, 42).

Основная масса реформ была направлена на стабилизацию положения, и большинство из них являлось достаточно консервативным. Важным элементом стабилизации стала политика *clementia*, и многие помпейцы были возвращены в Рим. Примечательно, что диктатор даже не хотел порывать с традицией Помпея и велел восстановить статуи Помпея и Суллы (Дион Касс., 42, 18).

Кроме того, были запрещены и сокращены институты, созданные гражданской войной, при этом кое в чем Цезарь повторил путь оптиматов. Так, были запрещены коллегии, разрешенные в 58 г. Клодием, в судах оставались только сенаторы и всадники (Свет. Бож. Юлий, 41). Были приняты законы против роскоши, и произошло сокращение хлебных раздач (число получающих уменьшилось с 320 до 150 тыс.); усилились наказания за уголовные преступления. Сенаторы не могли покидать Италию без разрешения Цезаря, а с практикой длительных провинциальных империев было покончено; консуляр мог находиться в провинции не более 2 лет, а преторий не более 1 года (Циц. Фил., I, 19; Дион Касс. 43, 25). В известной степени стабилизации содействовали и огромная строительная программа Цезаря, и его реформа календаря, одной из целей которой было пресечение различных политических махинаций, вызванных путаницей в счете.³⁷ Юридической фиксацией стабилизаторской деятельности был *lex Iulia de vi et de maiestate* (Циц. Фил., I, 23). В «Дигестах» дошел аналогичный закон Августа, однако закон Цезаря явно лег в его основу. По типу он напоминал закон Суллы, но отличался большей разработанностью. К числу грандиозных замыслов диктатора относилось и создание общего свода законов (Свет. Бож. Юлий, 43).

Итак, традиция занимала большое место в деятельности Цезаря, однако наряду с ней было и много новаций. Именно Цезарь впервые взял курс на последовательную ломку полисных отношений и превращение Рима в Средиземноморскую монархию. Главными путями этой политики были централизация

³⁷ Бикерман Э. Хронология древнего мира. М., 1976, с. 42—46.

власти, создание единой правящей элиты и унификация различных частей державы.

Lex Iulia de maiestate стал основой общих принципов провинциального управления, ограничивающей произвол наместников и их самостоятельность. Очень важным было и увеличение римского гражданства в провинциях. Большая колонизация не только способствовала решению аграрного вопроса, но и существенно увеличила римский элемент в провинциях. Кроме того, и Цезарь, и помпеянцы в ходе войны увеличивали свои легионы за счет римских граждан в провинции, а иногда и за счет самих провинциалов. Наконец, именно Цезарь начал практику предоставления римского гражданства целым провинциям. В 49 г. были предоставлены гражданские права всем жителям Транспаданской Галлии, что увеличило общее число граждан примерно на 1/5 (Дион. Касс., 41, 36; Тац. Анн., XI, 26). В Испании число римских колоний увеличилось в несколько раз. Если во времена республики в Испании было 2 колонии — Италика и Кордуба, то при Цезаре и Августе их стало 26. Цезарь бесспорно дал права Гадесу, Гиспалису и, возможно, Новому Карфагену. Развитие новой провинциальной политики началось именно с Цезаря.

Видимо, к середине 44 г. диктатор планировал грандиозный поход против Парфии и гетов. На Балканах была собрана огромная армия из 16 легионов и 10 тыс. всадников. Поход преследовал несколько целей. Большая война должна была завершить объединение государства. Парфия была единственной великой державой, противостоящей Риму, и, вероятно, как и Александр, Цезарь мечтал о мировой державе и покорении ойкумены. В марте 44 г. он должен был уехать из Рима и начать кампанию.

В конце 45 г. или в начале 44 г. против Цезаря был организован заговор, в котором участвовало около 60 человек, хотя непосредственных убийц было меньше. Во главе заговора стояли М. Юний Брут, Г. Кассий Лонгин и Децим Юний Брут. Из видных цезарианцев к ним также примкнул Гай Требоний. Все остальные были фигурами более мелкими. Четверо (Литаврий, Понтий Аквила, Рубрий Руга и Гай Кассий Пармский) ранее были помпеянами, четверо принадлежали к партии Цезаря (Минуций Базил, Требоний, Гальба и Тиллий Цимбр), сам Децим Брут являлся старым легатом Цезаря. Примечательно, что почти все эти люди не занимали видного места в окружении диктатора и даже оба Брута и Требоний были оттенены деятелями типа Антония, Лепида, Калена и др. Это обстоятельство не могло не оказать влияния на развитие оппозиционных настроений.

Вероятно, толчком к заговору послужило назначение Цезаря постоянным диктатором, окончательно разрушившее иллюзии относительно реставрации республики. 15 марта 44 г. (иды

марта) было назначено заседание сената, видимо, последнее перед отъездом Цезаря. Ходили слухи, что Цезарю дадут титул царя. Испуганный дурными знаменованиями, Цезарь колебался, идти ли ему в сенат, однако заговорщики прислали Децима Брута, который сумел его уговорить. Когда диктатор вошел в курию, его окружили заговорщики. Тиллий Цимбр начал просить за брата и во время разговора внезапно схватил его за тогу. Каска нанес первый удар, и заговорщики с мечами бросились на Цезаря. Сенаторы в панике разбежались, и раненный диктатор упал. На его теле нашли 23 раны, и только одна из них была смертельна (Плут. Цезарь, 66; Свет. Бож. Юлий, 82; Апп. Гр. войны, II, 117).

Диктатура Цезаря обозначила перелом в борьбе новых тенденций территориальной монархии и тенденции консервативной, полисно-республиканской. Цезарь последовательно и даже, может быть, слишком последовательно проводил эту линию, после чего сохранение старой республики стало невозможным. Вероятно, действия Цезаря не могли быть иными, и это определило его судьбу. Обзор деятельности Цезаря можно завершить словами С. Л. Утченко: «Но были в Риме и жертвы с другой стороны. Это те, кто вольно или невольно, сознательно или безотчетно, но слишком рано выступал „со стороны грядущей империи“, „предвосхищая“ события, и искал опоры в чем-то неоформившемся, неустоявшемся. К числу таких... неизбежных жертв принадлежал Цезарь».³⁸

³⁸ Утченко С. Л. Юлий Цезарь, с. 347.

УСТАНОВЛЕНИЕ ПРИНЦИПАТА

1. ГРАЖДАНСКИЕ ВОИНЫ 44—31 гг.

Убийство Цезаря вызвало всеобщую панику. Сенаторы разбежались, а цезарианцы из-за взаимного недоверия не смогли выступить против заговорщиков. Последние с криками, что они вернули свободу, бросились на Форум, однако, решив, что там оставаться опасно, укрепились на Капитолии с отрядом рабов и гладиаторов (Ник. Дам. 25; Апп. Гр. войны, II, 120; Плут. Брут, 18; Лив. Эпит., 116). К ним присоединились некоторые сенаторы. Брут выступил перед народом с речью, однако постепенно выяснилось, что массы не сочувствуют убийству. Страх перед вооруженным конфликтом некоторое время сдерживал и сторонников Цезаря, вынужденных пойти на компромисс.

16 марта начались переговоры, а 17 состоялось заседание сената. Некоторые сторонники заговорщиков предлагали объявить Цезаря тираном и упразднить его аста, а Брута и Кассия почтить как тираноубийц. Тем не менее большая часть сената выступила против. Было решено не одобрять убийства, но при этом дать убийцам помилование. Все распоряжения Цезаря оставались в силе; сенат постановил хоронить его всенародно на Марсовом поле и публично зачитать завещание (Апп. Гр. войны, II, 127—136). Руководители цезарианцев пригласили на обед руководителей заговора, демонстрируя всеобщее примирение.

Тем не менее инициативу перехватил Антоний, бывший наиболее влиятельным человеком в партии Цезаря и возглавивший борьбу с заговорщиками, претендуя на роль преемника диктатора. По завещанию главным наследником имущества становился внучатый племянник Цезаря Гай Октавий, получивший 3/4 наследства, остальное получили другие внучатые племянники Л. Пинарий и Кв. Педий и близкие друзья диктатора, особенно Антоний и Д. Брут, кроме того, наследники должны были раздать большие суммы солдатам, а каждый гражданин получал по 300 сестерциев. Сады за Тибром были розданы римскому народу (Свет. Бож. Юлий, 83; Плут. Цезарь 56, 58). Наконец, в завещании Цезарь усыновлял Октавия.

Завещание Цезаря, выдержанное в традиционном стиле (завещать определенные суммы друзьям и делать подарки народу и государству было принято в среде римской знати), в силу положения умершего и величины суммы приобретало новое качество, превращаясь в завещание лидера политической партии, предназначенное для обеспечения прихода к власти своего преемника. Показательно, что именно оно произвело перелом в настроении масс. Похороны Цезаря 20 марта вылились в такую демонстрацию, что заговорщикам пришлось покинуть Рим. В течение двух месяцев после смерти Цезаря практически вся полнота власти находилась в руках Антония, который, казалось бы, начал занимать место Цезаря. Антоний имел записи диктатора и под предлогом их выполнения начал руководить событиями. Стремясь получить популярность в сенате, он провел закон об отмене диктатуры.

Растущая власть Антония вызвала оппозицию со стороны разных сил. Враждебными ему остались заговорщики, закрепившиеся в провинциях. В апреле Д. Брут отправился в Цизальпийскую Галлию, назначенную ему по распоряжению Цезаря. М. Брут и Г. Кассий уехали на восток. В сенате создалась сильная группировка во главе с Цицероном, явно сочувствующим заговорщикам. Недовольны Антонием были и многие цезарианцы.

В этот момент в Рим приехал Гай Октавий. Наследник Цезаря был сыном Г. Октавия, «нового сенатора», ставшего претором 61 г., и Атии, дочери Юлии, родной сестры Цезаря. В силу отсутствия сыновей он был ближайшим из младших родственников-мужчин. Октавий родился 23 сентября 63 г. (Свет. Авг., 8, 94). В 4 года он потерял отца, и вскоре мать вышла замуж за Л. Марция Филиппа.

18 апреля 49 г. наступило его совершеннолетие, а уже в августе 48 г. Октавий стал понтификом вместо убитого при Фарсале Домиция Агенобарба. В 47 г. он был *praefectus urbi* на латинских играх. Из-за слабого здоровья Октавий не участвовал в африканской и испанской кампаниях, однако был с Цезарем во время обоих триумфов (Свет. Авг., 8, 94; Ник. Дам., 5—12; Велл. Пат., II, 59).

Осенью 45 г. Цезарь написал завещание, в котором указал на Октавия как на своего наследника, а затем через сенат сделал его патрицием (Ник. Дам., 45, 2) и отправил в Аполлонию, где собирались войска для восточной кампании. Плиний сообщает, что Цезарь планировал назначить Октавия начальником конницы, но потом все же заменил его Лепидом (Плин. Ест. история, VII, 147). В любом случае Октавий был заметной фигурой в окружении Цезаря, и очень вероятно, что именно ему предполагалось передать власть.

Известие о смерти Цезаря Октавиан получил в Аполлонии. Несмотря на советы матери и отчима, он принял наследство и

имя Цезаря, получив теперь имя Гай Юлий Цезарь Октавиан. Примечательно, что последнее имя он не использовал, обычно так его называли враги. Сразу после этого к нему присоединились друзья и ветераны диктатора. В середине апреля Октавиан встретился с Цицероном, а в конце марта вступил в Рим. На следующий день он прибыл к городскому претору Гаю Антонию и согласно процедуре заявил о принятии наследства, а около 9 мая народный трибун Л. Антоний вывел Октавиана к народу, чтобы он произнес речь (Апп. Гр. войны, III, 11—14; Свет. Авг. 82; Циц. К Атт., XIV, 20, 3; 21, 4; XV, 2, 3). Таким образом, первоначально партия Антония хотела приобрести нового союзника, однако первая встреча с самим Марком Антонием окончилась неудачно. Антоний отнесся к молодому наследнику с явным пренебрежением, кроме того, он был недоволен необходимостью дать отчет о растраченных суммах из имущества Цезаря.

3 июня 44 г. Антоний провел через народное собрание закон о передаче ему власти в Цизальпийской Галлии и Иллирии на 5 лет. Децим Брут отказался подчиниться, и Антоний начал подготовку к войне. Его противники в сенате и среди цезарианцев начали ответные действия: в июле М. Брут получил Крит, а Кассий — Кирену. Начали ухудшаться отношения между Октавианом и Антонием, поскольку последний блокировал официальное усыновление по *lex curiata*. Между ними происходили постоянные конфликты, а после того, как Антоний сорвал попытку Октавиана стать трибуном, последний начал собирать войска (Апп. Гр. войны, III, 31; Свет. Авг., 10; Дион Касс., 45, 6, 7—8).

В начале октября Антоний заявил, что Октавиан пытался его убить, последний потребовал расследования, но Антоний от него отказался. После этой провокации, возможно, обоюдной, Октавиан начал собирать ветеранов в Кампании, и вскоре у него оказалось 10 тыс. человек. Действия Октавиана активизировали и противников Антония в сенате; Цицерон произнес 2-ю Филиппику, а трибун Тиб. Канутий созвал сходку, на которой Октавиан заявил о поддержке сената, а затем отправился в Равенну (Апп. Гр. войны, III, 39, 41; Ник. Дам., 30; Велл. Пат., II, 60, 64, 3; Дион Касс., 45, 8, 12; Плут. Ант., 16; Свет. Авг., 10; Сенека. О милосердии, I, 9, 1).

Из Греции прибыли 4 легиона Антония. Между полководцем и солдатами начались конфликты из-за денег. Вероятно, Антоний повел бы их на Рим, но два лучших легиона — четвертый и легион Марса, составленный из ветеранов Цезаря, ушли от него к Октавиану. Пополнив остальные войска новобранцами, Антоний повел их против Д. Брута и блокировал его в Мутине (Апп. Гр. войны, III, 46—49). В это время усилились другие заговорщики; Марк Брут захватил Македонию, а Кассий Сирию. Война практически началась.

1 января 43 г. в должность вступили новые консулы — А. Гирций и Г. Вибий Панса. Действия Октавиана, с одной стороны, и действия Брута и Кассия — с другой, оживили оппозицию Антонию в сенате, объединив на время многих цезарианцев, в том числе самих консулов и тех, кто сочувствовал заговорщикам. Тем не менее Цицерону, ставшему лидером последних, не удалось провести решение о немедленном объявлении Антония врагом отечества. Сенат принял компромиссное предложение Калена и Пизона передать Антонию наместничество в Македонии и просить уйти из Галлии (Апп. Гр. войны, III, 50—61). Это же заседание стало легализацией положения Октавиана, которого поддерживали как Цицерон, так и родственники наследника Цезаря, отчим Л. Марций Филипп, тесть П. Сервилий, консул 48 г. и консул 51 г. Сервий Сульпиций Руф. Эта сильная группировка старых консуляров добилась того, что Октавиан стал сенатором, а затем получил ранг пропретора. Было решено, что он будет занимать должности на 10 лет раньше срока и голосовать с консулярами (R. G., I, 3; Апп. Гр. войны, III, 51; Дион Касс., 46, 29; Лив. Эпит., 118; ср.: Циц. Фил., XI, 8, 20; Тац. Анн., I, 10).

В феврале вернулось сенатское посольство с сообщением, что Антоний не принял условия сената. После этого под давлением Цицерона был принят *senatusconsultum ultimum*, и в марте на помощь Дециму Бруту выступила сильная армия во главе с консулами и Октавианом в ранге пропретора. 14 апреля произошло первое сражение при Мутине. Антоний атаковал войско Пансы, и только подход Гирция спас его от разгрома. 20 апреля во втором сражении Антоний был разбит; остатки его армии ушли в Галлию (Апп. Гр. войны, III, 67—72; Дион. Касс., 46, 37—39).

Мутинская война оживила противников цезарианцев. Д. Брут получил от сената триумф, Брут и Кассий стали официальными наместниками Македонии и Сирии. Октавиан, хотя и получил оvation, должен был передать войско Дециму Бруту, а другие легаты — Лепид и Планк должны были помочь ему в преследовании Антония (Апп. Гр. войны, III, 76; Дион Касс., 46, 40).

В этот критический момент на арену выступила армия, в массе своей преданная Цезарю. Именно она встала на пути антицезарианских сил. В битвах при Мутине погиб Гирций, через несколько дней от раны умер Панса. Старшим в армии оказался Октавиан, который отказался передавать войско Бруту. Его поддержали легионы, и если новобранцы все-таки хотели подчиниться сенату, то ветераны наотрез отказались служить убийце Цезаря (Циц. Фил., XI, 14, 2; 19, 1; 20, 4). Тем временем Антоний подошел к лагерю Лепида; солдаты начали братание, и вскоре все войско Лепида перешло к Антонию, а полководцы договорились между собой. Войска Октавиана открыто заявили о нежелании воевать с бывшими солдатами и

полководцами Цезаря (Дион Касс., 46, 42; 51, 5), а сам командующий принял решение о переговорах с Антонием и Лепидом.

До начала переговоров с Антонием Октавиан решил закрепить свое юридическое положение, выступив в качестве претендента на вакантное консульство. Встретив сопротивление, он двинул на Рим войска, выслав вперед посольство из центурионов, которые угрожали применением силы, если их командующий не будет избран. Сенат сумел собрать 3 легиона, которые вскоре перешли к Октавиану, народ встретил его с энтузиазмом, и 19 августа Октавиан и Кв. Педий стали консулами. Затем был проведен куриатный закон об усыновлении, и Октавиан окончательно и официально получил имя Цезаря. После этого он стал выступать как лидер цезарианской партии и мститель за отца (Свет. Авг., 26; Велл. Пат., II, 69, 5; Апп. Гр. войны, III, 95; Дион Касс., 42, 46, 48, 49; Плут. Брут., 27; Лив. Эпит., 120). Против убийц Цезаря заочно начались судебные процессы.

С армией в 11 легионов Октавиан выступил навстречу Антонию. У последнего было около 7 своих легионов, 7 легионов Лепида, 3 легиона Планка и 2 легиона Азиния Поллиона. Однако превосходство в силах компенсировалось самостоятельностью легатов Антония. Главным же было нежелание обеих армий сражаться друг с другом. У Децима Брута было 10 неуккомплектованных легионов, но армия начала переходить к цезарианцам и вскоре покинула командующего. Брут хотел бежать на восток, но по пути его захватили галлы, и по приказу Антония он был убит (Апп. Гр. войны, III, 97—98).

В ноябре 43 г. в Бононии встретились Антоний, Октавиан и Лепид. Было выработано соглашение, по которому все трое становились *triumviri rei publicae constituendae* на 5 лет. Триумвиры стояли выше всех магистратов, имея, по сути дела, неограниченную власть с правом устанавливать законы. Все провинции делились между ними: Антоний получил Цизальпийскую и Трансальпийскую Галлию, Лепид — Испанию и Нарбонскую Галлию, а Октавиан — Африку, Сицилию и Сардинию. После установления власти в Риме Антоний и Октавиан отправились на восток для войны с Брутом и Кассием, а Лепид остался в Риме (Апп. Гр. войны, IV, 2; Дион Касс., 46, 55; Свет. Авг., 8; Лив. Эпит., 120; Плут. Ант., 19; Циц., 46; Брут, 27; Флор, II, 16—17; Ороз., VI, 18, 5; Плин. Ест. история, VII, 147).

Итак, через год после убийства Цезаря в Риме снова установилась диктатура — на сей раз корпоративная. Последующие гражданские войны представляли собой уничтожение всех республиканских сил и борьбу за власть между диктаторами, пока, наконец, не была установлена единоличная власть Октавиана.

27 ноября 43 г. по закону трибуна П. Тиция триумвиры получили власть на 5 лет (до 31 декабря 38 г.). Первым актом

их деятельности послужило уничтожение политических противников. Как и во время Суллы, были опубликованы проскрипционные списки, и следовавшие репрессии своим размахом превзошли сулланские. Аппиан, подробно описавший террор, указал общее число погибших — 300 сенаторов и 2 тыс. всадников (Апп. Гр. войны, IV, 5, 51). Среди жертв был и Цицерон. Итогом проскрипций стали уничтожение оппозиции в Риме и Италии, приобретение больших денег в результате конфискаций и создание атмосферы подавляющего страха, укрепившей власть триумвиров.

1 января 42 г. триумвиры, а вслед за ними сенат и магистраты принесли присягу *in acta Caesaris*, которая после этого постоянно возобновлялась (Дион Касс, 47, 18). Цезарь был обожествлен; по закону Руфрена его статуи ставились по всей Италии (Десс., 42, 43). Решения сената и народа утвердили войну с его убийцами (Свет. Бож. Юлий, 88). Больше всех от этого выиграл Октавиан, первым из римлян ставший «сыном бога» (*divi filius*), что он постоянно подчеркивал.

С армией в 25 легионов Октавиан и Антоний двинулись на восток. 6 легионов остались для охраны коммуникаций, а 19 оказались в Греции. Навстречу с 19 легионами двинулись Брут и Кассий. В сентябре у города Филиппы произошло первое сражение. По подсчетам П. Брунта, в армии триумвиров было около 110 тыс. человек против 90 тыс. у республиканцев.¹ Правый фланг Брута опрокинул стоящие против него легионы Октавиана, а правый фланг триумвиров под началом Антония разгромил Кассия. Кассий, считая битву проигранной, покончил с собой. В армии Брута началось массовое дезертирство, и 23 октября он был вынужден дать второе сражение, закончившееся полной победой триумвиров. Брут покончил с собой, большая часть его солдат сдалась противнику и была зачислена в цезарианские легионы, а флот заговорщиков во главе с Домицием Агенобарбом и Мурком ушел к захватившему Сицилию Сексту Помпею.

По общему мнению, как древних авторов, так и современных исследователей Филиппы подводят черту под республикой. Это было последнее сражение, в котором республиканские силы выступили против монархии, и их поражение означало окончательный перелом, уже определенный диктатурой Цезаря. Война перешла в борьбу за личную власть.

Решающую роль в битве при Филиппах сыграл Антоний, оттеснивший на второй план не только Лепида, но и Октавиана. Новый раздел территорий был продиктован именно им. Антоний получил всю Галлию и фактически установил власть над восточными провинциями, взяв на себя сбор денег; Октавиан получил Испанию и Сардинию, а Лепид — Африку (Там

¹ Brunt R. Italian manpower, 1971, p. 531.

же, V, 3; Дион Касс., 48, 1; Плут. Ант., 22). Расстановку сил показывало разделение легионов. Антоний имел 8 легионов и 10 тыс. всадников при себе, 11 легионов Калена в Галлии, еще 13 под командованием Вентидия, Поллиона и Планка стояли в Цизальпийской Галлии и Италии, а 6 находились в Греции у Марция Цензорина. Октавиан имел при себе 3 легиона и 4 тыс. всадников, еще 8 стояли в Испании, и, вероятно, некоторая часть — в Италии. Лепид всего имел 7 легионов. С 38 легионами Антоний мог расправиться с коллегами, но он упустил момент и сделал ошибку, покидая Италию и оставляя там Октавиана.

По решению триумвиров на земли 18 городов выводились колонии ветеранов, теперь это было поручено Октавиану. Передел земли, предпринятый в интересах армии, носил крайне болезненный для населения характер, и вскоре началось крупное восстание. Его возглавили родственники Антония — брат Луций и жена Фульвия, считавшие, что с Октавианом теперь можно покончить. Положение последнего стало критическим: Л. Антоний собрал 6 легионов, его поддержала немалая часть сената, активизировался Секст Помпей, а в непосредственной близости находились Кален, Поллион, Планк и Вендитий. Внезапным ударом Луций Антоний занял Рим (Апп. Гр. войны, V, 3), а армия и народ провозгласили его императором. Антоний-Младший заявил, что будет бороться за ликвидацию триумвирата, обещая, что его брат откажется от власти, если будет смещен Октавиан.

Обе стороны послали гонцов к Марку Антонию, однако тот, упустив момент, ничего не предпринял. Легаты Антония бездействовали, а Лепид прибыл на помощь Октавиану. Воспользовавшись ситуацией, Октавиан собрал большие силы, добавив к своим 4 легионам 8 испанских легионов Сальвидиена (Там же, V, 24, 27; Дион Касс., 48, 13). В результате действий Агриппы, который фактически командовал армией Октавиана, Луций был отброшен в Перузию и там осажден. Осада длилась до февраля 40 г., пока, наконец, из-за голода город был вынужден сдаться. Фульвия и Л. Антоний были отпущены к Антонию.

Вскоре умер Кален, и его сын передал все 11 легионов Октавиану, а Агриппа переманил 2 легиона Планка (Апп. Гр. войны, V, 51). Перузийская война восстановила равновесие сил. По числу легионов Октавиан сравнялся с Антонием, кроме того, он укрепился в Италии. События 41—40 гг. стали первым ударом по могуществу Антония.

С некоторым опозданием в середине 40 г. Антоний с 200 кораблей подошел к Брундизию. К нему присоединился флот Домиция Агенобарба (80 кораблей и 2 легиона). Антоний вступил в переговоры с Секстом Помпеем. Военные действия уже начались, но, как и в 43 г., армии потребовали примирения, и триумвиры были вынуждены уступить (Там же, V, 55, 56,

58, 67; Велл. Пат., II, 76; Плут. Ант., 30; Дион Касс., 48, 30, 16).

В начале октября 40 г. был заключен так называемый Брундизийский договор. Обе стороны договорились забыть все обиды, а Антоний женился на сестре Октавиана Октавии. Октавиан получал все западные, а Антоний — все восточные провинции и половину армии Калена. В Италии оба имели равную власть, а за Лепидом оставалась только Африка. Соглашение санкционировало поход Антония против парфян и войну с Секстом Помпеем и практически устраняло Лепида. Отправление Антония на восток послужило началом его изоляции от Италии, что постепенно создавало перевес в пользу Октавиана.

Вскоре, однако, началось наступление Секста Помпея. Завладев Сицилией и создав сильный полупиратский флот, Помпей захватил Сардинию и Корсику и атаковал Италию, создав трудности для снабжения Рима хлебом. Пиратские корабли Помпея напали на Этрурию (Апп. Гр. войны, V, 66; Дион Касс., 48, 30). Народное недовольство достигло опасной точки; во время одного из волнений Октавиан чуть не погиб, и его спас Антоний, пославший на помощь солдат. Народ потребовал либо немедленной победы над Помпеем, либо немедленного мира. Не имея возможности первого, триумвиры пошли на соглашение.

Весной 39 г. у Мизена триумвиры встретились с Помпеем. В результате Помпей фактически был введен в триумвират наравне с Лепидом. Помпей получал все три острова и провинцию Ахайю, ему заплатили компенсацию за имущество отца и сделали консулом на 35 г. Проскрибированные в его армии получали амнистию, а рабы — свободу, остальные его солдаты рассматривались наравне с солдатами триумвиров. За это Помпей должен был не принимать бежавших рабов и не мешать подвозу продовольствия (Дион Касс., 48, 39, 46, 54; Апп. Гр. войны, V, 72; Плут. Ант., 32; Велл. Пат., II, 77). Была объявлена амнистия, и большинство воспользовались этим и вернулись в Рим. 39 г. стал началом примирения триумвиров и старого нобилитета, ранее составлявшего ядро оптиматов.²

Уже весной 38 г. начались трения между Октавианом и Помпеем. Адмирал Помпея Менодор перешел к Октавиану. Последний предпринял массированную атаку на Сицилию, но флот его потерпел поражение, и переправа не удалась (Апп. Гр. войны, V, 81—90; Дион Касс., 47—48).

Командующим в войне был назначен Агриппа, только что одержавший победы в Галлии и перешедший через Рейн. На побережье Италии начал строиться флот. Октавиан обратился за помощью к Антонию и Лепиду. С 300 кораблей в Та-

² М а ш к и н Н. А. Принципат Августа, с. 254.

рент прибыл Антоний. Его вполне устраивала роль Помпея, который сдерживал бы Октавиана, однако общие интересы оказались сильнее. В декабре 38 г. кончился срок триумвирских полномочий Октавиана и Антония, и они продлили себе власть еще на 5 лет через решение народного собрания (Дион Касс., 48, 49, 54; Апп. Гр. войны, V, 95; Иллир. войны, 28; Велл. Пат. II, 79; Свет. Авг., 16). Антоний отдал Октавиану 130 кораблей взамен 20 тыс. легионеров. Лепиду власть не продлили. Договор в Таренте стал началом нарушения равновесия и наступления Октавиана. Перелом наступил в середине 30-х годов. Главной его причиной стал отрыв Антония от Италии и превращение его в лидера востока.

Роман Антония и Клеопатры начался сразу же после их встречи в 41 г., затем наступил перерыв, вызванный отсутствием триумвира и его браком с Октавией, однако в 37 г. Антоний вступил в официальный брак с египетской царицей. В этой романтической связи сплелись любовь и политика. Дело было не только в чарах египтянки, сумевшей «свести с ума» любвеобильного Антония, но и в том, что за ней стоял эллинистический восток, который все больше подчинял Антония своей политике. Выступление востока стало возможным только после повышения его роли в гражданских войнах, и борьба Антония и Октавиана была не только борьбой двух претендентов на единоличную власть, но и в какой-то степени борьбой двух миров — римского и эллинистического, который тоже в немалой степени воевал римским оружием.

Весной 36 г. Антоний двинулся против Парфии. С 16 легионами, 10 тыс. всадников и 30 тыс. вспомогательных войск он двинулся из Армении и осадил Фрааспы. Парфяне, собрав примерно 50 тыс. воинов, применили ту же тактику, что и в борьбе с Крассом. Потеряв 2 легиона, Антоний начал отступать, неся огромные потери. К лету 36 г. ему удалось уйти в Армению. Поход закончился неудачей, и Антоний потерял не только престиж, но и около 40% солдат. Эту потерю он так и не сумел восполнить.³

Октавиан же, напротив, вел успешную кампанию против Помпея. Сицилия была атакована с трех сторон: флот Октавиана и Агриппы атаковал из Путеол, 102 корабля Статилия Тавра, присланные Антонием из Тарента, а Лепид — из Африки. Лепид сумел высадиться в Сицилии, на сторону Октавиана снова перешел Менодор. Вначале главная армия Октавиана потерпела поражение, но флот Агриппы доставил подкрепление, и в Сицилии оказались 21 легион и 20 тыс. всадников из армий Октавиана и Лепида. Помпей мог противопоставить им всего 10 легионов, и потому перенес центр тяжести борьбы на море. После победы Агриппы у Мил главные силы флотов Агриппы

³ САН, vol. X, p. 75.

и Помпея встретились у Навлоха. По Алпиану, обе стороны имели по 300 кораблей. Агриппа одержал блестящую победу, флот Помпея был уничтожен. Помпей бежал в Малую Азию, желая сдаться Антонию, но, узнав о его поражении, поднял мятеж и занял несколько вифинских городов. Подход флота Антония привел к тому, что армия перешла на его сторону, Помпей попал в плен и был убит (Апп. Гр. войны, V, 97—121, 133—145; Дион Касс., 49, 1—8).

Победа над Помпеем привела к конфликту с Лепидом. Легат Помпея Плиний Руф сдал Лепиду 8 легионов. Теперь Лепид имел в Сицилии 22 легиона против 7 у Октавиана и приказал ему покинуть Сицилию. Однако легионы Лепида отказались сражаться против Октавиана. Наконец, Лепид сдался. Октавиан лишил его власти и удалил в ссылку на Цирцеи. Африка была захвачена Статилием Тавром (Апп. Гр. войны, V, 122—126; Дион Касс., 49, 14, 50, 11, 12; Велл. Пат., II, 20; Свет. Авг. 16, 54).

В результате событий 36 г. Октавиан ликвидировал своих противников на западе и значительно укрепил свои силы. Даже после роспуска части своих войск он имел 45 легионов, между тем как Антоний имел не более 30. Победа над Помпеем стала важным этапом в усилении позиций Октавиана в Италии. Он получил триумф, право носить лавровый венок и трибунскую *sacrosanctitas*. Теперь Октавиан окончательно стал лидером Италии. Большое значение имели два пропагандистских демарша. Во-первых, Октавиан заявил о прекращении гражданских войн и начале возвращения к мирной жизни, намекая при этом на снятие власти триумвира. Во-вторых, 30 тыс. рабов, взятых в войне, были возвращены их хозяевам, а 6 тыс., чьи хозяева не нашлись, были казнены (Апп. Гр. войны, V, 127, 131; 5). Эта последняя мера должна была показать его не только миротворцем, но и защитником рабовладельческого строя. Все мероприятия привели к тому, что к 33 г. в основном сложился образ Октавиана как военного, политического и религиозного лидера Рима и Италии.

В свою очередь, Клеопатра, понимая, что время работает против нее, все последовательнее толкала Антония к конфликту. Антоний развелся с Октавией. В марте 35 г. Клеопатра взяла на себя снабжение его армии. Осенью 34 г. состоялся акт, который символизировал подчинение Антония интересам востока. В Александрии отпраздновался триумф над парфянами, Клеопатра была объявлена «царицей царей», а ее сын от Цезаря, претенциозно названный ею Птолемеем Цезарем,⁴ был объявлен законным сыном Цезаря и соправителем матери. Дети Антония и Клеопатры получили вассальные царства: Александр Гелиос—захваченную в 35 г. Армению и Мидию Атропатену (как

⁴ Ibid., p. 268.

зять мидийского царя), Птоломей — Филадельфию, а также Сирию, Киликию и Финикию, а Клеопатра Селена — Кирену и Кипр. Римлян не мог не шокировать этот факт, так как Сирия, Кипр и Кирена давно были римскими провинциями (Дион Касс., 49, 41; Плут. Ант., 54).⁵ Все это было не чем иным, как воссозданием царства Птолемеев в его наибольших размерах под эгидой «царицы царей» Клеопатры и триумвира Антония. Сын Антония и Фульвии Антилл должен был стать наследником положения отца. Особый характер этих событий подчеркивался в документах. Как и на Западе после победы Октавиана в 36 г., так и теперь на востоке подчеркивалась идея начала золотого века, а в некоторых египетских документах (Рар. Оху., XII, 1453) 34 год выступал как начало новой эры.

Весной 33 г. эти известия дошли до Рима и послужили толчком к мощной пропагандистской кампании, ставшей преддверием к гражданской войне. Октавиан обвинил Антония в национальной измене. Антоний ответил обвинением в нечестном поведении с Лепидом и с ним самим. Октавиан явно переигрывал своего противника. Его лейтмотивом стала борьба за все исконно римское, итальянское, западное против восточного варварства, грозящего поработить Рим.

В разгар этой кампании кончаются триумвирские полномочия Антония и Октавиана. Первый сохраняет, т. е. узурпирует их на третий срок (Дион Касс., 50, 7). Октавиан поступает тоньше и, сохранив суть, меняет форму. Он более не упоминает о себе как о триумвире, хотя торжественный акт снятия власти происходит только в 27 г. Х. Бернарио отмечает, что после 33 г. Октавиан, не будучи триумвиром, продолжал сохранять свое политическое положение.⁶ Следует, однако, заметить, что он оставался Гаем Юлием Цезарем, сыном божественного Юлия, бывшим триумвиром, дважды консулом, победителем заговорщиков и Секста Помпея, национальным лидером Италии. Вероятно, если в какой-то момент *auctoritas* и вождистский момент составляли основу его власти, то это было именно в начале 32 г. В пропагандистском плане Октавиан снова переиграл противника, выставив себя «восстановителем республики».

Антоний послал письмо, требуя утверждения своих действий на востоке. Консулы 32 г. Г. Сосий и Гн. Домиций Агенобарб являлись его сторонниками, и момент для атаки был довольно подходящим. Сосий произнес речь, в которой заявил, что Антоний обещал отказаться от полномочий, если это делает Октавиан, и потребовал утверждения требований Антония, в том числе и акта 34 г. Октавиан явился в сенат, окруженный охраной, и сел между консулами, а затем произнес речь про-

⁵ Машкин Н. А. Принципат Августа, с. 268.

⁶ Bernario H. Octavian's status in 32 B. C. — Chiron, V, 1975, p. 301—309.

тив Антония. Ввиду явного превосходства Октавиана сторонники Антония, 300 сенаторов во главе с консулами бежали к нему (Дион Касс., 50, 1—2; Плут. Ант., 56).

Разрыв практически произошел. Антоний приказал Октавию покинуть его дом и составил завещание, в котором признавал Птолемея Цезаря законным наследником диктатора, подтверждал акт 34 г. и завещал похоронить себя в Александрии. Октавиан завладел им и зачитал его перед сенатом, что было воспринято как окончательное свидетельство измены. Сенат и народ в Риме объявили войну Клеопатре (Плут. Ант., 60; Дион Касс., 50, 4).

Война выглядела как война с Египтом и Клеопатрой, т. е. *bellum externum*. Официально «республика» воевала против внешнего врага, войну объявили сенат и народ, а Октавиан был национальным вождем Рима и всего Запада. Эта власть была оформлена в виде присяги, которую принесла ему вся Италия, а затем и западные провинции Галлия, Испания, Иллирик, Африка, Сицилия и Сардиния. Аналогичную присягу Антоний принял от восточных провинций (Дион Касс. 50,6). Эти присяги стали основой их власти на время войны.⁷

В сентябре 32 г. войска Антония собрались у побережья Ионийского моря между Керкирой и Метоной. Он выставил 500 кораблей, 19 легионов, многие из которых были довольно слабыми (всего 70—75 тыс. пехоты), и 12 тыс. конницы. Еще 4 легиона стояли в Киренаике, а некоторое количество — в Египте.⁸ Поскольку главным центром снабжения был Египет, атака Италии становилась практически невозможной из-за растянутости коммуникаций, и потому Антоний решил ждать противника на границе своих владений.

Октавиан, вынужденный оставить большие силы в Галлии и Испании, выделил для войны 80 тыс. пехоты, 12 тыс. конницы и более 400 кораблей.⁹ Его армия имела больший процент италиков, что делало ее качественно выше, флот был лучше экипирован и имел боевой опыт. Наконец, если в лагере Антония шли постоянные ссоры между римским командованием и ставленниками Клеопатры, то лагерь противника представлял собой монолит: Октавиан осуществлял общее политическое руководство, армия была поручена Статилию Тавру, а флот — Агриппе.

2 сентября состоялась битва при Акциуме. Традиция очень запутана, между тем как ход ее весьма важен для понимания

⁷ Premierstein A. Vom Werden und Wesen des Prinzipats. München, 1937, S. 63ff; Instinsky H. U. Consensus universorum. — Historia, 1940, S. 265—278; Adcock F. The interpretation of Res gestae divi Augusti 34, I. — CQ, 45, 1951, p. 130—135; Visscher F. Les pouvoirs d'Octavien en l'an 32 av. J. C. — BIBC, 19, 1938, p. 103—124; Wickert L. Princeps (civitatis) — R E, 1954, Bd XXIII, 1954, S. 2264—2269.

⁸ CAH, vol. X, p. 100.

⁹ Ibid., p. 102, 104—106.

событий. Плутарх сообщает, что долгое время битва шла с равным успехом, но, когда Агриппа стал растягивать левое крыло с намерением зайти в тыл, Геллий Публикола, командовавший правым флангом флота Антония, повторил маневр и оторвался от центра. В проход была брошена эскадра Аррунтия, и в этот момент Клеопатра, взяв эскадру из 60 кораблей, внезапно повернула к Египту. За ней последовал бросивший войска Антоний. Флот сопротивлялся до вечера, а затем сдался. Погибло всего 5 тыс. человек, а 300 кораблей попали в руки Октавиана (Плут. Ант., 65—67). Сходную версию передает Дион Кассий (Дион Касс., 50, 31—35). Однако эта версия вызывает сомнения, так как «изменниками» оказываются те, кто больше всего был заинтересован в победе. Более вероятна реконструкция, предложенная В. Тарном. Основываясь на Горации (Гор. Эподы, IX, 19—20), он полагает, что в линию были поставлены 6 эскадр Антония — 3 на правом, 1 — в центре и 2 — на левом крыле, а в тылу были расположены 60 кораблей Клеопатры. Во время боя на правом крыле и, видимо, после маневра Агриппы 3 эскадры левого крыла и центра повернули в гавань, а поскольку 2 правофланговые эскадры не могли сделать это из-за флота Клеопатры, то они подняли весла и сдались. После этого Клеопатра повернула в Египет, а за ней последовал Антоний с 40 кораблями под его непосредственным командованием.¹⁰ В пользу версии Тарна говорят и потери. Из 500 кораблей Антония 300 были взяты Октавианом, 60 ушли с Клеопатрой, около 40 последовали за ней с Антонием. Известно также, что из 200 кораблей Клеопатры (часть которых составляли грузовые) Антоний оставил только 60, а остальные велел сжечь из-за некомплекта команды (Плут. Ант., 56, 61, 64, 68). Получается, что боевых потерь практически не было. Из сказанного становится ясным рассказ Плутарха о том, что Антоний долго не решался показаться на глаза Клеопатре. Октавиан понял ситуацию только на следующий день, когда ему сдались суда, ушедшие в гавань. После этого сдались и армия.

Акция стала решающей победой; оставалось только добить противника. Октавиан мягко обошелся с римскими сторонниками Антония и сдавшимися восточными провинциями и вассальными царями. Летом 30 г. армии Октавиана вторглись в Египет, Антоний, а затем и Клеопатра, брошенные войсками, покончили с собой. 1 августа Октавиан вступил в Александрию; жертвами его стали только Птолемей Цезарь и Антилл, что четко определялось династическими мотивами. Детей Антония и Клеопатры взяла в свой дом Октавия.

Гражданские войны закончились. В их ходе погибли как те силы, которые не могли принять какой-либо вариант единой власти, так и те, которые не могли принять Октавиана

¹⁰ Ibid.

по личным причинам. Претензии востока на особую роль были пресечены. Началась конструктивная деятельность — организация Империи, ликвидация последствий кризиса и реставрация политического могущества. Главным требованием общества стал мир и твердый порядок при максимальном сохранении элементов старого. Именно в этом направлении начал действовать Октавиан.

2. ОФОРМЛЕНИЕ ВЛАСТИ АВГУСТА

Организация собственной власти стала первоочередной задачей Октавиана, ибо только определив собственное положение, он мог начать общую реорганизацию.

С 32 г. основой власти Октавиана остается его положение лидера в борьбе с Антонием, однако уже в 31 г. он подкрепляет это правовым фактором — властью консула. С 31 по 28 г. Октавиан регулярно занимал консульскую должность. Эти первые годы ушли на поиски новой формы власти, а положение правителя так долго имело элемент неопределенности благодаря сильнейшему моральному эффекту от победы над Антонием и окончания гражданских войн. Кроме того, в 30—29 гг. Октавиан был занят устройством Востока, проводя здесь двойственный курс — одновременно сохраняя большинство установлений Антония и при этом жестко подчеркивая супрематию Рима. В это же время был заключен выгодный мир с Парфией. Не менее успешны были действия легатов Октавиана: Агриппа подчинил Аквитанию, а М. Лициний Красс в 30—28 гг. разгромил фракийское племя бастарнов. К внутреннему миру добавился внешний.

1 января 29 г. Октавиан в пятый раз стал консулом, сенат принес ему присягу *in astra* (Дион Касс., 51, 20), а в середине года Октавиан вернулся в Рим. Был отпразднован триумф и закрыт храм Януса, что символизировало конец войн и начало римского мира, внутреннего и внешнего. Порочащая переписка была сожжена. Из 60 легионов¹¹ было распущено около половины. На победителя обрушилась волна почестей. В 30 г. сенат постановил, чтобы жрецы молились за него как за спасителя государства, а на банкетах обязательно совершались возлияния в честь Октавиана (Дион Касс., 51, 19). Расширилась его трибунская власть, сенат и народ посвятили ему арку с надписью «*Res publica conservata*» (Дес., 81), имя Октавиана было включено в литанию саллиев, в его честь совершались жертвоприношения и давались обеты. Октавиан также получил право пополнять коллегии жрецов.

¹¹ Ibid., p. 119; Bernario H. G. Augustus princeps. — In: ANRW, T. 2, Bd 1, S. 74.

Дион Кассий сообщает, что в год своего пятого консульства (29 г.) Октавиан принял титул императора как постоянный, но в новом смысле, как и Цезарь (Дион. Касс., 52, 41). Все исследователи согласны, что речь идет о *praepotens Imperatoris*. Известный переломный характер акта 29 г. виден из того, что с 29 г. резко увеличилось число монет с этим *praepotens*,¹² который впервые, по-видимому, был принят где-то между 40 и 38 гг.¹³ Как и у Цезаря, *преномен* выражал (но не давал) власть над армией и непобедимость, однако возникло новое качество — превращение его в титул, притом титул правителя.¹⁴ Одновременно с этим Октавиан-Август имел традиционный титул «император», увеличивая его с каждой победой. Так, к 27 г. он был императором 7, а к 14 г. н. э. — 21 раз.

13 января 27 г. Октавиан выступил в сенате и заявил, что добровольно передает власть сенату и народу и восстанавливает республику (Дион Касс., 53, 9; R. G., 34).¹⁵ Вероятнее всего, речь шла об особых полномочиях, данных ему присягой, а, кроме того, это было окончательное заявление о сложении полномочий триумвира.

Ответная реакция сената очень точно передана Дионом Кассием. Некоторые могли и порадоваться такому повороту, но главным был страх как перед войнами и анархией, так и перед тем, что отказ является провокацией. «Поэтому все ему поверили, одни по принуждению, другие притворились. Хвалить его одни не осмелились, другие не желали» (Дион Касс., 53, 11). Таково, видимо, было настроение консервативных сенаторов. С другой стороны, сенат прошел через чистку 29 г., и большинство его членов принадлежало к сторонникам Октавиана, которые искренне симпатизировали ему и желали его единовластия. Ответом на «отказ от власти» была компенсация в виде империя над двумя провинциями в Испании (Тарраконская Испания и Лузитания), всей Галлией, Сирией и Египтом.¹⁶ Остальные провинции оставались у сената и управлялись по старой системе проконсулов и пропреторов (там же, 53, 12).

¹² Wickert L. *Principes...* S. 2880; Premierstein A. *Von Werden und Wesen des Prinzipats*, S. 253.

¹³ Rosenberg R. *Imperator*. — R. E., Bd 10, S. 1145; Wickert L. *Principes...*, S. 2279—2881.

¹⁴ Lesuisse L. *La nomination de l'empereur et le titre d'imperator*. — AC, 1961, 30, p. 415—428; см. также: Kienast D. *Imperator*. — ZRG, 78, 1961, S. 403—421; Syme R. *Imperator Caesar, a study in nomenclature*. — *Historia*, 7, 1958, S. 172—188; Hammond M. *Imperial element in the formula of the Roman emperors during the two and half centuries of the Empire*. — MAAR, 25, 1957, p. 17—64.

¹⁵ Недавние специальные работы о заседании сената: Carthledge P. *The second thoughts of Augustus of the res publica in 28/27 B. C.* — *Hermathena*, 11, 1975, p. 30—40; Lacey W. C. *Octavian in the senate. January 27 B. C.* — JRS, 64, 1974, p. 176—184.

¹⁶ Египет с 31 г. имел особый статус и управлялся префектом Египта в ранге всадника, подчиненным лично Октавиану и им назначаемым.

Характер империя Августа в 27 и 23 гг., его соотношение с властью сената и магистратов и его сущность вызвали появление сложной проблемы. Вопрос этот особенно важен, поскольку затрагивает ключевой момент власти Августа. Уже Моммзен на основании сопоставления с «законом о власти Веспасиана» считает, что в 27 г. Октавиан получил общий всеобъемлющий империй над всеми провинциями и одновременно — проконсульский империй над указанными.¹⁷ На сходной точке зрения стоит и А. фон Премерштейн, датирующий *imperium maius* 27 г., но отрицающий наличие специального второго империя, полагая, что этот *imperium maius* и есть проконсульский.¹⁸ Другая группа исследователей придерживается точки зрения, согласно которой во власти Августа сочетались проконсульский империй над Испанией и другими провинциями и обычный империй консула, поскольку он занимал эту должность вплоть до 23 г.¹⁹ Некоторые, например, Х. Лэст, видят в этом консульстве некую особую власть, отличную от обычного консулата.²⁰ Наконец, Л. Викерт указывает, что империй Августа в принципе не отличался от империя Цезаря, Помпея и Красса в 55 г. и сочетался с обычной властью консула.²¹

Нам представляется, что главным элементом власти, по крайней мере в правовом плане, оставался империй консула, к которому добавился проконсульский империй над его провинциями. Последнее давало ему контроль почти над всей армией. Никакого же особого всеобъемлющего империя не было.

Новый проконсульский империй оказался очень перспективным, он выделял ряд провинций, где Октавиан являлся полным хозяином, и главным результатом 27 г. было то, что Октавиан нашел практическую возможность монополизировать военную и в значительной степени провинциальную власть, оставаясь, насколько это было возможно, в рамках традиции.

16 января Октавиан получил новые почести: имя Август, украшение дома лаврами и венком за спасение граждан (*согосивис*) и золотой щит. Имя *Augustus* (от *augere*) означало нечто вроде «высокий, величественный» и продолжало традицию особых прозвищ конца республики (типа Сулла — *Felix*). Новый правитель получил не только особый юридический статус, но и особое, отличное от всех имя. Такую роль уже играло имя «Цезарь», но если оно еще вписывалось в традиционную номенклатуру, то *Augustus* из нее выходило. Еще в большей степени, чем «Цезарь», оно становилось именем-титолом. Практически все

¹⁷ Mommsen T. *Römische Staatsrecht*. Berlin, 1888, Bd 2, S. 1520.

¹⁸ Premierstein A. von. *Vom Werden und Wesen...* S. 231.

¹⁹ Beranger J. *Recherches...* p. 75; Машкин Н. А. Принципат Августа, с. 382—383; Jones A. H. *The imperium of Augustus*. — *JRS*, 41, 1951, p. 112—119; Syme R. *Roman revolution*, p. 315.

²⁰ Last H. *Imperium maius*, a note. — *JRS*, 37, 1947, p. 157—164.

²¹ Wickert L. *Princeps...* S. 2273—2278.

исследователи подчеркивают связь *augustus* с *augur* и Ромулом, в легенде о котором авгурация играла особую роль.²² Таким образом, Август четко ассоциировался с Ромулом и выступал как второй основатель Рима.²³ Через эту связь и этимологию имя приобрело явно сакральный характер.²⁴

Август особенно подчеркивал факт преподнесения ему золотого щита с надписью «*Virtutis, clementiae, iustitiae et pietatis causa*». Викерт подробно перечисляет все основные добродетели императоров²⁵, и их классификация в основном заключена в одном из четырех комплексов, которые фигурируют на щите.

Virtus — мужество, главное качество, которое, по римским понятиям, определяло идею достойного человека, некая общая кумуляция добродетели. Человек, наделенный *virtus*, хороший человек, тот кто ее не имеет, плох. Римляне считали *virtus* исконно римским качеством; другие народы либо вообще ее не имеют, либо имеют в ограниченной степени. *Virtus* — качество военное и особенно проявляется в трудных ситуациях. Помещение *virtus* в качестве первой добродетели Августа показывает, что он был связан с республикой и умел выстоять и победить в трудной ситуации, что, вероятно, римляне ценили больше всего.

Clementia — мягкость, милосердие — является качеством мирным. Если в борьбе и победе нужна *virtus*, то после победы ее сменяет *clementia*. По своей идее *clementia* — это отношение сильного к слабому и высшего к низшему, а превращение *clementia* Цезаря и Августа в глобальную политику символизировало то, что они стояли над всеми, т. е. их качество правителя.²⁶

Clementia играет особую роль при использовании победы, но в постоянной мирной жизни необходимо некое уравнивающее качество, роль которого играет справедливость (*iustitia* — *aequitas*). *Aequitas* показывает уважение к праву и символизирует то, что правитель действует в соответствии с законами и умеет, если надо, жестко отнестись к нарушителям мира и законности. Как и *clementia*, понятие *aequitas* подчеркивает отношение высшего к низшему.

Наконец, *pietas* (благочестие) выражает, что Август выполняет свои обязанности по отношению к богам и, следовательно, находится под их покровительством. Римская *pietas* включает в себя и почитание родителей; в данном случае она подчеркивает связь Августа с его отцом-богом Юлием Цезарем.

Таким образом, в 27 г. были выработаны три основных эле-

²² Машкин Н. А. Принципат Августа, с. 383.

²³ Scott K. Identification of Augustus with Romulus. — *TAPHA*, 56, 1925, p. 82—105; Gage J. Romulus—Augustus. — *MEFR*, 1930, p. 138—181.

²⁴ Gardthansen V. Augustus und seine Zeit. Berlin, 1897, Bd 1. S. 537; R. E., Bd 10, Iulius (Augustus), S. 2369—2371.

²⁵ Wickert L. *Princeps*... S. 2231.

²⁶ Bernario H. Augustus princeps. — In: *ANRW*, T. 2, Bd 2, S. 78—83.

мента новой системы: постоянная особая правовая власть Августа, его особое имя и общий канон идеологии.

В 26—25 гг. принципс был занят войнами в Галлии и Испании, и новый юридический акт произошел 1 января 24 г., когда начал устанавливаться принцип *princeps legibus solutus* (Дион Касс., 53, 23; Диг., I, 3, 31; Десс., 244).

Отношение правителя и закона имело принципиальное значение. Двумя полюсами принципа являлись полностью подчиненный законам магистрат республики и полностью свободный от их действия самодержавный монарх, стоящий над законом и часто являющийся его источником. Именно эту последнюю ситуацию показывают Дион Кассий и Дигесты, однако многие исследователи не без основания считают, что они отражают ситуацию III в., которая отличалась от ситуации I в.²⁷ Если не принимать эту оговорку, то становятся совершенно неясными и бессмысленными все последующие акты Августа по оформлению власти. Кроме того, при наличии других законодательных органов (сената и народа) такая мера дезорганизовала бы всю правовую жизнь. Наконец то, что Август не был абсолютно освобожден от законов, видно из более позднего сообщения Диона Кассия о специальном освобождении Августа от действия его собственных брачных законов (Дион Касс., 56, 32). Скорее всего, имеется в виду, что в 24 г. произошло либо освобождение Августа от какого-то конкретного закона, либо просто декларировался принцип, позволяющий ему освобождаться от действия законов.

В середине 20-х годов Август впервые предпринял попытку основать династию и передать власть по наследству. Сыновей у него не было, и в центре династической политики оказались единственная дочь Юлия, сын Октавии Марк Клавдий Марцелл и два пасынка — дети Ливии от первого брака Тиберий Клавдий Нерон и Друз Клавдий Нерон. В 25 г. Август выдал Юлию за Марцелла, который был введен в сенат, получил право стать эдилом в 23 г. и занять консульство на 10 лет раньше срока. Тиберий стал квестором на 24 г. и получил право занимать консульство на 10 лет раньше срока (Дион Касс., 53, 28).

В 23 г. император подвергся двойной опасности. Его коллега по консульству А. Терренций Варрон Мурена устроил против него заговор (Велл. Пат., II, 91; Свет., Тиб., 8).²⁸ Несмотря на его подавление, опасность со стороны второго консула стала ощутимой. Кроме того, Август тяжело заболел и чуть не умер. В критической ситуации он передал перстень с печатью Агрипп-

²⁷ Wickert L. *Princeps...* S. 2294; CAH, vol. X, p. 134—135; Last H. *Imperium maius*, a note, p. 163; Magdelain A. *Autoritas principis*. Paris, 1950, p. 101—104.

²⁸ Dessau H. *Geschichte der römischen Kaiserzeit*. Berlin, 1927; Demott W. C. *Varro Murena*. — ТАРНА, 1941, p. 255—265; Rouland R. I. *The conspiracy of Varro Murena*. — CJ, LXII, 1967, p. 362—363.

пе, а отчеты о государстве — новому консулу Пизону (Дион Касс. 53, 30). Врач Антоний Муза сумел его вылечить, однако Август знал о возможности внезапного кризиса, и провел серию реформ, закрепляющих систему.

1 июля 23 г. он отказался от консульства. Начало реформы с отказа стало уже традиционным стилем Августа, оправдавшим себя в 27 г. Кроме того, консульство было для него достаточно неудобным. Дион Кассий сообщает об изменении в характере проконсульского империя, который Август получил «навечно» (ἑσαεί καθάλαξ). Теперь империй не слагался в границах померия и становился наивысшим из всех (imperiū maius) (Там же, 53, 32).

Текст вызывает несколько неясностей. Многие авторы утверждают, что речь идет не о проконсульском, а об общем империи, другие, отрицая это мнение относительно 27 г., считают, что новое качество появилось в 23 г.²⁹ У нас нет оснований считать, что речь идет о каком-то ином империи, кроме проконсульского,³⁰ тем более что Дион Кассий четко обозначает его как τὴν ἀρχὴν τὴν ἀνθύπατον (Там же), однако ряд новых моментов ведет к его трансформации в империй нового типа.

Сложнее всего дело обстоит с ἑσαεί καθάλαξ. Сам же Дион Кассий указывает, что империй Августа продлевался 5 раз (18, 13, 8 г. до н. э., 3, 13 г. н. э., через 5, а потом — через 10 лет). Понятие «навсегда» — это экстраполяция, отразившая то, что империй Августа реально стал пожизненным и что все его преемники брали его сразу и на всю жизнь. Несложение полномочий в померии давало ему, единственному из всех, военную власть в городе, чего не было у магистратов республики. Наконец, особое значение имело превращение империя в наивысший (maius), что делало Августа старшим среди магистратов.

Таким образом, в ходе реформы 23 г. был упрочен главный элемент власти Августа — проконсульский империй, ставший основой его полномочий в провинциях и армии. Вместе с тем с утратой консульского империя он терял некоторые гражданские полномочия, которые, однако, вскоре были компенсированы. В том же 23 г. Август получил право ставить по одному вопросу на каждом заседании сената, а в 22 г. было специально оговорено, что Август может собирать сенат, когда ему угодно. Кроме того, он получал первенство в праве созыва сената (так называемое ius primae relationis) (Там же, 53, 32; Геллий. Аттические ночи, XIV, 7).

Вторым важнейшим элементом власти Августа была tribu-

²⁹ Гримм Э. Д. Исследования по истории..., т. 1, с. 131; Машкин Н. А. Принципат Августа, с. 397.

³⁰ Chilver E. F. Augustus and the Roman constitution. 1939—1950.—Historia, 1, 1950, p. 429.

nia potestas. Интерес Октавиана к трибунату замечен уже в 44 г., а с 36 г. он приобрел трибунскую неприкосновенность и sacrosanctitas (Дион Касс. 49, 15). Сообщению Диона Кассия противоречат Аппиан (Апп. Гр. войны, V, 132) и Орозий (Ороз. VI, 18), которые полагают, что Август получил тогда всю власть трибуна. Это, однако, противоречит дальнейшим сообщениям Диона Кассия. Мнение, что в 36 г. Август не имел всей власти трибуна, разделяет и большинство исследователей.³¹ В 30 г. ему дается трибунская власть внутри померия и на 4 стадия вокруг, т. е. в радиусе, большем, чем у других трибунов (Дион Касс., 51, 19). Л. Викерт³² полагает, что речь идет о ius auxilii. Есть основания принять это мнение. Только в 23 г. Август получил пожизненную и полную трибунскую власть, и именно с этого момента он начал считать ее в Res gestae. Трибунская власть ежегодно возобновлялась, вначале через комиции, но вскоре выборы стали фиктивными, а затем и вообще исчезли. Трибунская власть давала огромные полномочия. Через нее Август мог кассировать распоряжение любого магистрата и сената. Октавиан контролировал трибунскую коллегию, став ее главным и постоянным членом, она также давала право созывать сенат. Был и идеологический момент, подчеркивающий особую связь Августа с народом.

Реформы 23 г. в основном завершили процесс создания власти правителя, и внимание его было переключено на второй элемент создания монархической власти — основание династии. Зимой 23—22 г. началась сильная эпидемия, вызвавшая к тому же и голод, и народ стал требовать, чтобы Август принял диктатуру. Не исключено, что кампания была инспирирована им самим. Все кончилось отказом принцепса, нежелавшего связывать себя с этой одиозной и запрещенной в 44 г. должностью (Дион Касс. 54, 28, 1; Свет. Авг., 52, 2; Велл. Пат., II, 89).³³ Осенью 23 г. умер Марцелл, а в 21 г. Август окончательно ввел в правящую семью Агриппу — единственного человека, способного в любой момент заменить его самого. Агриппа женился на Юлии, и у них родилось два сына — в 20 г. — Гай, а в 17 г. — Луций.

³¹ Т. Моммзен полагал, что Октавиан, получив в 31 г. полную трибунскую власть, в 30 г. расширил ее пространство, а с 23 г. возобновлял ежегодно (Mommesen Th. Römische Staatsrecht, Bd 2, S. 872; см. также: Premerstein A. von. Vom Werden und Wesen... S. 266). По мнению Ф. Эдкока, в 36 г. Август имел только sacrosanctitas, а в 30 г. получил всю власть (САН, vol. X, p. 139—140). Тем не менее большинство исследователей придерживаются мнения, что власть была окончательно получена в 23 г., а в 36 и 30 г. Август получил только ее элементы — вначале sacrosanctitas, а затем — ius auxilii (Гримм Э. Д. Исследования по истории... т. 1, с. 132—133); Машкин Н. А. Принципат Августа, с. 398—399; Visscher F. Le «tribunicia potestas» de Cesar à Augusto. — SDHI, 1939, p. 101ff; Wickert L. Princeps... S. 2283—2287.

³² Wickert L. Princeps... S. 2284.

³³ Alföldy G. Die Ablehnung der Diktatur durch Augustus. — Gymnasium, 79, 1972, S. 1—12.

В 19 г. произошли волнения, связанные с выборами, и возникла необходимость в дополнительном контроле над консульством. Дион Кассий сообщает, что в этом году Август получил так называемый *imperium consulare* («он пожизненно получил власть консулов, так, чтобы всегда и везде пользоваться 12 ликторами и сидеть на магистратском кресле в середине между консулами») (Дион Касс., 54, 10). Некоторые исследователи считают, что Августу предложили пожизненное консульство, но он отказался.³⁴ Однако большинство справедливо полагает, что речь идет только о предоставлении консульских инсигний и, таким образом, передачи ему почетного консульства.³⁵ Новая привилегия не исчерпывалась инсигниями; Август действительно стал пожизненным «почетным консулом», третьим и постоянным членом коллегии. В 18 г. Агриппа получил трибунскую власть и, вероятно, проконсульский империй в несколько ограниченном виде.

Вероятно, в связи с этим Август решил окончательно закрепить свое положение. В 19 или 18 г. он получает так называемую *proaistia tōn koīnōn* (Дион Касс., 54, 10; Свет., Авг., 27). Нам представляется, что именно это понятие обозначает полномочия, которые отмечены в «законе о власти Веспасиана»: «И чтобы все, что он считает нужным ради величия государства из дел божеских, человеческих, общественных и частных у него были власть и право делать так, как это было дозволено божественному Августу, Тиберию Юлию Цезарю Августу, Тиберию Клавдию Цезарю Августу Германику» (Дессау, 224). Возможно, это была *sua legum et togum*,³⁶ которая не столько заменяла все другие полномочия, сколько их связывала... *Proaistia* закрывала всевозможные вакуумы в отношениях Августа с магистратами и сенатом на случай непредвиденных ситуаций. Таким образом, она кумулировала и подтверждала все остальные полномочия, играя роль заключительного акта формирования основного комплекса власти Августа, и примечательно, что именно после этого он приступил к серии политических реформ.

Период с 18 по 13 г. был временем упрочения династии. После рождения Луция Цезаря Август усыновил обоих внуков, подчеркивая их положение наследников. Одновременно выдвинулась другая ветвь правящей семьи — сыновья Ливии Тиберий и Друз. Агриппа был послан на восток; в это же время начались военные действия на севере. Принцепс нуждался в новых помощниках, и молодые, но уже начинающие проявлять себя Друз и Тиберий для этого подходили. В 16 г. Тиберий стал претором,

³⁴ Следует также отвергнуть мнение Джоунза, что это был особый *imperium consulare* (Jones A. H. M. *The imperium of Augustus*. — JRS, 41, 1951, p. 112—119).

³⁵ Mommsen Th. *Römische Staatsrecht*, Bd 2, S. 876; Beranger J. *Recherches*... p. 107—108; Wickert L. *Princeps*... S. 2282—2283.

³⁶ Гримм Э. Д. *Исследования по истории*... т. 1, с. 130.

в 15 г. преторские *огнаmenta* получил Друз. В это же время пасынки Августа командовали в своей первой операции, в результате которой были захвачены Реция, Винделликия и Норик.

В 13 г. были продлены *imperiū proconsulatus* Августа и Агриппы, и роль последнего возросла. После пребывания на востоке Агриппа был послан в Паннонию, которая стала главным объектом атаки. В том же 13 г. Тиберий получил консульство. В 12 г. до н. э. умер Лепид, и Август стал великим понтификом (Дион Касс., 54, 27). Однако именно с этого времени начались династические сложности. В 12 г. умер Агриппа. Династическая ситуация обострилась. Личные симпатии Августа, конечно, были на стороне внуков, но деловая необходимость выдвигала Клавдиев. После смерти Агриппы принцепс особенно нуждался в способном и неограниченно преданном «военном министре». Начались и трения между матерями претендентов — Ливией и Юлией.

С 13 по 9 г. Тиберий и Друз командовали войсками в Паннонии и Германии, проявив качества выдающихся полководцев. В 11 г. Август выдал Юлию за Тиберия, а Друз женился на Антонии, дочери Октавии и Марка Антония и племяннице Августа. В 9 г. Друз стал консулом, однако в конце года умер от болезни в военном лагере на Рейне (Свет. Клавд., 1; Авг., 63; Тиб., 7; Дион Касс., 54, 35; Велл Пат., II, 96).

В 8—7 гг. Тиберий завершил покорение Германии. В 7 г. он получил второе консульство, а в 6 г. был послан в Армению. Завоевания Августа привели к росту роли Тиберия, но подрастающие Гай и Луций вскоре превратились в опасных соперников. В 6 г. Тиберий получил *tribunicia potestas* на 5 лет (Дион Касс., 55, 9; Велл. Пат., II, 99; Свет. Тиб., 9—11), однако вскоре возникли предложения сделать Гая консулом. Через некоторое время произошел разрыв между Августом и Тиберием. Последний неожиданно обратился к принцепсу с просьбой освободить его от общественной жизни и уехал на Родос. Август был возмущен, так как, начав выдвигать внуков, он все еще нуждался в Тиберии. С другой стороны, это положение в какой-то степени устраивало принцепса, и поэтому он порвал с Тиберием (Дион Касс., Там же; Тац. Анн., I, 53). Поведение Тиберия становится понятным не только в свете двусмысленного положения с внуками императора, но и из-за несчастливого брака с Юлией. Уже после смерти Агриппы дочь Августа взбунтовалась против его династической политики. Протест вылился в форму многочисленных любовных связей и известных по всему Риму оргий. Брак с Тиберием только усилил это, и оба супруга относились друг к другу с нескрываемым отвращением, тем более, что для брака с Юлией Тиберию пришлось развестись с первой любимой женой Випсанией Агриппиной. На все это накладывалась вражда Ливии и Юлии, и то, что последняя не могла не видеть в Тиберии соперника своим детям (Свет. Тиб., 7; Авг., 65).

В 5 г. до н. э. после долгого перерыва Август взял консульство. Гай Цезарь получил *toga virilis* и титул *princeps iuventutis*, явно указывавший на его качество наследника. Гай был назначен консулом на 1 г. до н. э. Во 2 г. до н. э. принцепс принял титул «отец отечества» (*pater patriae*), снова становясь консулом, и таким же образом, как и Гая, ввел в политическую жизнь Луция (Свет. Авг., 26, Сен. К Полибию, 15, 4; Десс., 132, 136).

2 г. до н. э. ознаменовался новым политическим кризисом. Поведение Юлии становилось все более скандальным, и Август обвинил ее по своему закону о прелюбодеянии, добавив обвинение в государственной измене и святотатстве. От имени Тиберия, и даже не проконсультировавшись с ним (по Светонию, Тиберий безрезультатно просил о помиловании), Август дал ей развод. Юлия была сослана на о. Пандатерию, а через 5 лет переведена в Регий. В 14 г., когда Тиберий пришел к власти, он не дал ей амнистии, и в 17 г. дочь Августа умерла (Тац. Анн., III, 24, I, 53). Один из ее любовников, сын триумвира Юл Антоний, был казнен, а еще несколько других, в том числе Семпроний Грахх, Клавдий Пульхр и Корнелий Сципион, сосланы на острова.³⁷ Подоплека дела не совсем ясна. Одни исследователи считают, что источники верно передают картину конфликта,³⁸ другие не без основания полагают, что любовники Юлии организовали заговор против принцепса, в который оказалась замешана и она сама.³⁹ Хотя источники нигде не говорят о заговоре, эта версия вполне возможна.

Дело Юлии не имело непосредственного воздействия на отношения с внуками и с Тиберием. В 1 г. до н. э. Гай занял положение преемника, получив *imperiū proconsulare*, что, вероятно, было ускорено из-за вторжения парфян в Армению. Возвышение Гая нанесло удар по Тиберию: Август не продлил его трибунскую власть и запретил возвращаться в Рим. Тиберий выехал на Самос, чтобы повидаться с Гаем, но встретил крайне недружелюбный прием (Свет. Тиб., 12, 13; Тац. Анн., II, 42; Ороз., VII, 3, 4). Последние годы ссылки были очень тяжелыми, Тиберий постоянно опасался за свою жизнь.

Во 2 г. н. э. умер Луций Цезарь. Видимо, это обстоятельство помогло Ливии добиться возвращения Тиберия. В 3 г. в Армении был ранен Гай, после чего он долго болел, а в 4 г. н. э. умер (Велл. Пат., II, 102—103; Дион. Касс., 55, 10а; Свет. Авг., 65; Тиб., 14).

Теперь Август практически не имел выбора. Ему было уже 66 лет, и вопрос о преемнике стоял достаточно остро. 26 июня

³⁷ О деле Юлии см.: Дион Касс., 55, 10; Велл. Пат., II, 100; Тац. Анн., I, 53; Свет. Авг., 19, 65.

³⁸ Ферреро Г. Величие и падение Рима, т. 5. М., 1923, с. 117—118; 142—143; Машкин Н. А. Принципат Августа, с. 540.

³⁹ Наиболее подробно см.: Syme R. The crisis of 2 B. C. München, 1974.

4 г. н. э. Август усыновил Тиберия по куриатному закону. Во время усыновления принцепс заявил, что делает это «ради государства» (*rei publicae causa*). Это высказывание понимали по-разному. Одни исследователи считают, что Август не смог скрыть личной неприязни к пасынку, другие, что принцепс подчеркивал особое государственное значение этого акта.⁴⁰ Одновременно Тиберий должен был усыновить подающего большие надежды Германика, сына своего брата Друза.⁴¹ Правда, династическое положение осложнялось еще одним фактором. В 12 г. до н. э. у Юлии родился третий сын Агриппа Постум. Юноша считался умственно неполноценным, но тем не менее Август усыновил и его (Велл. II, 103, 104; Свет. Авг., 65; Тиб., 15; Дион Касс., 55, 13; Тац. Анн., I, 3; IV, 57).

Светоний полагает, что Тиберий получил *tribunicia potestas* на 5 лет (Свет. Тиб., 16), однако более вероятно получение ее сразу на 10-летний срок (Дион Касс., 55, 13), поскольку следов ее возобновления в 9 г. нет. Тиберий также участвовал в сенатском цензе, проводимом Августом.

Все более значительную роль Тиберий стал играть в связи с внешним кризисом, благодаря которому он превратился в реального соправителя Августа. В 4—5 гг. Тиберий подавил восстание в Германии, а в 6 г. начал готовить комбинированный удар из Германии и Паннонии по маркоманнам. С 7 по 9 г. он руководил подавлением грандиозного восстания в Паннонии, а затем, после катастрофы армии Вара в Германии, вновь занимался стабилизацией границы на Рейне. К 11 г. кризис был ликвидирован, и на Рейне и Дунае надолго установилась благоприятная для Рима ситуация. В 13 г. н. э. Тиберий вернулся в Рим и справил триумф. В том же году в последний раз был продлен империй Августа, причем больной принцепс даже хотел от него отказаться.

Тиберий получил продление трибунской власти на 10 лет и проконсульский империй, т. е. два основных атрибута императорской власти. Тогда же Август сделал его главным наследником имущества. Еще раньше, в 7 г., Агриппа Постум был сослан на остров Планазию, а в 8 г. за прелюбодеяние была сослана Юлия Младшая. Германик, отличавшийся в войнах Тиберия, был послан командовать самой крупной группировкой войск — 8 легионами на Рейне. В мае 14 г. Август вместе с Тиберием провел свой последний ценз сената и перепись населения, затем посетил на Планазии Агриппу Постума, что вызвало различные толки (Свет. Тиб., 21; Авг., 97; 101; Тац. Анн., I, 3, 5; Дион

⁴⁰ Kornemann E. *Tiberius*. Stuttgart, 1960, S. 40.

⁴¹ Август, не любивший Тиберия, явно больше симпатизировал Друзу и его семье, особенно Германику, тем более что тот был женат на его родной внучке Агриппине, дочери Агриппы и Юлии. Усыновление ставило Германика выше младшего по возрасту Друза, сына Тиберия.

Касс., 56, 28, 30; Плин. Ест. история, VII, 150). После этого в августе 14 г. император умер.

К анализу правового развития императорской власти при Августе следует добавить еще два аспекта: идеологический и религиозный. В идеологии принципата особое значение имело понятие *auctoritas*. Сам Август в *Res gestae* выставлял ее как основу своей власти (*auctoritate omnibus praestiti, potestatis autem nihilo amplius habui, quam ceteri* — R. g., 34). Проблема *auctoritas* по-разному решается в современной историографии. Р. Гейнце, например, считает, что Август получил ее по доброй воле народа как политический лидер. Гейнце рассматривает *auctoritas* как основу власти императора и отрицает государственно-правовое значение понятия.⁴² А. фон Премерштейн, Е. Шенбауэр, В. Сестон, напротив, считают ее понятием правового характера.⁴³ Наиболее полно эта точка зрения развита у М. Гранта, который пишет, что *auctoritas* — правовая основа принципата в противоположность империи республиканских магистратов.⁴⁴

Противоположной точки зрения придерживается А. Маделен, который считает *auctoritas* морально-политическим неправовым влиянием личности самого Августа.⁴⁵ Этот полный отрыв *auctoritas* от официальной власти вызвал протесты исследователей,⁴⁶ однако, как нам кажется, теория Гранта не менее неправомерна. Ж. Эллегуар замечает, что *auctoritas* — это очень широкое понятие, выражающее общее влияние данного лица или группы на политическую жизнь.⁴⁷ Принимая это определение, мы полагаем, что разделение *potestas* и *auctoritas* возможно только в том смысле, что последняя является более широким понятием. Утверждение Августа, что он не превосходил своих коллег-консулов в *potestas* передергивало факты. Это было бы правдой, если брать консульскую власть в изоляции, но если учесть, что, кроме этой власти, Август имел и проконсульский империй, трибунскую власть и другие полномочия, то его *potestas* оказывалась больше, чем у других консулов, что увеличивало и его превосходство в *auctoritas*.

Итак, *auctoritas* Августа складывалась из нескольких компонентов. Первое — это его правовое положение; он превосхо-

⁴² Heinze R. *Auctoritas*. — *Hermes*, 60, 1926, S. 348—349.

⁴³ Premerstein A. von. *Vom Werden und Wesen...* S. 240; Seston W. *Diocletian et la tetrarchie*. T. 1. Paris, 1946, p. 193; Schönbaueur E. *Untersuchung zum römischen Staats- und Wirtschaftsrecht*. — In: *Wesen und Ursprung des römischen Prinzipats*. Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, 1937, S. 65ff.

⁴⁴ Grant M. *From imperium to auctoritas*, p. 102.

⁴⁵ Magdelain A. *Auctoritas principis*. Paris, 1946; другой вариант этой теории — перенос понятия в сакральную область: Pugliese Caratelli Y. *Auctoritas Augusti*. — *PP*, 10, 1949, p. 29—40.

⁴⁶ Beranger J. *Recherches...* p. 127, Wickert L. *Principes...* S. 2289—2290.

⁴⁷ Hellegonarch J. *Le vocabulaire latin des relations et des parties politiques sous la republique*. Paris, 1965, p. 295.

дил всех в *auctoritas* прежде всего потому, что превосходил в *potestas*. Второе — его политическое могущество, основанное на реальном факторе силы: контроль над армией, своеобразные отношения патроната — клиенты, превращавших жителей государства в «личную партию» принцепса,⁴⁸ занятие ключевых постов людьми Августа. Все эти факторы мы рассмотрим далее, а сейчас остановимся на третьем аспекте *auctoritas*, т. е. на морально-политической и идеологической стороне особого статуса Августа.

Август в качестве своей основной заслуги выставлял установление мира (*paх Romапа*), под которым понимал прекращение гражданских войн и внутренних смут и установление и охрану прочных границ. Все «трудные участки» он «курировал» лично, а все то, что было спокойно, отдал на попечение сенату. Август поддерживал религию и старые нр̄авы, подняв их на высокий уровень, контролировал армию и улучшил провинциальное управление, возродил и украсил Рим и Италию. Наконец, именно Август всегда выводил государство из кризиса в критические моменты. Таково было моральное оправдание его принципата, и нет особых оснований сомневаться в том, что значительное большинство населения Рима и Италии разделяло эти убеждения. Августу подчинялись как вследствие признательности за его заслуги, так и потому, что верили в его способность найти выход из любого трудного положения.

Определенную роль в создании этого идеологического ореола сыграли и почетные имена-титулы правителя — император и Август. Тем не менее наиболее удачным обозначением положения Августа был титул *pr̄ncers*, который Август обычно не использовал в официальной документации, но взял себе в качестве расхожего обозначения своего положения. Титул точно отражал положение Августа: в понятии «первый гражданин» выражена общая идея лидерства, которая даже несколько оттесняла его правовую сторону. Август являлся не столько проконсулом, трибуном, консулом и т. д., сколько «первым гражданином в государстве».

С понятием *pr̄ncers* смыкался официальный титул *pr̄ncers senatus*, полученный им в 29 г. (Дион Касс., 52, 42). Этот республиканский титул, обозначающий сенатора, стоящего в списке первым, не давал ничего, кроме престижа и права первым высказывать свое мнение. Формально Август ничего не изменил, но его качество правителя делало принцепса сената его председателем, а тот факт, что принцепс высказывался первым, задавало тон сенатским дискуссиям.

Август подчеркивал еще одну идею — *consensus universorum* (R. g, 34; ср.: Велл. Пат., II, 89; Дион Касс., 53, 8), т. е. то, что

⁴⁸ Timpе D. Untersuchungen... S. 13—15, 122; Premierstein A. von. Vom Werden und Wesen... S. 267.

его положение являлось результатом единодушного согласия и волеизъявления *civitas*. Здесь наличествовал синтез старого и нового: монарх правил, но правил с согласия всех, по общей воле гражданского коллектива.

Другим аспектом, тесно связанным с идеологией, точнее, отражающим другую форму идеологии, являлся религиозный аспект. Август выступал, и как реставратор и глава религии, и как божественное существо. Уже в ходе гражданских войн Октавиан вошел в четыре важнейшие коллегии жрецов: авгуров, понтификов, фециалов и салиев. С 36 г. он реставрировал храмы, а война с Антонием и Клеопатрой была представлена не только как политический конфликт Рима и Востока, но и как борьба римских и восточных богов (Верг. Энеида, VIII, 698). В 29 г. Август получил право назначать жрецов во все коллегии сверх положенного числа. Кроме того, он восстановил еще две коллегии, *Sodales Titii* и Арвальских братьев, в которых он был либо *magister*, либо членом. После смерти принцепс вошел в число богов, которым были посвящены их молитвы. В 28 г. Августу было доверено восстановление всех старых храмов и строительство новых (R. g., 19—21). Наконец, в марте 12 г. после смерти Лепида, занимавшего эту должность, Август стал великим понтификом официально (Там же, 10; Свет. Авг., 31), что делало его главным жрецом Рима.

Кроме того, вокруг Августа создавался культ. Примечательно, что в разных частях империи он принимал различные формы. В восточных провинциях Августу воздавались традиционные божеские почести, восходящие к эллинистическому, а иногда и к более древнему времени. Так, в Египте его, как ранее фараонов и других правителей, именовали сыном Ра, в азиатских провинциях Октавиан занял место эллинистических царей. При этом восточные провинции оказались наиболее восприимчивыми к императорскому культу. Август сочетал свой культ в провинциях с общим культом римского господства, персонифицируя последний в виде богини Ромы. В 27 г. в Пергаме был построен первый храм Роме и Августу; вскоре храмы появились в Никомедии, Милассе и Анкире.⁴⁹ В западных провинциях, где традиций культа правителя практически не было, Рим начал их насаждать. Вероятно, наиболее важным событием явилось освящение Друзом в Лугдуне алтаря Роме и Августу, построенного 60 племенами в Галлии, что означало установление общегалльского культа императора. Аналогичный алтарь существовал между 9 г. до н. э. и 4 г. н. э. в Германии — в *Colonia Ubiorum* (ныне Кельн).

Наиболее сложным был культ Августа в Риме и Италии. Если в восточный культ тяготел к обожествлению правителя, то гре-

⁴⁹ Машкин Н. А. Принципат Августа, с. 564; подробнее об этом см.: Herzog-Hauser E. *Kaiserkult.* — R. E., Suppl., Bd IV, S. 820 ff; САН, vol. X, ch. 15, p. 465—513.

ческий обожествлял личность. Эллинистический культ представлял собой синтез того и другого и в таком варианте перешел в Рим, где контаминировался с римским религиозным пластом. Доминирующим, однако, был последний, и сходство больше носило типологический, чем заимствующий характер.

Грань между богом и человеком в древности была весьма зыбкой в сравнении с более поздним временем, однако даже в условиях своего времени Август имел особую «связь» с миром богов. Светоний сообщает легенду о рождении будущего императора, которая очень напоминает легенду о рождении Александра (Свет. Авг., 94). Даже если эти легенды появились *post factum*, они явно существовали при его принцепате. Гороскоп Августа предсказывал ему власть над миром.⁵⁰ Усыновление включало его в род Юлиев, родоначальниками которого считались Венера, Эней, Ромул, Марс и Квирий; с 1 января 42 г. после обожествления Цезаря он стал сыном официального государственного божества, а с 40 г. начал именовать себя *divi filius*.

Другим направлением деификации было превращение «личных» богов Августа в государственные и деификация некоторых действий правителя. Почитался гений Августа, личное божество, направлявшее его действия, а с 12 г. до н. э. гений Августа фигурировал в тексте присяги между Юпитером Всеблагим Величайшим и Богами Пенатами. В 13 г. н. э. Тиберий освятил алтарь *Numini Augusti*.⁵¹ В 13—12 гг. появились жрецы Августа (*seviri Augustales*, *magistri Augustales* и просто *Augustales*). В 10—13 г. н. э. Тиберий освятил храм *Concordia Augusti*. Наконец, в Италии и в Риме было введено официальное почитание домашних богов императора — Ларов Августа.

Идея о связи Августа с миром богов пронизывала всю литературу и изобразительное искусство времени принцепата. Достаточно назвать два примера: статую из Кум,⁵² изображающую Августа в виде Юпитера с его атрибутами, и поставленный в 13—9 гг. Алтарь Мира (*Aga Pacis*), где принцепс изображен в окружении не только ликторов, семьи, сената и народа, но и Энея, Ромула и Рема и богинь Ромы и Матери-Земли.⁵³ Итак, при жизни статус Августа приближался к статусу божества, но окончательное официальное его обожествление произошло только после смерти императора.

⁵⁰ Об Августе и Александре см.: Kienast D. *Augustus und Alexander*. — *Gymnasium*, 76, 1969, S. 430—456.

⁵¹ САН, vol. X, p. 494—495. *Numen* (этимологически — движение) — безличная сила, по римским религиозным представлениям отделенная от личности ее носителя, но ей принадлежащая. Подробнее об этом см.: Wagenvoort W. *Wesenzuge altrömischer Religion*. — In: ANRW, T. 1, Bd 2, S. 352—353.

⁵² Эта статуя находится в Государственном Эрмитаже в Ленинграде.

⁵³ Машкин Н. А. Принцепат Августа, с. 532.

В заключение этого раздела можно сделать следующие выводы относительно характера власти Августа. Август был носителем высшего империя, главнокомандующим армией и лицом, осуществляющим надзор за провинциальным управлением, а через трибунскую власть мог кассировать решение любого магистрата и сената. Август был как бы главой магистратской коллегии и имел общий надзор за соблюдением законов, государственной безопасностью и общим ходом жизни в государстве, в силу чего освобождался от соблюдения некоторых законов. Наконец, Август был лицом с наивысшей *auctoritas*, самым авторитетным человеком в государстве, религиозным главой Рима и почти божеством.

Власть Августа оказывалась значительно большей не столько в правовой, сколько в неправовой, политической, идеологической и религиозной сферах, продолжая традицию гражданских войн в плане узурпационного элемента в системе принципата.

Вместе с тем все полномочия Августа основывались на республиканской традиции, но, будучи кумулированы и трансформированы, они, сохраняя генетическую связь с республикой, все же создали новое монархическое качество.

3. АВГУСТ И СЕНАТ

Взятая в отрыве власть Августа представляла как абсолютная власть монарха с сильным теократическим элементом. Однако эта власть существовала не изолированно, рядом с ней находились сохранившие свою власть органы гражданской общины, что придавало иное качество и самой власти Августа. Рассмотрев ее саму по себе, проанализируем систему принципата в действии и соотношении с другими органами власти.

Формально народное собрание сохраняло свои полномочия. Оно принимало законы (*leges*), остававшиеся высшей формой законодательного акта, производило выборы должностных лиц и реализовало право провокации. Продолжал существовать сенат со сложной системой прав, превращавших его в реальное правительство во времена Республики. Наконец, почти все магистратуры продолжали функционировать.

Отношения Августа с народным собранием заключались в использовании его императором в своих целях. Это было не столь трудно: слабое, разобщенное, деградировавшее народное собрание легко держали в руках и сенат и диктаторы. В ходе гражданских войн народное собрание не раз оказывало Августу поддержку. Особенно значимой она была в начале его карьеры, в 44 г. В 36—32 гг. Октавиан «завоевал» народное собрание с помощью национальной демагогии; кульминацией этих отношений были присяга 32 г. и возросшие симпатии к Октавиану после Акция. С этого момента, однако, народное собрание стало ненужным новому правителю, хотя в некоторых случаях Окта-

виан и не мог без него обойтись. Через комиции проходили многие законы о власти Августа, например, консульские выборы и продление империя и трибунской власти ему и его наследникам. В народном собрании принимались законы, происходили выборы магистратов. Однако ни разу комиции не проявили оппозиции к Августу; они послушно делали все, что он приказывал.

В чем же заключалась причина такого положения дел? Главным был, разумеется, фактор силы. В руках принцепса находилась армия, однако, и помимо нее, в столице была сконцентрирована сила, достаточная, чтобы подавить практически любое выступление. Их ядром были 9 когорт преторианской гвардии, 3 из которых стояли в Риме, а остальные 6 были разбросаны по Италии. К ним были добавлены еще 3 или 4 городские когорты, а с 6 г. н. э. — когорты вигилов, ведавшие пожарной охраной. Сам Август имел германских телохранителей. Наконец, в Италии стояли два флота — Равеннский и Мизенский. В целом в самом Риме Август имел около 20 тыс. вооруженных людей, а в случае необходимости (которой ни разу не возникло), можно было вызвать флот или легионы из Паннонии, Галлии, Испании или Африки. Примечательно, однако, что даже городским войскам не приходилось подавлять крупных выступлений, и их роль в основном сводилась к борьбе с преступностью. Наконец, по Италии было расселено около 200 тыс. ветеранов Августа.

Вторым фактором был контроль принцепса за материальным обеспечением Рима. С 23 г. Август принял сига аппонае, т. е. надзор за снабжением Рима продовольствием, а 4 месяца в году подвоз хлеба осуществлялся из Египта. В 6 г. н. э. появился префект анноны, взявший под контроль снабжение города. На этот пост был назначен всадник Г. Турраний, пробывший на нем более 40 лет, что показывает его явную компетентность. В 5 г. н. э. число получавших хлеб достигало 320 тыс. человек (R. g., 15), но через 3 года Август сократил его до 200 тыс., что, однако, тоже было немало.

Наконец, принцепс имел политические и идеологические рычаги воздействия. Народ видел в Августе носителя «Римского мира», это была «твердая рука», обеспечивающая порядок. Его политика импонировала национальным чувствам римлян, на массы сильно действовал его культ. Кроме того, коренное население приветствовало политику в отношении либертов. Августу не чужды были и демагогические жесты; он не раз проводил денежные раздачи. Другим средством увеличить популярность среди народных масс были многочисленные гладиаторские бои и прочие зрелища (Там же, 22—23).

Отношения с сенатом являлись серьезной проблемой, тем более что складывались они достаточно непросто. Мы уже упоминали о сложном положении в сенате после смерти Цезаря и отношении сената к Октавиану. Из 900—1000 сенаторов 300 чело-

век были проскрибированы, что демонстрировало силу республиканцев в сенате. Проскрипции и разгром Брута и Кассия ликвидировали республиканскую оппозицию, и сенат состоял из цезарианцев. Говорить о полном его контроле Октавианом тоже не приходится, поскольку немалую часть составляли сторонники других цезарианских лидеров, особенно Антония. Весь период 30-х годов Август пытался создать большинство в сенате, однако перелом произошел только в 32 г., хотя и тогда сторонники Антония чуть было не одержали верх. Партия Антония являлась довольно сильной: 300 сенаторов бежали на восток, а чистка 29 г. показала наличие оппозиционных настроений и после Акция.

Победа над Антонием ликвидировала политическую оппозицию в сенате, однако отношения оставались сложными. Курс на полное подавление сената был невозможен по ряду причин. Прежде всего Август не имел достаточной силы, чтобы это сделать. Сенат был органом знати, и именно она поставляла нужные принцепсу кадры для администрации. Не имея возможности создать свой независимый аппарат, который мог бы управлять государством, правитель нуждался в партнере. Сенат являлся символом старой республики, а установление монархии было возможно только в форме «реставрации» старого. Наконец, даже самые близкие друзья Августа, проникая в сенат, оказывались в двойственном положении: оставаясь функционерами принцепса, они в то же время становились сенаторами, приобретая характерные для них привычки и взгляды. Все это Август должен был учитывать, и реалистический учет ситуации заставлял его проводить гибкую политику.

В юридическом плане сенат и император представляли собой как бы две власти, каждая из которых могла управлять сама по себе. В некотором роде это была диархия, но не в понимании Моммзена, т. е. основанная на сбалансированном отношении двух властей, а положение, когда каждая власть могла быть властью *per se*. Сенат не имел правовой инициативы в том смысле, что не мог собираться сам, но собирать его мог не только принцепс. Сенат также имел свой нормативный акт—*senatus-consultum*; в теории он мог не продлить империй принцепса и даже, как показало время Нерона, низложить его. Учитывая это положение, Август выбрал не конфронтацию с сенатом, а «сотрудничество» с ним.

События 27—23 гг. были не только установлением власти Августа, но и выработки принципов отношений с сенатом, своеобразным «договором» двух сил. В 29 г. до н. э. Октавиан и Агриппа произвели чистку сената, выведя из его состава 190 человек, т. е., видимо, около 1/4. Сам Октавиан стал *princeps senatus*, что отразило его лидерство в сенате (Дион Касс., 52, 42). После этого сенат был готов к диалогу, результатом которого стали преобразования 27 г., когда Август «вернул» власть сена-

ту и народу, а сенат ответил тем же, передав ему «часть» власти. Видимо, с 24 г. сенат постоянно присягал на аста Августа. В дальнейшем именно этот орган давал все привилегии и полномочия ему самому и всем его преемникам от Марцелла до Тиберия. Некоторые из этих привилегий и полномочий утверждались народом, но все они проходили через сенат. Трений не возникло ни разу, так как и в этом важнейшем вопросе сенат был всегда послушен.

В военной области монополия императора была выражена более ярко; почти вся армия находилась под его контролем. К концу правления Августа 24 из 25 легионов стояли в императорских провинциях. Все войска в Италии тоже подчинялись принцепсу. Армия присягала Августу, на знаменах были его изображения, из его средств она финансировалась. Сенатский легион в Африке и проконсул этой провинции тоже находились под контролем Августа.

С другой стороны, сенат также участвовал в деятельности армии. Среднее офицерство и высший генералитет комплектовались из его представителей. Сенаторами и будущими сенаторами были командиры легионных когорт, военные трибуны. Легаты легионов комплектовались из квесториев и преториев, а легаты провинций, командовавшие группировками войск, были преториями и консулярами. Конкретные кандидатуры назначались принцепсом, но он выбирал их из сенаторов, поскольку только они в массе имели опыт военного командования. С другой стороны, способные военачальники, вышедшие не из сенаторов, могли быть награждены по заслугам, только став сенаторами. Получался замкнутый круг.

Дуализм власти был замечен и в провинциальном управлении. После 27 г. Август контролировал 3 галльские (Нарбонская Галлия, Лугдунская Галлия, Бельгика) и 2 испанские (Ближняя Испания, Лузитания) провинции, а также Сирию и Египет. Остальные 13 провинций (Азия, Вифиния-Понт, Македония, Иллирик, Ахайя, Кипр, Крит, Кирена, Бетика, Африка, Нумидия, Сицилия и Сардиния) были сенатскими. К концу правления число императорских провинций увеличилось за счет новых завоеваний. К ним добавились Аквитания, Реция, Норик, Мезия, Паннония, 3 мелкие провинции в Альпах (Приморские Альпы, Пеннинские Альпы и Коттиевы Альпы), Галатия и Иудея. В 11 г. до н. э. император взял себе Иллирик (Дион Касс., 54, 34), однако в 22 г. он отдал Нарбонскую Галлию. Теперь императорских провинций стало больше, но соотношение было примерно равным (17 к 13), а по площади, количеству населения и доходам они были примерно равноценны.

Наместники сенатских провинций, проконсулы и пропреторы назначались сенатом на год, и, строго говоря, империй Августа на них не действовал, поскольку там не было войск. Сами по себе наместники сенатских провинций были сравнительно неза-

висимы от принцепса, но зависели от него как сенаторы. Кроме того, их провинции находились под ударом императорских легионов, а в большинстве из них располагались колонии ветеранов.

Управление императорскими провинциями строилось по иному принципу. Всех наместников назначал император на произвольный срок. В крупные провинции (Галлия, Испания, Иллирик, Галатия, Паннония) посылались легаты преторского, а в Сирию — консульского ранга. Более мелкие провинции (Приморские и Пенинские Альпы, Реция, Норик, Иудея) управлялись прокураторами, а Египет и Коттиевы Альпы, находившиеся на особом статусе, — префектами. Такое сложное положение привело к тому, что проблемы провинциального управления решались принцепсом и сенатом совместно.

При республике контроль над финансами концентрировался в руках сената, который решал, какие суммы давать магистратам, и определял бюджет. Сенат взаимодействовал с должностными лицами. Квесторы охраняли эрарий, а цензоры определяли налоговые ресурсы населения и устанавливали условия для публиканов при сдаче на откуп общественных работ и налогов.

С установлением принципата система несколько изменилась. Контроль над эрарием, видимо, формально оставался под надзором сената, но общая зависимость сената от принцепса и широта его полномочий, видимо, делали главным лицом в управлении финансами именно Августа. По всей вероятности, распоряжаясь финансами, Август время от времени отчитывался перед сенатом (Тац. Анн., I, II), хотя, конечно, отчет носил достаточно фиктивный характер. Собственная казна императора, фиск, еще не сформировалась, но наличие императорских провинций, собственного аппарата и больших материальных ресурсов приводили к тому, что известные средства находились в непосредственном распоряжении Августа. Довольно частые крупные перемещения сумм из эрария в императорскую казну, и наоборот, показывали сильную степень контроля Августа над финансами.

Такая же сложная ситуация создалась и в отношении религии. Ранее мы отмечали сакральные черты в положении Августа и высокую степень его деификации. Вместе с тем *auctoritas* была и у сената, а гений последнего тоже почитался, как государственное божество. Позднее при Тиберии был введен совместный культ сената и принцепса. Обе стороны участвовали и в контроле над религией. Если Август был верховным понтификом, то все его религиозные полномочия давались сенатом. Жреческие коллегии состояли из сенаторов. Выборы проводило народное собрание. С 29 г. Август получил право дополнительно назначать жрецов во все коллегии. Разрешения и запрещения культа могли исходить с обеих сторон, но обычно они согласовывались.

В целом отношения Августа и сената отражали дуализм системы. Реальная сила принцепса была больше, чем реальная сила сената, однако и последнюю не следовало сбрасывать со счетов. Эти отношения оставались отношениями партнерства, в котором Август играл главную, а сенат подчиненную роль. Отношения принцепса и сената были не только отношениями противостояния, но и отношениями сотрудничества. Сам Август являлся не только правителем, но и членом сената, его принцепсом, и, наоборот, большая и наиболее высокопоставленная часть его функционеров были сенаторами. Несмотря на правовую самостоятельность в принятии решений, обе стороны стремились к согласованности позиции. Наконец, если Август получил свои привилегии от сената, то и пребывание в сенате определялось императором.

Поддерживать эту сбалансированную систему было довольно сложно. С одной стороны, принцепс имел в руках военную силу, с другой — Август заигрывал с сенатом. Становилось правилом передавать сенаторство по наследству, а с ликвидацией цензуры сенатский ранг стал пожизненным (разумеется, при условии хороших отношений с принцепсом). При Августе был установлен высокий сенаторский ценз: 800 тыс., а потом 1 млн. 200 тыс. сестерциев, по Светонию (Свет., Авг., 41), и 400 тыс., а затем 1 млн., по Диону Кассию (Дион Касс., 54, 17; 26). Отсев менее состоятельных и социально «неполноценных» должен был вызвать одобрение сенатской верхушки.

Кроме того, Август не только не принизил, но даже поднял престиж сената и сенаторского сословия. Каждый сенатор должен был приносить жертву вином и ладаном на алтарь бога, в храме которого собирался сенат. Отчеты сената перестали обнародоваться (Свет. Авг., 35, 36). Сенаторы получили особые места на зрелищах. Была расширена юрисдикция сената, и, как показывает практика, крупные дела о государственной измене и вымогательствах разбирались в сенате.

Важнейшим прямым средством контроля были *lectiones* — сенаторские цензы. Первый из них состоялся в 28 г. и превратился в настоящую чистку. Второй ценз состоялся в 18 г. Авторы указывают, что Август проводил его в панцире, окруженный друзьями, отличавшимися физической силой, сенаторы подходили по одному после предварительного обыска. Сам Август выбрал 30 человек, каждый из которых должен был выдвинуть еще по 5 человек. Из этих 5 по жребию выбирался 1, и эти 30 новых выборщиков выдвигали еще по 5 человек и т. д. (Там же, 35; Дион Касс., 54, 13—14). Н. А. Машкин предполагает, что такая форма была вызвана неуверенностью Августа во многих сенаторах.⁵⁴ Заметим, что действия принцепса преследовали еще одну цель — согласованность действий принцепса и сенаторов.

⁵⁴ М а ш к и н Н. А. Принципат Августа, с. 435—436.

Спокойный характер трех последующих *lectiones* (8 г. до н. э., 4 г. н. э., 13 г. н. э.) показывает, что цель была достигнута.

Сенатор зависел от принцепса на всех этапах своей карьеры, и если в начале правления старшая часть сенаторства имела какое-то независимое положение и Август был вынужден с этим считаться, то более молодые поколения целиком находились под его контролем. Необходимым условием для того, чтобы попасть в сенат, была служба в армии обычно в качестве трибунов и префектов. Поскольку вся армия являлась императорской, будущий сенатор находился под прямым контролем Августа. Само включение в сенат шло либо по инициативе принцепса, либо через квестуру, т. е. выборы.

Выборы проводились народным собранием, но список кандидатов проверялся принцепсом, который мог вычеркнуть негодное лицо. Кроме того, Август имел *ius commendationis* (Десс., 244), т. е. право рекомендовать народу кандидатов на должности. Их поражение на выборах было практически невероятным, и быть *candidatus Caesaris* считалось особенно престижным и часто подчеркивалось в надписях (напр., Десс., 973). До 8 г. н. э., пока позволяло здоровье, Август сам приходил на комиции как *ipsum ex rostris* и голосовал, тем самым задавая тон выборам. Наконец, в случае, если нежелательный человек все же попал в сенат, Август мог исключить его в ходе ценза.

От императора во многом зависело и продвижение в сенате. Формально оно происходило путем выбора на более высокую должность (трибун, претор, консул) и получения провинции более высокого ранга. О роли Августа на выборах мы уже говорили. Аналогичная зависимость существовала в провинциях. В императорских провинциях получение постов легатов целиком зависело от воли принцепса. В сенатские провинции по закону наместников назначал сенат, но Август, который мог использовать трибунское вето, положение первого сенатора и другие средства давления, был настолько могуществен, что практически назначение наместников в эти провинции мало чем отличалось от положения в императорских провинциях. Кроме того, только попав в последнюю, сенатор получал военное командование.

В плане социальном взаимосвязь принцепса и сената была велика. Республиканский сенат состоял из двух частей: нобилитета, т. е. элиты консулярных семей, и рядового сенаторства — от преториев до рядовых педариев. В последней группе уже при республике было много новых людей, в основном выходцев из всадничества и муниципальной элиты Италии, которые обычно шли за *pobilitas*. Эта традиция продолжала существовать и при Августе, потому отношения с *pobilitas* были для принцепса особенно важными.

В ходе гражданских войн нобилитет раскололся, и к началу войны Цезаря и Помпея конфликт был очень острым. Если большая часть правящего нобилитета поддержала помпеянцев,

то с победой Цезаря в сенат пришло много «аутсайдеров» и «новых людей», пропорция которых возросла в ходе гражданских войн. Многие аристократы стали жертвами проскрипций 44 г. и войны с Брутом и Кассием. Остатки либо сдались триумвирам, либо бежали к Сексту Помпею.

Сближение со знатью началось с Мизенского договора 39 г., когда проскрибированные получили амнистию, а после победы над Помпеем нобилитет оказался у триумвиров. С 32—30 гг. весь римский сенат находился под контролем Августа, а реформы 27, 23 гг. и последующих годов примирили принцепса со старой nobilitas. Постепенно происходила смена поколений, подрастало новое поколение знати, не имевшее опыта гражданской войны и более склонное к компромиссу с принципатом.

Ситуация хорошо прослеживается на примере консульских фаст. Время 49—31 гг. было периодом небывалого притока «новых людей». Если в 298—200 гг. они составляли 20% консулов, в 200—133 гг. — 36%, в 133—81 гг. — 37, 81—50 гг. — 18, то в 49—31 гг. — уже 58%. В эпоху гражданских войн исчезли 23 нобильских рода, давших Риму 155 консульств. Это очень большая цифра, особенно если учесть, что с IV по II в. исчезли 33 рода, давшие 107 консульств, и совершенно ясно, что войны были тяжелым ударом для римской знати. Тем не менее нобилитет их пережил, хотя и потерял монополию на власть. В 44 г., к моменту убийства Цезаря, в римском сенате было, видимо, 20 консуляров, из которых 14 принадлежали к нобилитету, а 6 — к «новым людям».⁵⁵

В ходе гражданских войн 44—31 гг. появилось 39 новых консулов (считая суффектов), 21 из которых принадлежал к *poci*, а 18 — к нобилиам. Ситуация начала меняться с 30 г. Из консульских семей 30 г. до н. э. — 14 г. н. э. — 42 (52%) принадлежали к старой республиканской знати, 12 (15%) — к новой знати, выдвинувшейся в ходе гражданских войн, 27 (33%) — к «новым» людям, многие из которых имели предков-сенаторов. Республиканская знать, считая семью принцепса, занимала 62% консульств (всего — 78).

С другой стороны, из 42 консульских семей республиканской знати, давших консулов при принципате Августа, 13 были в

⁵⁵ Консуляры 44 г.: сам Цезарь, Л. Аврелий Котта, консул 65 г., Л. Юлий Цезарь (64 г.), Г. Антоний Гибрида (63 г.), Гн. Домиций Кальвин (53 г.), М. Валерий Мессала Руф (53 г.), М. Туллий Цицерон (63 г.), Л. Кальпурний Пизон (58 г.), Г. Клавдий Марцелл (50 г.), Сервий Сульпиций Руф (51 г.), Л. Марций Филипп (56 г.), Л. Эмилий Павел (50 г.), Кв. Фуфий Кален и П. Ватиний (47 г.), М. Эмилий Лепид (46 г.), Г. Каниний Ребил (45 г.), М. Антоний и П. Корнелий Долабелла (44 г.). Если считать, что самым старым консуляром был Котта, то оказывается еще 4 консуляра, которые теоретически должны были быть живы, но о деятельности которых мы ничего не знаем (консулы 62 г. Д. Юний Силан и Л. Лициний Мурена и консулы 61 г. М. Пуций Пизон и М. Валерий Мессала Нигер).

близком родстве с семьей императора, Юлиями Цезарями, и фактически именно эти семьи составили династию Юлиев — Клавдиев. Это Валерии Мессалы, Помпеи, Юнии Силаны, Клавдии Марцеллы, Эмилии Лепиды, Домиции Агенобарбы, Ливии Друзы, Клавдии Нероны, Квинктилии Вары, Антонии, Корнелии Суллы, Сульпиции Гальбы. Учитывая недостаток информации о родственных связях знатных семей, можно предположить, что таких родов должно было быть больше.

Общая социальная ситуация носила двойственный характер. Республиканское сенаторство, хотя и было потеснено новым имперским сенаторством, все же сохраняло свои позиции в сенате. Элиту этого сенаторства составила республиканская *pobilitas*, а семья принцепса была не только правящей династией, но и частью этой *pobilitas*. Сложная социальная ситуация вызвала и сложное идеологическое соотношение. Уцелевшие юбилы и сенаторы смирились с единовластием и стремились физически уцелеть, а это было возможно только в условиях рах Романа.

Таким образом, можно прийти к заключению, что принцепс эффективно руководил сенатом и держал его в повиновении, сенаторы приняли условия, навязанные им принцепсом. Они послушно вотировали все полномочия Августа и все его предложения, поэтому и серьезных трудностей в отношениях с сенатом принцепс не испытывал. Вместе с тем управление не могло быть эффективным без того, чтобы принцепс не считался с сенатом и не проводил известную линию компромисса.

В отношениях принцепса с сенатом были и отрицательные моменты. Против Августа было организовано 6 заговоров. Два последних — заговор Юлла Антония во 2 г. до н. э. и заговор Эмилия Лепида и Юлии Младшей, если они действительно имели место, носили, скорее, династический характер. Остаются 4 явных заговора: М. Эмилия Лепида, Варрона Мурены и Фанния Цепиона, Эгнация Руфа, Гельвия Цинны. Первый из них был организован сыном триумвира М. Эмилием Лепидом в 31 г. во время Актийской кампании. Заговор был раскрыт Меценатом, а Лепид захвачен и казнен. В 23 г. Цепион и Мурена организовали новый заговор. Оба были осуждены в сенате и казнены. В 19 г. был раскрыт заговор М. Эгнация Руфа, который еще в 21 г. пытался добиться популярности среди римского плебса и с его помощью стать претором, чему воспрепятствовал Август. В 20 г. Руф получил претуру и хотел стать консулом на 19 г., но встретил сопротивление знати во главе с консулом Г. Сентием Сатурнином. К уехавшему в Галлию Августу было направлено посольство, и принцепс назначил вторым консулом Кв. Лукреция Веспиллона. После этого Эгнаций Руф организовал заговор и был казнен (Апп. Гр. войны, IV, 50; Дион. Касс. 53, 2—4, 8, 10, 24, 53—55, Вел. Пат. 11, 88, 93; Свет. Авг., 19, 66; Тиб. 8). Наконец, где-то между 16 и

10 гг. возник заговор Гельвия Цинны. Август, видимо, чувствовал себя так прочно, что помиловал всех заговорщиков.

Тот факт, что сенаторы не использовали легальных методов борьбы и перешли к заговорам, очень показателен для характеристики монархического элемента системы. Заговоров во времена Августа было немного, их организовывали третьестепенные лица, а участники были немногочисленны. Маловероятно, что заговоры организовывались с целью свержения принцепата; все они были направлены на замену принцепса или вообще являлись актами личной мести без какой-либо определенной программы.

Другим отрицательным следствием отношений между принцепсом и сенатом был рост абсентизма последнего, что заметно по ряду симптомов. Уменьшалась острота предвыборных кампаний, был замечен дефицит кандидатов на низшие должности. Пожалуй, мы не видим открытой борьбы за магистратуры, кроме событий 21—19 гг. Это, конечно, не значит, что борьба отсутствовала, просто борьба за власть перешла в борьбу за посты. Менялись ее формы, усиливалась роль закулисных интриг.

Сенаторы начали терять интерес к посещению сената. В 17 г. Август ввел штрафы за отсутствие на его заседаниях и усилил их в 9 г. до н. э. (Дион Касс. 53, 18, 54—55). Эти факты свидетельствовали о расслоении сенаторов: одни стали имперскими функционерами, другие ушли в частную жизнь. Отношение Августа к сенату было двойственным. Неучастие сенаторов в политике отчасти его устраивало, но, с другой стороны, принцепс нуждался в сенатском аппарате и, кроме того, видел в таких действиях форму протеста. Поэтому Август много говорил об активности сената и даже предпринимал для этого некоторые меры, однако активность сената снижалась.

4. ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ АВГУСТА

Последним этапом анализа деятельности Августа будет обзор его внутренней политики, т. е. деятельности по созданию Империи. Мы не ставим задачу всестороннего анализа внутренней политики принцепса, наша цель — только выявление основной тенденции. В принципе Империя развивалась в сторону преодоления полисных тенденций, но преодолеть их сразу было невозможно. Более того, приход Августа к власти во многом был результатом опоры на эти последние. Монархия выиграла главное — борьбу за политическую власть, но это еще не означало полной трансформации всей жизни государства, и кое в чем принцепату пришлось отступить.

Октавиан победил своих врагов — Брута, Кассия, Секста Помпея и особенно Антония, опираясь на Рим и Италию. Это обстоятельство заставило его опираться на них и далее. Кроме

того, Рим не мог начать эффективного диалога с провинциями, не завершив диалога с Италией, начатого после Союзнической войны.

Ряд мероприятий затронул именно этот центр Римской империи. С 22 г. Август взял на себя прямую ответственность за управление городом, а уже с 26 г. попытался ввести должность градоначальника — *praefectus urbi*, назначив на этот пост своего друга М. Валерия Мессалу. Первая попытка не удалась, поскольку Мессала отказался от должности на шестой день (Тац. *Ann.* VI, 11; Свет. *Aug.*, 37). В 16 г. принцепс повторил попытку, назначив префектом Тиб. Статилия Тавра (Дион Касс., 54, 19). С 13 г. должность занимал Л. Кальпурний Пизон, и к концу правления Августа она стала постоянной.

Рим получил постоянную полицейскую силу в лице преторианцев, городских когорт и вигилов, что должно было улучшить порядок и сделать более эффективной борьбу с пожарами. Деление города на *regiones* и *vici* также упорядочивало управление, а взятие Августом на себя суга апопное смягчило остроту проблемы снабжения. Наконец, принцепс пытался решить еще один вопрос — борьбу с наводнениями. В 6—8 гг. проводилось укрепление берегов Тибра (Десс., 5923, a-d), а в 15 г. н. э. уже при Тиберии была создана постоянная комиссия из сенаторов-консуляров для борьбы с разливами реки.

В Риме времен Августа шло интенсивное строительство, что контрастировало с разрухой времен гражданских войн, когда многие здания и улицы города приходили в упадок и разрушались. Август сообщал, что восстановил 82 храма богов (*R. g.*, 82). Было построено очень много храмов и общественных зданий. Перепланировке подверглись Форум Цезаря и Марсово поле. В 36 г. до н. э. была перестроена Регия, в 28 г. — Мавзолей, в 27 г. — Пантеон. В 19 г. Август достроил начатую Цезарем Базилику Юлия. Восстанавливалась Курия, а в 14 г. — старая Базилика Эмилия. Форум Августа был украшен статуями знаменитых деятелей республики, снабженными надписями, так называемыми элогиями Августовского форума. Возводилось много хозяйственных построек: рынки, зернохранилища, доки, склады; масштабы строительства были велики. Принцепс говорил, что, приняв Рим кирпичным, он оставил его мраморным.

Август многое сделал для решения всех основных проблем города: снабжения, борьбы с преступностью, восстановления храмов и публичных построек. Произошло еще одно принципиальное изменение: деление Рима на *regiones*, увеличение и организация полицейских сил, введение должности префекта города, масштабы строительства наряду с упадком значения полисных органов знаменовали новый процесс — превращение Рима из полиса в столицу Италии и мировой империи.

Италия переживала экономический подъем, вызванный пре-

кращением войны. За исключением Рима, она сама снабжала себя хлебом. Более интенсивной стала винная торговля, усилился экспорт текстильных изделий, золотых и янтарных изделий, драгоценных металлов, терракотовых ламп и деликатесов типа рыбного соуса (*garum*). В целом, однако, несмотря на роль итальянского экспорта, торговый баланс оставался отрицательным. Страбон сообщал, что корабли везли в Италию много, а обратно — мало (Страб. XVII, 793). Италия, и особенно Рим, не стали центром производства в Империи. Столица оставалась по преимуществу центром потребления, и, видимо, в этом был заложен определенный предел для процесса интеграции.

Италия получила гражданство после Союзнической войны, но в полной мере почувствовала это при Августе. По переписи 86—85 гг. в Италии было зарегистрировано 963 тыс. человек. Августовские цензы 28 и 8 гг. до н. э. дали цифры в 4,063 млн. и 4,233 млн. граждан (R. g., 8). Белох и Брюнт полагают, что в цензе Августа учитывались не только совершеннолетние мужчины, как раньше, но и женщины и дети,⁵⁶ однако и в этом случае заметен рост числа граждан (население в 4 с лишним миллиона предполагает наличие 1—1,5 млн. взрослых мужчин), что было вызвано не только приростом населения, но и более верным учетом. К 14 г. н. э. число граждан достигло 4,937 млн. Несмотря на широкое распространение гражданских прав в провинциях, большинство из этого числа составляли италийки; общее гражданство стало важным связующим звеном в этой центральной части Империи.

Так же как и Рим, Италия была разделена на *regiones*, число которых составило 11 (Плин. Естеств. история, III, 46). Грань между римлянами и италийками начала исчезать, из соотношения между полисом и союзниками создавалось новое отношение — страны и столицы. Расширение гражданства вело и к его девальвации, однако Август застал, вероятно, оптимальное состояние, когда полисная гражданственность еще не исчезла, а новая имперская идея только набирала силу. Итальянский нобилитет стал партнером римского, его доля была довольно велика, а сенаторов-провинциалов было еще мало. Вовлечению италийков в политическую жизнь способствовало и расширение возможностей голосовать по месту жительства (Свет. Авг., 46). Если Рим приобретал черты столицы, то Италия раннего принципата — черты унитарного государства.

Серия законов Августа была направлена на сохранение римско-италийского характера гражданства, повышение рождаемости и реставрацию старой италийской идеологии и религии. Можно выделить два основных комплекса законов. Первый — законы против либертов, поскольку отпуск на волю стал, веро-

⁵⁶ Brunt P. Italian manpower, p. 8, 14.

ятно, основным источником притока неиталийского элемента в римское гражданство. Во 2 г. до н. э. по закону Фуфия—Каниния был установлен процент отпуска рабов по завещанию, чего не было при республике, когда хозяин мог отпускать любое число рабов. Нормы отпуска уменьшались в зависимости от величины *familia*. В 4 г. н. э. был принят закон Элия—Сентия, сокращающий отпуск рабов при жизни хозяина.

Второй комплекс законов должен был поднять рождаемость среди римских граждан, т. е. в основном населения Италии. Вероятно, в 18 г. был принят закон Юлия о порядке браков (*lex Iulia de maritandis ordinibus*). Закон разрешал (или скорее облегчал) браки между гражданами (кроме сенаторов) и либертами (Диг., XXIII, 2, 44). Отличие этого закона от предыдущих законов о рабах вызван как невозможностью не осознавать тот факт, что либерты составляли немалую долю граждан, так и стремлением растворить их в массе италийского населения. Все мужчины от 25 до 60 и женщины от 20 до 50 лет были обязаны состоять в браке (Ульп. Эпит., 16, 1). Бездетные и неженатые подвергались правовому ограничению в свободе завещания (Гай. Инстит., II, 141; 144; 150; 286) и платили налог с имущества в размере 1%, а старые девы и бездетные женщины после 50 лет вообще лишались свободы завещания.⁵⁷ Женщина, имевшая трех детей, освобождалась от опеки со стороны мужчины, под которой она состояла всю жизнь (Гай. Инстит., I, 145), а для мужчин фактор состояния в браке и наличия детей учитывался при выборах и назначении на должности (Дион. Касс. 54, 13, 16; Десс. 6089; Диг. IV, 4, 2).

Примерно в это же время был принят *lex Iulia de adulteriis coeiscendis*. Из семейного суда, который обычно разбирал дела о супружеских изменах, последние были переданы в суд государства, причем обвинителем мог выступить не только член семьи, но и любой гражданин старше 25 лет. Если удавалось доказать, что муж обвиненной не выступил с обвинением из материальной выгоды, то он сам подлежал ответственности (Диг. XVIII, 5, 15, 2, 16, 6). Наказание было суровым: осужденная и ее любовник ссылались на острова возле побережья Италии, причем первая теряла $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{3}$ приданного, а последний — $\frac{1}{2}$ собственности (Павел. Сент., II, 2, 14), женщине к тому же запрещалось когда бы то ни было вступать в брак со свободными.

В 9 г. н. э. Август был вынужден несколько смягчить крайне непопулярные законы Юлия, однако общая направленность оставалась прежней. Если закон Юлия не различал безбрачных и бездетных (*orbi*), то теперь последние все же получали право на свободное завещание $\frac{1}{2}$ имущества. По закону Юлия вдовы и разведенные должны были через 1,5 года найти себе

⁵⁷ САН, vol. X, p. 450—451.

мужа — по новому закону срок был увеличен до 2,5 лет. Жена патрона, если она была матерью трех детей, оказывалась в своих отношениях с либертами равноправной с супругом. Либерты, имевшие трех детей, частично освобождались от опеки патрона над их имуществом, а четвертый ребенок давал им свободу завещания (Гай. Инстит., II, 286а, III, 42—44; Ульп. Эпит. 14, 29, 7).

Брачные законы, видимо, повысили рождаемость и укрепили основы семьи, хотя общего подъема общественной морали не было, и Тацит отмечает только рост числа доносов (Тац. Анн., III, 25—28). Рост либертов продолжался, и показательно, что на могильных надписях Италии 40—50%, а в Риме — 75% имен имели неиталийское происхождение.⁵⁸

Не удивительно, что подъем Италии при Августе сопровождался и расцветом культуры. К сожалению, мы не можем остановиться на этом подробнее, но заметим, что культурный расцвет при Августе был прежде всего расцветом италийской культуры. Великие поэты и писатели эпохи Августа были уроженцами Италии. Тит Ливий был родом из Патавии, Овидий — из Сульмона, Вергилий — из района Мантуи, и кажется только Гораций был уроженцем Рима, да и то его отец был либертом. Национальным было и их творчество: Ливий воспринял анналистическую традицию и создал грандиозный свод истории Рима, Вергилий написал произведение, ставшее вершиной римского эпоса, глубокой гражданственностью проникнуты стихи Горация, и даже Овидий писал не только *Ars amatoria*, но и «Фасты». Создавалась некая единая идеология, соединявшая принципат Августа со старой традицией республики и, вместе с тем, провозглашающая начало новой эры.

Новая организация власти и центра потребовала реорганизации главных рычагов управления и удержания покоренных территорий — армии и провинциального управленческого аппарата. Именно здесь Август провел важные преобразования. Отношения Августа и армии были довольно сложными. Армия являлась главной опорой режима. Принцепс мог контролировать управление только потому, что имел в руках вооруженную силу. Однако сводить принципат только к военной диктатуре явно неправомерно. Войска ни разу не использовались для подавления в центре Империи. Кроме того, Август не хотел опираться только на военную силу, и его сложная политика показывала поиски опоры как среди нобилитета, сенаторов и всадничества, так и в широких массах населения. «Римский мир» требовал гражданского стиля правления, а гражданские войны создали в обществе страх перед армией и военной диктатурой, сделав главным требованием к принцепсу не только оборону

⁵⁸ Кнабе Г. С. Римское общество в эпоху ранней Империи. — В кн.: История древнего мира. М., 1982, с. 95.

границ и экспансию, но и ограждение населения от собственных войск (Тап., Анн., I, 46).

В 30 г. произошла массовая демобилизация. Из не менее 50 легионов⁵⁹ он оставил примерно 25, а всего без *auxilia* войска Августа не превышали 28 легионов, т. е. около 150 тыс. человек. Вероятно, Август считал, что этих сил было достаточно для выполнения его внешнеполитических планов, и решил добиться как финансовой экономии, так и политического сдерживания армии. Роспуск армии имел и идеологический смысл, явственно символизируя начало *paх Roma*. Август изменил систему обороны, передвинул легионы к границам. Теперь они стояли в провинциях, что превращало их в гарнизоны, приближало к возможным театрам военных действий. Достигалась и другая цель: легионы держали под ударом провинции и находились вдали от Рима и Италии.

Внешняя политика Августа была очень мобильной, расположение легионов не всегда удается проследить, однако именно в ходе этих войн формировалась новая военная структура. Раньше всего система стабилизировалась на юге и востоке. Центром обороны на востоке была Сирия, в которой стояли 3 легиона. В Египте, где в начале правления велись военные действия, до 23 г. находились 3 легиона, но затем 1 из них (двенадцатый) был переведен в Сирию. Один легион стоял в Африке.

Главные силы армии действовали на северной границе. К началу принципата можно выделить три основные группировки: испанскую, галльскую и балканскую. В Испании стояли 5 или 6 легионов. Именно с этими силами в 25—19 гг. Август завоевал северную часть полуострова — Кантабрию и Астурию. После этого войны в Испании прекратились. На Рейне до кризиса 6—9 гг. н. э. находились 5—6 легионов. Третья, дунайская армия, состояла из 2 группировок: 5 легионов в Иллирике и 3 в Македонии.

В 16—15 гг. части рейнской и дунайской армий покорили Рецию, Винделликию и Норик, находившиеся в верховьях Дуная. Еще раньше, в 30—28 гг., македонская армия М. Лициния Красса разгромила мезов, бастарнов и гетов. Римляне вышли к Дунаю и в нижнем течении, образовав провинцию Мезию. В 13—12 гг. Друз несколько раз перешел Рейн, подчинив район между Рейном и Эльбой, населенный германскими племенами, а Тиберий покорил Паннонию. После этого 3 легиона перешли в зарейнскую Германию, а несколько легионов Иллирика заняли Паннонию.

В 4—5 гг. н. э. Тиберий подавил восстание в Германии и

⁵⁹ По мнению Н. А. Машкина, Август имел 50 легионов (Машкин Н. А. Принципат Августа, с. 507). Х. Бернарио указывает, что их было 60 (Bernario H. Augustus princeps. — In: ANRW, T. 2, Bd 1, S. 74). Другие исследователи полагают, что в 31 г. могло быть и 75 легионов.

запланировал крупную завоевательную кампанию, направленную на окончательное покорение варварского мира. Армии Рейна и Паннонии должны были совместным ударом разгромить царство маркоманнов, организованное Марободом. План был сорван из-за Паннонского восстания 6—9 гг. н. э., на подавление которого пришлось бросить 10 легионов, 80 вспомогательных отрядов, 10 тыс. ветеранов и массу добровольцев. Потери в Паннонии были велики, Августу пришлось принимать экстренные меры, и только к 9 г. н. э. Тиберий подавил восстание.

Восстание в Германии и битва в Тевтобургском лесу (9 г. н. э.) привели к гибели 3 легионов в Германии и необходимости значительно усилить рейнскую границу. Сюда пришли 2 легиона из Испании (2-й и 5-й Жаворонка), 2 из Винделики (13-й и 21-й), и 1 из Иллирика (20-й). В дополнение к ним был сформирован новый, первый легион, а еще 2 уже находились на Рейне. В 20—23 гг. н. э. 3 легиона стояли в Испании, 8 — на Рейне (4 — в Верхней и 4 — в Нижней Германии), 8 — в дунайских районах (3 — в Паннонии, 3 — в Иллирике и 2 — в Мезии и Македонии), 4 — в Сирии, 2 — в Египте и 1 — в Африке).

Такая военная и внешнеполитическая ситуация требовала наличия профессиональной армии, и именно Август завершил процесс ее формирования. С 13 г. до н. э. срок службы достиг 16 лет, а в 5 г. до н. э. он был увеличен до 20. После окончания действительной службы легионеры некоторое время служили в резерве (*sub vexillum*) и привлекались только в случае войны. Легионы, когорты и алы получили постоянную нумерацию и значки, а каждый легион имел постоянного орла, утрата которого означала расформирование части. Дисциплина становится более жесткой. Наконец, лишившись права вступать в легальный брак во время службы, солдаты окончательно отделялись от гражданского коллектива; и рядовой состав, и центурионы стали превращаться в профессионалов.

Август сообщил, что при нем вышли в отставку около 300 тыс. ветеранов, которые были размещены в 28 городах Италии, Африки, Сицилии, Македонии, Испании, Греции, Азии, Нарбонской Галлии, Сицилии, Писидии (R. g., 3). Ветеран получал участок земли или деньги для его покупки, и, таким образом, практика времени гражданских войн была узаконена.

Легионы состояли из римских граждан, но среди солдат было немало граждан провинциального происхождения. К сожалению, статистика здесь невелика и относится ко всему времени Юлиев—Клавдиев, но она в значительной степени отражает положение и показывает, что из 333 солдат, чье происхождение можно определить, только 177 были италиками, а остальные 156 происходили из провинций (46 галлов, 10 испанцев, 37 выходцев из балканских провинций, 13 германцев, 49 вы-

ходцев из восточных провинций и 1 африканец). При Августе пропорция италиков, видимо, была несколько больше, но доля провинциалов была довольно значительна.⁶⁰

Кроме того, значительную часть армии составляли так называемые вспомогательные войска (*auxilia*), не входившие в состав легионов. Имея великолепную тяжелую пехоту, римляне всегда были слабы в кавалерии и легкой пехоте и компенсировали это за счет провинциалов и вассальных царств. Вспомогательные войска насчитывали около 150 тыс. человек.⁶¹ Большинство солдат *auxilia* не были гражданами и получали гражданство только после службы. Кроме того, в критические моменты набирались так называемые *tumultuariae catervae*, представлявшие собой ополчения провинций.

Городские войска тоже были неоднородны. Если преторианцы набирались исключительно из италиков, а в городских когортах они составляли большинство, то когорты вигилов состояли из либертов и неграждан, которые получали гражданство после службы. Наконец, император имел германских телохранителей.

Флот играл огромную роль в ходе гражданских войн; обе последние кампании против Секста Помпея и Антония были выиграны на море. После войны, однако, надобность в военном флоте резко упала, поскольку крупных морских войн не было. Тем не менее для безопасности торговли осталось 3 эскадры, 2 стояли в Италии (в Мизене и Равенне), а 3-я в Александрии. Более мелкие отряды флота находились в Селевкии, в Причерноморье, а во время крупных кампаний на Рейне и Дунае войска строили транспортные корабли. Весь флот был императорским. Среди рядового и командного состава было много либертов, гребцами могли быть и рабы.

Август опирался на армию, которую стремился превратить в безусловное орудие политики, находящееся под полным контролем правителя. Во многом он этого достиг, и за все время принципата не было ни одного восстания солдат, хотя сразу же начавшийся после его смерти бунт в германской и паннонской армиях продемонстрировал наличие недовольства в солдатской массе. Успешная внешняя политика показывала боеспособность войска, а расположение обеспечивало контроль над провинциями.

По составу армии можно судить о возросшей роли провинций. Костяк армии составляли жители Италии, но вспомогательные войска и флот состояли из провинциалов; немалая часть легионов тоже была неиталийской. Вовлечение провинциалов в армию оказалось весьма значительным.

Вероятно, при Августе армия была одним из основных ин-

⁶⁰ *Legiones*.— RE, Bd 12. Stuttgart, 1925, S. 1379.

⁶¹ САН, vol. X, p. 228—229.

струментов романизации. Солдаты-провинциалы становились римскими гражданами, а кроме того, эта прослойка увеличивалась за счет поселенных в провинции ветеранов. Ветеранские колонии часто служили очагами романизации. В войсках был в ходу латинский язык, и распространение гражданства сопровождалось латинизацией. Армия начала приобретать черты профессионального войска. Монархический элемент здесь доминировал.

Принцепс главным образом использовал уже существовавший сенатский аппарат, однако наряду с ним формировался личный внесенатский аппарат императора. В нем состояли главным образом либерты и всадники, хотя известную роль играли и сенаторы. Основу этого аппарата составляли префекты и прокураторы. Кроме сенатора-префекта города, в верхушку императорского чиновничества входили 4 префекта-всадника (префект Египта, префект претория, префект анноны и префект вигилов). С 22 г. была введена должность префектов для раздачи хлеба (*praefecti frumenti dandi*), которых было вначале 2, а затем — 4. Префекты управляли некоторыми другими провинциями, например Коттийскими Альпами. Наконец, немалое число префектов более низшего ранга выполняли мелкие функции в гражданской власти или командовали когортами и алами в армии.

Другой категорией императорских служащих являлись прокураторы. Первоначально это были личные слуги принцепса, однако постепенно, в силу огромной его власти, а также тесного переплетения личных дел Августа с государственными, они реально превратились в государственных чиновников.⁶² Прокураторы имели различные функции: существовали прокураторы-наместники провинций (Реция, Норик, Иудея), прокураторы фиска, защищавшие интересы императорской казны, более мелкие прокураторы, управлявшие имуществом императора. В своей основе прокураторы — это императорские чиновники, получившие потом и административную власть для выполнения своих функций.

Императорский аппарат был в известной степени противопоставлен сенатскому и отделен от него. Определенную роль играло сословное различие, поскольку императорские чиновники в значительной степени формировались из всадников и либертов. Разумеется, этот фактор не следует преувеличивать, однако немалую часть нового аппарата составляли сенаторы (легаты, кураторы, некоторые префекты). Возможно, более принципиальное различие было в характере организации, поскольку в отличие от принципа старших и младших в сенате, во внесенатской системе господствует принцип «начальник —

⁶² О статусе прокураторов см.: Horowitz Ph. *Essai sur les procurateurs gouverneurs.* — RBPh, 1938, p. 53—62; Besnier R. *Les procurateurs provinciaux pendant le règne de Claude.* — RBPh, 1950, p. 439—459.

подчиненный», чего не было при республике. В принципе внесенатский аппарат должен был постепенно вытеснить сенаторов, однако эволюция шла в несколько ином направлении. Оба аппарата были тесно связаны, и постепенно оба они должны были превратиться в специфический вариант бюрократии.

Общей тенденцией эпохи гражданских войн и раннего принципата было повышение роли провинций, что вело к ломке полисной республики. Если Цезарь явно форсировал создание единой Средиземноморской империи, то Август замедлил и даже в чем-то приостановил этот процесс, хотя общая тенденция развивалась. Это замедление во многом было результатом италийской и консервативной ориентации его политики, однако определенные новые тенденции имели место. Так, в Сицилии из 68 *civitates* статус римского гражданства имели 15, а в Бетике из 175 городов статус муниципия или латинское право имели более 50.

Общий провинциальный курс претерпел изменения. Главным все же остался фактор силы, когда большинство провинций находилось под ударом легионов, а там, где войск не было, располагались колонии ветеранов (по *Res gestae* Август вывел в заморские колонии 100 тыс. солдат). Одновременно усилилась роль других факторов. Установление мира вызвало оживление в экономике, и хотя внутренние рынки всегда были сильнее межрегиональных, последние стали весьма оживленными. Отмена откупа и упорядочение администрации привели к улучшению положения провинциалов, а римские власти перестали видеть в провинциях только объект для эксплуатации, сознавая, что для процветания Италии нельзя безнаказанно разорять экономику провинций. Важным фактором романизации было и увеличение на периферии числа римских граждан (особенно местного происхождения).

Все это можно видеть на примере отдельных провинций, каждая из которых имела как общие, так и частные проблемы в ходе своего развития в системе Империи. Галлия была разделена Августом на 4 части. Наиболее цивилизованная из них — Нарбонская Галлия — принадлежала сенату, а остальные — Аквитания, Лугдунская Галлия и Бельгика — императору. После войн Цезаря с 50 г. на территории Галлии не было войн, а кампании в Германии обезопасили большую ее часть. Цезарь установил сравнительно небольшой налог, дав ей «отдохнуть» от разграбления во время галльских войн. В этих условиях контакт между достаточно развитой цивилизацией Галлии и более передовой римской цивилизацией стал очень плодотворным. Обилие сельскохозяйственных продуктов, сырья и драгоценных металлов привели благодаря воздействию римлян к экономическому подъему, и уровень развития Галлии оказался едва ли не оптимальным для успешного сотрудничества с Римом. Географически Галлия была расположена в непосред-

венной близости от Италии, а с другой стороны граничила с угрожающей линией Рейна. Это положение, количество населения и уровень экономики сделали Галлию особо важной для империи и вызвали интенсивное строительство дорог и особую заинтересованность в ее романизации. Август вывел в Нарбонскую Галлию около 12 колоний, а вскоре галльские провинции стали первыми партнерами Италии. В этом развитии заключалась и опасность; подъем вызвал и рост национального самосознания, идущего вразрез с имперской политикой.

Испания имела более длительную историю римского владычества, однако ее окончательное завоевание произошло при Августе в ходе кантабрийской войны 25—19 гг. После нее Испания надолго стала мирной провинцией, тем более, что со всех сторон ее прикрывали владения Империи. Испания делилась на 3 провинции: Ближняя Испания, Лузитания и Бетика. Две первые управлялись императором, а Бетика с 27 г. принадлежала сенату. Развитие Пиренейского полуострова было неравномерным. Особенно глубоко римская цивилизация проникла в Бетику. Здесь была наиболее интенсивная урбанизация и романизация. На составляющую $\frac{1}{6}$ территории полуострова Бетику приходилось 175 из 400 городов Испании и $\frac{1}{3}$ всех найденных латинских надписей.⁶³ Вероятно, во времена Августа латынь практически вытеснила здесь местные языки.⁶⁴ Бетика была особенно богата сельскохозяйственными продуктами (пшеницей, виноградом, овощами, мясными продуктами, оливками). К Бетике примыкали равнинная и прибрежная часть Лузитании и Тарраконской Испании, где цивилизация тоже была достаточно высокой. Уровень цивилизации и романизации снижался к северо-западу в глубоких горных районах араваков, ваккеев и кельтиберов. Наименее развитым был вновь завоеванный район кантабров, где, по Страбону, не было даже зерновых, а жители ели хлеб из желудей (Страб. III, 155—156).

Римляне были заинтересованы в Испании не меньше, чем в Галлии; главная причина заключалась в ее особом богатстве металлами. Золото добывалось в Бетике и Лузитании, но главным центром стала Астурия, где добывали 20 тыс. фунтов золота в год (Плин. Естеств. история, XXXIII, 78). Центром добычи серебра были районы Бетики и Тарраконской Испании, месторождения меди разрабатывались практически повсеместно, а железо концентрировалось в Кельтиберии. По всей вероятности, Испания была главным центром добычи руд и металлов в Империи. Наряду с галлами испанцы стали превращаться в нового партнера Италии.

Африка была сильно опустошена в ходе кампании 46 г.,

⁶³ Schulten A. Hispania. — RE, Bd 8. Stuttgart, 1913, S. 2044—2046.

⁶⁴ García-y-Bellido. Die Latinisierung Hispaniens. — In: ANRW, T. 1, Bd 1, S. 470—471.

после которой мероприятия Цезаря обеспечили ей мирное развитие и экономический подъем. На юге был создан буфер в виде бывшего Нумидийского царства, где стоял легион. В экономическом отношении Африка специализировалась на сельском хозяйстве, чему способствовало особое плодородие страны. Рим сознательно поддерживал эту структуру, тем более, что в течение 8 месяцев население столицы существовало за счет африканского хлеба (Иос. Флавий, Иуд. война, II, 386). Африка была старой провинцией, ее организовали еще в 146 г., и, видимо, поэтому она стала сенатской. Отношение к Африке было несколько иным, чем к Галлии и Испании. Рим был заинтересован в аграрном развитии провинции, в Африке существовало 19 колоний,⁶⁵ но вместе с тем местное финикийско-берберийское население было чуждо италикам, и, несмотря на увеличение гражданской прослойки, граждан местного происхождения было немного. Как и в других областях опорой римлян становятся города.

Важным успехом Августа было завоевание альпийских районов. В 25 г. М. Терренций Варрон уничтожил племена салласов, в 17 г. Силий Нерва вышел к озеру Гарда, а в 15 г. Тиберий и Друз захватили Рецию, Винделликию и Норик — равнины, выходящие к Дунаю. Реция и Норик стали императорскими провинциями, возглавляемыми прокураторами, Альпы были разделены на 3 района — Приморские Альпы, Коттийские Альпы и Пеннинские Альпы. Первые стали провинцией, возглавлявшейся префектом, последние, видимо, были присоединены к Реции. Во главе Коттийских Альп стоял местный царек Коттий, получивший статус префекта. (Десс., 94). Уже при Августе эта область получила латинское право (Плин. Естеств. история, VII, 135). В целом, это были отсталые и малонаселенные районы, имевшие в основном стратегическое значение, но в силу этого романизация началась довольно быстро. Наибольшее экономическое значение имел Норик, где было найдено много железа.

Август значительно расширил балканские владения Рима. Целью экспансии являлось обеспечение безопасности Италии и Македонии и прочной сухопутной связи между Римом и его греко-македонскими и азиатскими владениями. Наступление велось с двух сторон — из Иллирика и из Македонии. Уже в 34—33 г. Октавиан расширил владения Рима в Далмации, а в ходе кампании 30—27 гг. наместник Македонии М. Лициний Красс подчинил Мезию и вышел к низовьям Дуная. Фракция вскоре оказалась на положении римского вассала. В 13—8 гг. до н. э. римляне завоевали Паннонию. Подавление восстания в 6—9 гг. н. э. фактически явилось вторым завоеванием этой области. Мезия и Паннония стали провинциями, возглавлявшимися ле-

⁶⁵ Машкин Н. А. Принципат Августа, с. 474.

гатами в ранге пропретора. 5 легионов стояли вдоль линии Дуная (3—в Паннонии и 2—в Мезии), а еще 3 прикрывали их тыл в Иллирике. Новые провинции были довольно бедны, и романизация в них только начиналась. Стратегическое значение стимулировало развитие сети дорог, а главным проводником римского влияния служила армия.

Македония и Греция были сильно опустошены в ходе гражданских войн. Македония, и, вероятно, основанная Августом провинция Ахайя,⁶⁶ передавались сенату. Многие греческие города (Афины, Спарта, Самос) имели статус «свободных общин». Если римляни интересовала греческая культура, то политическая романизация Греции их интересовала меньше. Прослойка римских граждан местного происхождения была невелика, а проникновение греков в высшую элиту Империи еще не началось. То, что экономическое положение было не блестящим, показывает факт, что при Тиберии сенат надолго передал провинции императору именно по финансовым соображениям.

Политика Августа в восточных провинциях носила несколько иной характер. Как и Греция, это были районы с древними культурными традициями, которые во многом мешали глубокой романизации, и если в западных провинциях латынь и римский образ жизни прочно проникали в повседневный быт населения, то на востоке греческий и даже некоторые местные языки успешно конкурировали с латинским, а образ жизни был ближе к старым традициям, чем к новому римскому стилю.

Все это обусловило общую линию политики Августа на востоке. С одной стороны, он понимал экономическое значение провинций и стремился укрепить границы и стимулировать их развитие, а с другой—в его политике было явно заметно политическое сдерживание востока, выразившееся в том, что власти старались не особенно допускать жителей этих районов в римское гражданство. Массового дарования гражданства не было; принципс предпочитал давать статус «свободных общин». Некоторое количество провинциалов получало гражданство через армию, особенно через сирийские и египетские легионы и их *auxilia*, однако их было меньше, чем уроженцев запада. В целом политику Августа в азиатских владениях Рима можно считать, скорее, модифицированным и смягченным вариантом политики республики, чем каким-то качественным поворотом.

Важным успехом Августа была стабилизация парфянской границы. В 50—30-е годы I в. до н. э. обе стороны пытались решить свои противоречия путем военного разгрома противника. Новая политика началась со времен Августа. В 30—29 гг. он заключил договор с парфянами. Между двумя державами установилась стабильная граница по Евфрату. Основным пунктом конфликта стала Армения. В 22—20 гг. Август добился

⁶⁶ Жебелев С. А. 'Αχαΐα. В области древностей провинции Ахайи. СПб., 1903.

удачного мира на востоке. Парфянский царь вернул пленных и знамена, взятые во время войн, а Тиберий короновал в Армении Тиграна. За время правления Тиграна III (20 — ок. 8 г. до н. э.) и Тиграна IV (8 г. до н. э. — 6 г. н. э.) в Армении доминировало римское влияние, но после смерти Тиграна IV она попала под влияние парфян.

Политическая картина в Малой Азии была довольно сложной и отражала традиционную историко-географическую ситуацию. Самые богатые области бывшего Пергама были преобразованы в провинции Азия еще в 132 г. до н. э. Эту провинцию Август передал сенату. Второй сенатской провинцией являлась организованная Помпеем Вифиния-Понт. Кроме того, в южной части находилась принадлежавшая Риму с середины I в. до н. э. провинция Киликия. Центральные и восточные районы, более отсталые и менее романизированные, были заняты вассальными царствами: Галатия, Каппадокия, Малая Армения, Понт, Пафлагония. Это были исторически сложившиеся регионы, и Август предпочитал сохранить вассальные царства как предварительную стадию римского проникновения. Тем не менее в 24 г. он аннексировал Галатию, а в 6 г. до н. э. — Пафлагонию, которые стали императорскими провинциями.

В период принципата Августа азиатские провинции, особенно Азия, переживали интенсивный подъем, вызванный как мирной политикой и оживлением торговли, так и отменой откупной системы и улучшением административного управления. Показателем экономического подъема являлись интенсивный и разнообразный экспорт как сельскохозяйственных продуктов, так и ремесленных изделий и драгоценных металлов. Положение здесь было спокойным, если не считать эпизодических волнений в некоторых городах и на горной периферии.

Аналогичное экономическое оживление было заметно и в Сирии,⁶⁷ которая по богатству конкурировала с Египтом. На развитии этой провинции особенно благоприятно сказались такие факторы, как установление стабильной границы с Парфией, конец гражданских войн, развитие торговли и освобождение нескольких финикийских городов.

Специфика Сирии заключалась в том, что она являлась ключевым пунктом римской обороны на востоке. Провинция была императорской, в ней стояли 4 легиона. Как Малая Азия, так и Сирия⁶⁸ имели небольшую прослойку рим-

⁶⁷ Подробнее об этом см.: Шифман И. Ш. Сирийское общество эпохи принципата. М., 1977.

⁶⁸ В списке, приведенном И. Ш. Шифманом, имеются 106 римских граждан, живущих в Сирии (Шифман И. Ш. Сирийское общество эпохи принципата, с. 173—179). Если ко II в. относится 35, а к III в. — 12, то к I в. только 5. Время жизни остальных 48 человек точно неизвестно, но, скорее всего, пропорция будет примерно такая же. Из 106 человек самую большую группу составляют ветераны (66 человек). Из 5 римских граждан I в. 2 — явно высокопоставленная местная знать, относительно еще 3 неясно.

ских граждан местного происхождения, а сенаторы и всадники из этих провинций в большом количестве появились только во II в. Оба района сохраняли положение завоеванной страны, хотя гнет стал менее тяжелым.

Египет был приобретением Октавиана. Он стал императорской провинцией под управлением префекта Египта. Новая территория сразу же приобрела огромное значение как в силу своего гигантского населения (около 8 млн.)⁶⁹ и богатства сельскохозяйственными продуктами и развитым ремеслом, так и в силу изоляции и недавней враждебности к Риму. Задачи римской администрации в Египте были теми же, что и у всех его прежних правителей: поддержание своего господства и единства страны, развитие экономики и ирригационной системы, защита от нападений извне.⁷⁰ Последнее было сравнительно нетрудным. В 30—28 гг. первый префект Египта Корнелий Галл подавил два местных восстания, после чего положение внутри страны стабилизировалось. Начиная с 525 г. до н. э. Египет управлялся иноземными правителями, которые при этом не пускали глубоких корней, и для масс местного населения замена Птолемеев римлянами не имела принципиального значения, что, видимо, и стало причиной сравнительно легкого закрепления римлян в стране. Кроме того, уже с 60-х годов I в. римляне активно проникали в Египет, и население в целом привыкло к их контролю.

Зимой 21—20 гг. был заключен мир с эфиопами, и Додекамоний стал буфером между Эфиопией и римским Египтом. До III в. Египет находился в состоянии военной безопасности. Гарнизон состоял из 3 (с 23 г. — 2) легионов и вспомогательных сил. (9 когорт и 3 ал), а в Александрии находился флот. Около половины войск стояло в дельте, а другая часть — в Верхнем Египте у границы.

Римское господство в Египте было достаточно прочным, его главной опорой являлись военная сила и бюрократия. В ряде аспектов оно дублировало птолемеевскую систему, но если для Птолемеев Египет был центром державы, то Рим видел в нем только аграрного поставщика, которого необходимо держать под контролем.

Политика Августа в Египте еще в большей степени выражала те же тенденции, что и в Сирии и Малой Азии. Романизация египтян не проводилась, и ни о каком сотрудничестве Италии и Египта не могло быть и речи. Тем не менее управление Египтом интересно в том плане, что организация целиком была императорской, и управление Египтом, лишенное элементов дуализма, стало прообразом организации Римского государства III—IV вв. Именно здесь опиравшаяся на местные

⁶⁹ Для сравнения заметим, что население Италии (считая рабов), видимо, не превышало 5—6 млн.

⁷⁰ Подробнее об устройстве Египта см.: САН, vol. X, ch. 10, p. 284—315.

традиции и лишенная ограничений со стороны полисной традиции, которой не было ни в римском управлении, ни в местной египетской структуре, монархическая организация выступила в наиболее чистом виде.

В целом провинциальная политика Августа была достаточно сбалансированной. Главными причинами ее эффективности являлись удачное размещение войск и укрепление границ, улучшение администрации и экономический подъем, вызванный установлением внешнего и внутреннего мира. Август замедлил темпы романизации, взятые Цезарем, но процесс продолжался, начинаясь с Галлии и Испании и пока не охватывая восточные области. Супрематия Италии сохранялась очень долго, а при Августе она была в самом расцвете. Многие провинции имели хорошие перспективы развития.

Политика Августа вызывала и недовольства, притом двоякого рода. Новые провинции и вассалы (Нумидия, Мавритания, Фракия и особенно Иудея) продолжали отстаивать независимость и противиться романизации. Некоторые большие старые романизированные провинции, напротив, стремились не только к независимости, но и к повышению своего значения в рамках Империи, что характерно, например, для Галлии.

Религиозная политика Августа также характеризовалась различными тенденциями. В принципе религиозная пестрота римской державы сохранялась, и, как и ранее, Рим мирился с религиозным плюрализмом. Для Августа характерным было поддержание религии вообще, что подчеркивало *pietas* его самого и всего римского порядка.

В 28 г. сенат поручил Августу восстановление всех храмов, о размахе его деятельности свидетельствуют «Деяния», где принципс указывал, что восстановил 82 культовые постройки (R. g., 19). Многие из них были реставрированы его друзьями и другими видными деятелями эпохи. В числе восстановленных храмов были храмы Великой матери (рест. в 3 г. до н. э.), Юпитера Феретра (31 г.), Юлиева и Эмилиева Базилики, храм Согласия. Еще в 43 г. Мунатий Планк отстроил храм Сатурна, а в 32 г. консул Гай Сосий — храм Аполлона, в 6 г. Тиберий построил храм Кастора. Кроме того, принципс и его сподвижники строили много новых: храмы Божественного Юлия, *Iupiter Tonans*, Аполлона, Марса Мстителя, алтарь *Numini Augusti*, знаменитая Ага *Pacis*, новый храм Весты (12 г. до н. э.), сакрарий в честь Гая и Луция Цезарей. В 34 г. Доминиций Агенобарб построил храм Нептуна, а в 27 г. Агриппа посвятил Марсу и Венере построенный им Пантеон.

Восстанавливались и строились заново алтари. Многие из них были связаны с культом Ларов (ватиканский алтарь, алтарь в Уффици, алтарь в Палаццо Консерваторов). Воздвигались они и в провинциях; алтарь *Gens Augusta* в Карфагене, знаменитый алтарь Августа в Лугдуне, освященный Друзом,

и др. Характерно особое внимание к культам главных богов Рима: Юпитеру, Венере, Марсу и героям-основателям — Энее и Ромулу, а также личным покровителям Августа — Ларам и Аполлону. Все эти боги были тесно связаны с родом Юлиев, как его прародители, и в религиозной политике принцепса четко видна контаминация главных божеств Рима, основателей города и культа императора.

В религиозную реставрацию Августа входило и восстановление древних коллегий. В 29 г. принцепс восстановил две почти забытые коллегии: *Sodales Titii* и Арвальских братьев, а в 11 г. до н. э. был назначен фламин Юпитера. Август увеличил привилегии жрицам Весты и поднял значение культа Лавров. В 17 г. были устроены секулярные игры.

Общей тенденцией религиозной жизни Империи было распространение религиозного синкретизма, веротерпимость и религиозный плюрализм. Единственным и главным цементирующим фактором был культ императора, часто соединенный с культом богини Роны. Вместе с тем Август опирался на традицию Рима и Италии, возвышая традиционные культы, и так же, как и во всем остальном, новые имперские тенденции сочетались со старыми.

В заключение остановимся на общей характеристике Августа и итоге его деятельности. При характеристике основателя принципата главным является его политическая деятельность, и личность мало выходит за пределы политического портрета. Светоний пишет, что с виду Август «был красив и в любом возрасте сохранял привлекательность... Лицо его было спокойным и ясным, говорил ли он или молчал... Глаза у него были светлые и блестящие; он любил, чтобы в них чудилась некая божественная сила, и бывал доволен, когда под его пристальным взглядом собеседник опускал глаза, словно от сияния солнца... Зубы у него были редкие, мелкие, неровные, волосы — рыжеватые и чуть выющиеся, брови — сросшиеся, уши — небольшие, нос — с горбинкой и заостренный, цвет кожи — между смуглым и белым. Росту он был невысокого... пять футов и три четверти (1 м 70 см), но это скрывалось соразмерным и стройным сложением и было заметно лишь рядом с более рослыми людьми». Принцепс слегка прихрамывал на левую ногу, здоровье его было слабым, он плохо переносил жару и холод, часто испытывал недомогания, а несколько раз болел так тяжело, что стоял вопрос о его жизни и смерти (Свет. Авг., 79, 80). Тем не менее он неплохо знал свой организм и тщательно следил за здоровьем, что обеспечило ему долгую жизнь. Август был скромен в быту и никогда не окружал себя роскошью, будучи одним из тех правителей, которые стремились к власти ради возможности повелевать и управлять.

Вероятно, определяющими чертами Августа-политика были рационализм, прагматизм и осторожность. Это заметно не толь-

ко в крупных политических мероприятиях, но и в мелочах. Принцепс, как правило, не выступал без подготовки, а зачастую говорил по заранее написанному тексту, что шло вразрез с античной традицией красноречия (Там же, 84), а в изучении древних авторов «больше всего искал... советов и примеров, полезных в общественной и частной жизни» (Там же, 89). Существует весьма похожий на правду анекдот, что даже разговоры с Ливией он часто вел по заранее подготовленному конспекту, «чтобы не сказать по ошибке слишком мало или слишком много» (Там же, 84). Даже самые сильные эмоциональные порывы и сильное честолюбие контролировались рассудком. В отличие от большинства деятелей республики первый принцепс не был ни крупным полководцем, ни крупным оратором и в военных вопросах всегда зависел от других, особенно от Агриппы и Тиберия. В наибольшей степени он проявил свои таланты в гражданском управлении.

Принципат Августа явился переломным этапом борьбы территориальной монархии и полисно-республиканской системы. Монархия победила, но не полностью. Результатом стал компромисс: сочетание традиции и новации как в отношениях между монархической властью и республиканскими органами, так и в отношениях между центром и периферией.

ИМПЕРАТОРСКАЯ ВЛАСТЬ И РИМСКОЕ ОБЩЕСТВО

1. ПРИНЦИПАТ ТИБЕРИЯ

Преемником Августа стал его пасынок Тиберий Клавдий Нерон. В 4 г. н. э. после смерти Гая Цезаря он получил трибунскую власть на 10-летний срок, а затем был усыновлен Августом, и в свою очередь должен был усыновить Германика, сына своего брата Друза. С 4 по 12 г. Тиберий воевал в Паннонии и Германии, в 13 г. его трибунская власть была продлена, а затем по консульскому закону Тиберий получил *imperiū maius* над провинциями (Дион Касс., 55, 13; Велл. Пат. II, 103; Свет. Тиб., 15, 16, 21, Калиг I). Таково было его положение к моменту смерти Августа.

Античная традиция знает две оценки Тиберия. Официозная литература, представленная Веллеем Патеркулом, наделяла его всеми возможными положительными качествами, которые были основами добродетелей Августа: *clementia*, *pietas*, *virtus*, щедрость (*liberalitas*), скромность (*modestia*), строгость и твердость (*severitas*, *gravitas*), благоразумие (*prudentia*), активность и предприимчивость (*industria*) (Велл. Пат., II, 105; 114; 122; 126; 129—130). Веллей считал, что принципат Тиберия был целиком основан на его личных заслугах и абсолютно легитимен в плане традиций республики, являясь восстановлением и развитием республиканских норм.

Вторая тенденция, вероятно, имеет основу в подпольных памфлетах времен принципата Тиберия или же трудах, уже открыто написанных после его смерти. Традиционные дошедшие до нас образ и оценка правления в полной мере выражены у Тацита. Определяющей чертой принцепса он считал лицемерие и притворство, а также жестокость, высокомерие, подозрительность и корыстолюбие. Тиберий откровенно рвался к власти, и его заигрывания с сенатом и отношение к республиканской традиции — это лживая комедия. Первое время Тиберий еще сохранял видимость свободы, но постепенно, особенно после смерти Друза в 23 г., абсолютистский курс стал более откровенным, а после подавления заговора Сеяна в 31 г. режим перерос в откровенную тиранию, и, говоря словами Та-

цита, «принцепс дал волю всем своим порокам» (Тац. *Анн.* I, 3, 4, 7, 8, 10, 72, 82; II, 31, 42; III, 3, 15, 48; IV, 6—7, 20; 29, 44, VI, 19, 51). Тиберий, по Тациту, таким образом, начал традицию деспотизма, развитого Калигулой и Нероном.

Образ Тиберия у Светония и Диона Кассия отличается от тацитовского лишь некоторыми модификациями. Светоний, например, более положительно оценивает первый период правления (Свет. *Тиб.*, 26—32), и его образ лишен того художественного единства, которое есть у Тацита.¹ Светоний меньше пишет о лицемерии принцепса, однако его общее отрицательное к нему отношение не вызывает сомнения. Образ у Диона Кассия тоже соответствует этой схеме (Дион Касс., 57, 1); правление Тиберия, по Диону Кассию, постепенно вырождается в произвол и тиранию.

Точка зрения, выраженная в источниках, существовала вплоть до XIX в. Первые сомнения в оправедливости тацитовской оценки появились во второй половине XIX — начале XX в.,² однако наиболее полно «реабилитация» Тиберия выразилась в ряде работ 1930—1940-х годов.³ На этой же позиции стоят и многие современные исследователи.⁴ В наиболее полном виде эта точка зрения выражена в работах Ф. Марша и Э. Корнеманна.

Ф. Марш начал свой труд с критики Тацита, считая, что он исказил общую картину. Причиной этого Ф. Марш считает аристократические взгляды и симпатии писателя, заставлявшие его использовать враждебную Тиберию традицию, страх перед процессами об оскорблении величия, сравнение Тиберия с Домицианом и, наконец, риторизм писателя и стремление создать эффектный литературный образ. Информация о терроре Тиберия, по мнению Марша, преувеличена; в действительности принцепс стремился поддерживать независимость сената и даже сделать его своим партнером. Общий курс Тиберия был продолжением политики Августа.⁵

Несколько иной вариант представлен Э. Корнеманном. Его Тиберий — истый римский аристократ и носитель республиканских традиций, лишенный монархических устремлений. Он стремился создать реальную диархию и на первом этапе даже отказывался от некоторых монархических моментов пре-

¹ Pippidi D. *Autour de Tibere*. Bucuresti, 1944, p. 69.

² Sivers G. *Tacitus und Tiberius*. Hamburg, 1857; Gelzer M. *Julius (Tiberius)* (154). — R. E., Bd 10, S. 478—535.

³ Charlesworth M. P. *Tiberius*. — *CAH*, vol. X, p. 607—652; Marsh F. B. *The reign of Tiberius*. Oxford, 1931; Smith Ch. E. *Tiberius and the Roman Empire*. Baton Rouge, 1942; Ciaceri E. *Tiberio successore di Augusto*. Rome, 1944; Pippidi D. *Autour de Tibere*.

⁴ Kornemann E. *Tiberius*. Stuttgart, 1962; Seager R. *Tiberius*. London, 1972.

⁵ Marsh F. B. *The reign of Tiberius*. Oxford, 1931, p. 1—15, 45, 115, 200, 219, 223, 227.

дыдущего правления. Трагедия Тиберия была в том, что общество и прежде всего сенат были не готовы к этому сотрудничеству. «Злыми гениями» принцепса Э. Корнеманн считает Агриппину и Сеяна. Первая привела к падению его популярности, сделав республиканскую реставрацию невозможной, а Сеян создал механизм военной диктатуры, сломавшей старые традиции и расчистившей путь к деспотии Калигулы и Нерона.⁶

В некоторых работах традиционный взгляд частично присутствует, и авторы подчеркивают монархический курс Тиберия,⁷ однако в целом господствующим остается критическое отношение к традиции.

В русской дореволюционной историографии проблему Тиберия исследовал Э. Д. Гримм, который подчеркивал преемственность этого принцепса по отношению к Августу именно в плане монархического начала, а политическое развитие Рима в 14—37 гг. — именно как развитие монархии.⁸

В советской историографии этот вопрос специально почти не рассматривался. Н. А. Машкин выделяет два периода правления Тиберия, в первый из которых (до смерти Германика) согласие сохранялось, и во второй — сенатская оппозиция вызвала обострение отношений, и принципат закончился террором. На той же позиции стоят С. И. Ковалев, считающий, что усиление монархического характера правления стало результатом реакции на попытку контрнаступления оппозиционных сил, и В. С. Сергеев, посвятивший принципату Тиберия специальное исследование. Укреплением и развитием системы принципата считают это время и авторы «Истории Древнего Рима».⁹

Прежде чем перейти к рассмотрению политического развития Рима при Тиберии, необходимо сделать несколько предварительных замечаний. В момент прихода к власти Тиберию было 55 лет. «Он был не хуже, а может быть, и лучше многих своих современников... Человек не гениальный, но прекрасный полководец, подозрительный, умный и властолюбивый политик, он был менее оригинален, чем Август, и более консервативен».¹⁰ Отмечаемые Тацитом лицемерие, скрытность и подозрительность бесспорно были ему присущи, а впечатление об

⁶ Kornemann E. Tiberius, S. 109—110, 146, 223—227, 246.

⁷ Dessau H. Geschichte der römischen Kaiserzeit, S. 32—106; Chilton C. W. The Roman law of treason under the early principate. — JRS, 45, 1955, p. 73—81; Gage J. Les Classes sociales dans l'empire romain. Paris, 1964; Tarver I. C. Tibere le tyran. Paris, 1934.

⁸ Гримм Э. Д. Исследования по истории римской императорской власти... с. 252, 269—272, 319—320.

⁹ Машкин Н. А. История Рима. М., 1947, с. 400; Ковалев С. И. История Рима. Л., 1948, с. 529—534; Сергеев В. С. Принципат Тиберия. — ВДИ, 1940, № 2, с. 79, 83, 89, 94; История древнего Рима / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1981, с. 206—207.

¹⁰ Гримм Э. Д. Исследования по истории... с. 252.

этих качествах усиливалось из-за неуверенности в себе и нерешительности в принятии ответственных решений, вызванными долгим нахождением под властью предшественника. Часто в двусмысленном поведении принцепса выражалось не столько его личное лицемерие, сколько дуализм системы и собственное сложное положение. Новому императору были присущи чувство долга, непритязательность в быту; он был высокообразованным человеком. Рядом с подозрительностью и жестокостью уживалась доверчивость, и если Тиберий доверял, то доверял слепо. В политическом плане он должен был продолжать курс Августа, что и делал с большим педантизмом, однако определенные моменты субъективного плана возникли довольно скоро.

Современные исследователи уделяют особое внимание вопросу о положении Тиберия после смерти Августа и сенатского заседания 17 сентября, с которого началось его самостоятельное правление. Некоторые исследователи полагают, что Тиберий уже имел власть принцепса к моменту заседания,¹¹ но большинство считают, что именно это заседание и сделало его полноправным правителем.¹²

В самом деле, если к моменту смерти Августа Тиберий имел *imperium maius*, трибунскую власть и имя *Augustus*, то это еще не означало наличия у него всех атрибутов императорской власти. Он не имел полномочий своего предшественника, выходящих за пределы этих двух основных функций (освобождение от законов, привилегии в отношении сбора сената, почетное консульство (*Простасία τῶν νόμων*)). Тиберий не имел ряда почетных титулов, например императорского преномена и титула отца отечества. Наконец, он не имел главного — идеи, что получил принципат за свои личные заслуги. Его положение до августа 14 г. было положением при Августе, теперь оно должно было стать самостоятельным.

Сразу после смерти Августа, в силу проконсульского империя Тиберий дал пароль преторианцам, разослал приказы армии и окружил себя охраной (Свет. Тиб., 23; Тац. Анн., I, 7). После этого сенат во главе с консулами, а за ним преторианцы, войска, народ и провинции принесли ему присягу *in verba* и *in popem* (Тац. Анн., I, 7). А. фон Премерштейн и Д. Тимпе, вероятно, справедливо идентифицировали ее с присягой, которую в 32 г. принесли Августу.¹³ Теперь, опираясь на присягу, Тиберий мог легализовать свое положение.

¹¹ Gelzer M. Iulius (Tiberius) (154). — R E, Bd 10, S. 478—485; Marsh F. B. The reign of Tiberius, p. 45.

¹² Timpe D. Untersuchungen zur Kontinuität des frühen Prinzipats. Wiesbaden, 1962, S. 37; Beranger J. Recherches... p. 152, 159, 218, 219; Hammond M. Augustan principate, p. 384—385.

¹³ Premmerstein A. von. Vom Werden und Wesen des Prinzipats. S. 63; Timpe D. Untersuchungen zur Kontinuität des frühen Prinzipats, S. 38.

17 сентября состоялось совещание сената,¹⁴ которое началось с чтения завещания Августа. Главным наследником был Тиберий, получавший $\frac{2}{3}$ имущества, $\frac{1}{3}$ получала Ливия, которой давался титул Августы. Кроме того, Август удочерил ее, видимо, желая придать Ливии более независимое положение. Наследниками во второй степени были Германик с детьми и сын Тиберия Друз, затем следовали более дальние родственники и друзья. 40 млн. сестерциев получил весь *populus*, 3,5 млн. — *фабиева* и *скаптиева* трибы, к которым принадлежал Август (как Юлий и Октавий), по 1 тыс. сестерциев получили преторианцы, по 500 — солдаты городских когорт, а по 300 — легионеры (Свет. Авг., 101; Дион Касс., 56, 32; Тац., Анн., I, 9). Как и завещание Цезаря, это было в своей основе личное завещание, но большие суммы, переданные сторонникам, солдатам и плебсу, делали его и завещанием монарха, показывая особое положение его дома. Завещание продемонстрировало двойственность ситуации. Формально оно делало Тиберия только главой дома и давало ему частное имущество, реально же он получал не так много денег (большинство, видимо, ушло на раздачу). Однако завещание создавало ему статус лидера «партии» Августа и указывало на него как на преемника.

Затем сенаторы начали говорить о полномочиях Тиберия. Сам он приказал зачитать *breviarium totius imperii* и перевел обсуждение на посмертные почести Августу. Валерий Мессала предложил, чтобы сенат ежегодно приносил присягу *in popem* Тиберия. Последний принял это предложение только после того, как Мессала заявил, что это его собственная инициатива. Это означало, что реального отказа не будет, но сенат должен «заставить» Тиберия принять власть (Тац. Анн., I, II). Тиберий снова начал говорить о почестях Августу. Покойный принцепс был обожествлен, что имело большое значение и для утверждения системы, и лично для Тиберия, который стал *divi filius*. Наиболее оживленный характер заседание приняло в конце. «Соппротивление» Тиберия было сломлено, и он согласился ежегодно принимать присягу *in popem*. Именно в этот момент он получил *statio paterna* и все полномочия Августа (Тац. Анн., I, 13; Свет., Тиб., 24; Дион Касс., 57, 2).

Заседание сената вызывает ряд вопросов. Первый — это поведение Тиберия и его отказы. Нет оснований считать, что он всерьез хотел отказаться от власти, или приписывать сцену особому лицемерию Тиберия. Как было сказано ранее, все акты оформления власти Августа начинались с отказов, и его пре-

¹⁴ Некоторые исследователи полагают, что заседаний было два. Timpe D. Untersuchungen zur Kontinuität des frühen Prinzipats, S. 41; Premerstein A. von. Vom Werden und Wesen des Prinzipats, S. 58; Beranger J. Recherches... p. 24; Klinger F. Tacitus über Augustus und Tiberius. München, 1953, S. 33. — Однако нам представляется, что оснований оспаривать сообщение Веллея и Тацита об этом заседании нет.

емник действовал в том же стиле, вероятно, несколько переигрывая. Власть должна была быть вручена ему сенатом, притом в известной степени «насиленно», и неоформленность института принципата делала эту форму единственно возможной.¹⁵

Нет никакого сомнения, что Тиберий с самого начала планировал приход к власти и сам был режиссером заседания сената 17 сентября 14 г. Решение, принятое сенатом, напоминает, скорее всего, закон о власти Веспасиана (Десс., 244) и включает в себя все полномочия, которые имел Август (освобождение от действия некоторых законов, привилегии в сборе сената, почетное консульство и *προστασία τῶν κοινῶν*).

События 17 сентября имели огромное значение. Это был первый переход власти при новой системе, и из личной и чрезвычайной власти Августа она переросла в постоянно действующий институт. Империй давался не на 10 лет, как при Августе, а на неопределенный срок, т. е. фактически бессрочно. Тиберий заявил, что принимает власть, пока сенат «не отправит его на покой» (Свет. Тиб., 24), а само предоставление власти все еще мотивировалось чрезвычайными условиями (Велл. Пат., II, 103, Тац., Анн., I, II). Заседание означало соглашение Тиберия с сенатом и оформило его правовой статус.

Вскоре после этого принцепс обеспечил преемственность власти. Германик получил проконсульский империй, а Друз был избран консулом на 15 г. Династическое обеспечение было невозможно без решения проблемы Агриппы Постума. Еще до заседания 17 сентября на Планазию был послан центурион, который убил Агриппу. Тиберий сделал вид, будто бы ничего не знал, и хотел передать дело сенату, но Саллюстий Крисп, вероятно, непосредственный организатор, дал совет замять дело, что и произошло (Тац. Анн., 1, 6, 14, 31, 33). И в древности, и в современной историографии шли споры о том, кто отдал приказ об убийстве: Август или Тиберий (Свет., Тиб., 22).¹⁶ Скорее всего убийство было согласовано, поскольку в 14 г. и Август, и Тиберий имели сходные цели. Возможно, в их соглашении немалую роль сыграла Ливия. Август, вероятно, настоял, чтобы убийство произошло после его смерти, а потом Тиберий пустил в виде закулисной версии о воле своего предшественника. Бесспорно, что, если бы Август хотел спасти Агриппу, он принял бы меры.

Итак, переход власти к Тиберию прошел довольно спокойно.

¹⁵ Beranger J. Recherches... p. 152, 159, 218—219; Wickert L. *Principes*... S. 2258—2261.

¹⁶ Allen W. The death of Agrippa Postumus. — *TAPhA*, 77, 1947, p. 131—139; Detweiler R. Historical perspectives on the death of Agrippa Postumus. — *CJ*, LXV, 1970, p. 289—295; Levick B. M. Abdication and Agrippa Postumus. — *Historia*, 21, 1972, S. 674—697; Paladini M. L. La morte di Agrippa Postumo e la congiura di Clemente. — *Aeme*, VII, 1954, p. 313—329; Pappano A. E. Agrippa Postumus. — *CPh*, 1941, S. 30—45.

Однако две крупные группировки войск в Паннонии и Германии неожиданно выступили против правительства. Оба восстания начались с чисто профессиональных требований. Легионеры 3 паннонских легионов потребовали сокращения срока службы до 16 лет вместо 20 на действительной службе и до 20 лет в резерве (*sub vexillum*), прекращения злоупотреблений офицеров, выдачи положенных денег и отставки давно отслуживших ветеранов. Мятеж был следствием жесткой политики Августа и кризиса 6—11 гг., когда военное напряжение заставило власти идти на злоупотребления. После того как легат Юний Блез и высшие офицеры не смогли успокоить войско, к легионам был послан Друз. Переговоры шли неудачно, и заявления последнего, что он сообщит обо всем Тиберию и сенату, были встречены с возмущением. В разгар конфликта произошло лунное затмение, и, играя на суеверии солдат, командование сумело прекратить восстание и казнить зачинщиков (Тац. *Анн.*, 17, 26, 28—30).

Восстание в Германии оказалось более опасным. Солдаты начали с тех же требований, но более многочисленное и более раздраженное тяжелой службой германское войско зашло дальше. Четыре нижнегерманских легиона перебили наиболее непопулярных офицеров и выдвинули политические требования. Они отказались от присяги Тиберию и провозгласили императором командовавшего ими Германика, явно надеясь добиться своего; приведя к власти удобного им кандидата. Ситуация была чревата гражданской войной, но Германик наотрез отказался принять власть и даже принял все меры для подавления мятежа. Командованию пришлось пойти на уступки и раздать деньги, после чего Германик развел легионы в два лагеря. После этого он привел к присяге Тиберию 4 легиона в Верхней Германии, а затем убедил первый и двадцатый легионы подчиниться. Наиболее решительно были настроены пятый и двадцать первый легионы. Против них Германик собирал войска и, имея превосходство в силах, послал письма к командовавшему этими войсками Авлу Цецине. Цецина и преданные ему офицеры устроили контрпереворот, уничтожили руководителей восстания и привели легионы к присяге. Сразу же после подавления восстания Германик совершил поход за Рейн (Там же, 1, 32, 35, 37, 40—44, 47, 49, 51). Первое столкновение армии и принципата закончилось поражением армии.

Период с 14 по 23 г. источники считают «либеральным периодом» правления Тиберия. В значительной степени это так и было. Тиберий не закрепил свое положение и нуждался в поддержке сената. Вторым сдерживающим фактором была сложность династической ситуации. Официальным преемником принцепса был Германик, имеющий очень сильные позиции. С 12 г. он командовал рейнской армией, которая показала свое отношение и к нему, и к Тиберию. Кроме того, он был женат

на внучке Августа и дочери Агриппы — Агриппине Старшей, от которой имел 6 детей (сыновья Нерон, Друз и Гай и дочери Агриппина, Друзилла и Юлия). Все знали о том, что Август любил его больше, чем Тиберия. Молодой, красивый, обаятельный Германик был очень популярен в народе. Наконец, вокруг него группировалась сильная партия из «новых людей», в основном военных командиров (Л. Апроний, Кв. Вераний, Кв. Сервей, Г. Силий, Г. Анций, П. Вителлий, А. Цецина, всадник Титий Сабин и др.), а одним из его сильнейших сторонников в сенате был Азиний Галл, консул 8 г. н. э., сын Азиния Поллиона и муж Випсании, бывшей жены Тиберия.¹⁷ Эти люди нуждались в сильном покровителе и были вне окружения Тиберия, который, наоборот, опирался на старую родовитую аристократию.

Отношения между Тиберием и партией Германика были сложными. Последняя не являлась оппозицией в собственном смысле слова, но их главным покровителем являлся Германик, от отношения которого к принцепсу зависело и отношение к нему партии. События на Рейне показали лояльность Германика, но элемент фронды явно имел место. Главным его носителем была Агриппина, женщина очень сильного характера, высоко ставящая свое положение внучки Августа. Тиберий, конечно, чувствовал опасность, и в случае, если бы Германик попал под влияние Агриппины и наиболее радикальной части своих сторонников, конфликт был бы возможен. Пока же этого не случилось, и, как ни парадоксально, главным буфером между Тиберием и «партией Германика» был сам Германик. В любом случае, однако, принцепсу были неприятны как самостоятельная значимость Германика, так и то, что он стоял на пути его сына Друза.

В 14—15 гг. Германик совершил серию походов за Рейн, однако в 16 г. Тиберий отдал приказ прекратить наступление и отозвал племянника на почетных условиях, дав ему триумф и титул императора. Сторонники Германика восприняли это как показатель зависти принцепса и, видимо, считали, что Тиберий не дал ему добиться полной победы из личных соображений. Это же мнение разделял Тацит (Тац. *Анн.*, II, 26) и некоторые современные исследователи.¹⁸ Нам представляется, что более справедливо, однако, мнение других исследователей, которые считают действия принцепса результатом правильного политического расчета, вызванного бесперспективностью похо-

¹⁷ Подробнее об этом см.: Портнягина И. П. Сенат и сенаторское сословие в период раннего принципата: Автореф. канд. дис. Л., 1982, с. 18—20.

¹⁸ Koesterman E. 1) *Die Mission des Germanicus in Orient.* — *Historia*, 7, 1958, S. 331—375; 2) *Die Feldzüge des Germanicus in 14—16 n. Chr.* — *Historia*, 6, 1957, S. 429—478.

дов в Германию и неоправданностью больших людских и финансовых потерь.¹⁹

В 17 г. Тиберий послал Германика на восток, где возникла сложная политическая ситуация. Парфянский царь Артабан хотел посадить на престол в Армении своего брата Орода, а изгнанный им царь Вонон бежал в Антиохию. Поступали известия о ненадежности Архелая Каппадокийского. Почти одновременно умерли цари Коммагены и Киликии, а Сирия и Иудея просили сократить налоги. Обстановка требовала посылки лица, которое могло бы заменить самого принцепса. Вместе с тем принцепс постарался ограничить инициативу Германика. Вместо Кретики Силана, дочь которого была помолвлена с сыном Германика Нероном, Тиберий сделал легатом Сирии, т. е. практическим заместителем Германика, Гнея Кальпурния Пизона, аристократа и сподвижника Августа и врага Германика, отличавшегося суровым характером и высоким самомнением и считавшим, что он уступает по знатности только принцепсу. Жена Пизона Планцина была близка к Ливии, которая ненавидела Агриппину (Тац. Анн., II, 42—43). Неизвестно, получил ли Пизон инструкции от принцепса, но даже если нет, то конфликт с Германиком был неизбежен, и Тиберий это понимал. Сильная группировка старого нобилитета столкнулась с «партией» Германика.

В 18 г. Германик, завершив кампанию на Рейне, выехал на восток. В это время Вераний аннексировал Каппадокию, а Кв. Сервей — Коммагену. Обе стали императорскими провинциями, первая — прокураторской, а второй управлял легат в ранге пропретора. Сам Германик достиг договоренности с Артабаном и после этого уехал в Египет. В начале 19 г. он вернулся в Сирию, где и произошел конфликт с Пизоном, конкретная причина которого неясна. Тацит только указывает, что Пизон еще в прошлом году отказался ввести войска в Армению, а за время отъезда Германика отменил или изменил «все, что он приказал в отношении легионов и городов» (Там же, II, 69). За личным соперничеством вырисовывалась не только придворная интрига, но и борьба все тех же принципиальных концепций более агрессивной политики Германика, как и на Рейне, основанной на применении силы, и более осторожной линии Тиберия и его круга, которую проводил Пизон. После ссоры Пизон решил, а, скорее, получил приказ Германика уехать из Сирии. Осенью 19 г. Германик заболел, а Пизон перед отъездом в Селевкию разогнал молебствие антиохийцев за его здоровье. Состояние Германика становилось все хуже, и 10 октября 19 г. он умер. Будучи уверен, что его отравил Пизон, Германик на смертном одре просил жену и друзей

¹⁹ Charlesworth M. P. *Tiberius*.— САН, vol. X, p. 67—68; Marsh F. *The reign of Tiberius*, p. 95.

отомстить убийце (Там же, II, 57—58, 60—61, 69—70). Агриппина с большой помпой доставила тело в Рим, где Германику были устроены торжественные похороны и даны посмертные почести (Там же, II, 83). Народные массы демонстрировали скорбь и требовали наказания виновного.

Состоявшийся в 20 г. процесс Кальпурния Пизона был самым крупным процессом первого периода правления Тиберия. Перед слушанием дела в сенате принцепс особенно акцентировал внимание на необходимости объективного рассмотрения дела. Обвинители выдвинули против Пизона три обвинения: отравление Германика, дурное управление провинцией и неподчинение начальнику и, наконец, вооруженное возвращение в провинцию. Защита (Маний Лепид) сумела опровергнуть первое обвинение в отравлении, но проиграла по всем остальным пунктам. Народ потребовал казни Пизона. Обвиняемый вернулся домой, заперся в спальне и перерезал себе горло мечом, предварительно отправив письмо, в котором сообщал о своей виновности и понимании того, что осуждение неминуемо. Тацит передает и другую версию: Пизон до последнего момента надеялся на помощь принцепса и, перестав на нее надеяться, собиравшийся обнародовать компрометирующие принцепса документы, после чего его убили, инсценировав самоубийство. Непосредственным исполнителем был Сеян. Судебный процесс закончился компромиссом. Тиберий в сенате сетовал на гибель Пизона, Планцина не была наказана в результате ходатайства Ливии, сын Пизона Марк, бывший вместе с отцом, был лишен части имущества и выслан из Рима на 10 лет, однако этот приговор был отменен принцепсом. Вителлий, Вераний и Сервей, обвинявшие Пизона, получили жреческие должности (Там же, III, 13—19).

Окончательный ответ о деле Пизона дать нельзя прежде всего потому, что смерть Германика от отравления недоказуема. Если Германик был отравлен, это мог сделать Пизон как с санкции, так и без санкции Тиберия. Процесс Пизона не дал дополнительных данных. Его осуждение было неизбежно, поскольку сторонники Германика и народные массы были уверены в виновности Пизона, а принцепс понимал, что защитить его невозможно. В любом случае у последнего не было иного выхода, как только отрицать свою вину.

Главной реформой начала правления было перенесение выборов в 14 г. из народного собрания в сенат (Там же, I, 15), что практически отстраняло комиции от политической жизни. Реформа стала результатом двойного давления на народные массы как со стороны старой аристократии, так и со стороны монархии. Примечательно, что в сильные протесты это не вылилось; народу гораздо больше не нравилась «скупость» Тиберия при зрелищах.

Круг вопросов, обсуждаемых принцепсом с сенатом, был

очень широк. Это собственные полномочия и полномочия членов семьи, посылка Германика на восток; передача трибунской власти Друзу, награды, триумфы и овации Германику и Друзу или другим лицам. Ряд заседаний сената касался законодательства (законы против роскоши; смягчение брачных законов; асилья, которую давали изображения принцепса; меры против проституции) или религиозных вопросов (репрессивные меры против астрологов и магов, репрессии против иудеев и египетских культов; асилья в греческих городах; действия жреческих коллегий в связи с болезнью Ливии; избрание новой главной весталки). На повестке дня стояли вопросы внешней политики, назначение наместников сенатских провинций и более мелкие вопросы типа борьбы с наводнениями, наказание актеров, вызвавших беспорядки в театре, и т. д. Разбирались и внутрисенатские вопросы: материальная помощь сенаторам или ссоры сенаторов. Наконец, через сенат проходили все дела об оскорблении величия (Там же, I, 75—77, 79; II, 32, 43, 53, 63, 64, 85, 86; III, 11, 32—33, 36, 52, 56—59, 60—64; IV, 14).

Принцепс проявлял и внешнее уважение к сенату: он входил без эскорта, вставал при консулах, не выступал первым, что часто воспринималось как лицемерие (Свет. Тиб., 27; Дион Касс., 57, 7). При Тиберии сохранялось, а быть может, и усиливалось влияние старой высокопоставленной знати. Из 20 ординарных консулов 14—23 гг. не было ни одного «нового» человека (5 консульств занимали члены правящей семьи, 9 — потомки республиканских нобилей, 6 — потомки семей, вошедших в нобилитет при Августе). Вероятно, именно опираясь на эти силы, принцепс мог доминировать в сенате.

Вместе с тем просенатскую политику принцепса не следует преувеличивать. Иногда бывали и дискуссии, но мы не видим принципиальных ситуаций, в которых бы ни побеждало мнение принцепса.

Уже в первый период правления Тиберия усилился механизм подавления, который потом обрушился на неугодных принцепсу людей. При Тиберии произошла концентрация преторианцев. В момент его прихода к власти гвардией командовали два префекта претория — Сей Страбон и его сын Сеян. Тиберий сделал Сея Страбона префектом Египта, и до 31 г. вся власть над преторианцами концентрировалась в руках Сеяна. Первые годы Сеян еще находится в тени, но уже в 20 г. получил преторские огнамента, а его дочь обручилась с сыном Клавдия, братом Германика. Еще ранее Тиберий и Сеян перевели все 9 когорт в единый лагерь на окраине города между Виминалом и Коллинскими воротами (Там же, III, 29, IV, 2).

Одновременно разрабатывалась и юридическая основа репрессивного механизма — так называемый закон об оскорблении величия (*lex maiestatis*). Ранее мы говорили о том, что первым общим законом такого рода был закон Корнелия Сул-

лы от 81 г., затем аналогичный закон принял Цезарь, и наконец Август. Все эти законы прежде всего запрещали практику гражданских войн: организацию мятежа, убийство магистрата, измену и ряд других действий, таких, как нанесение военного ущерба, должностные преступления типа самовольного набора войск и ведения войны, отказа передать провинцию преемнику и узурпацию обязанностей магистрата.

С установлением рах закон должен был измениться. Поворот наметился уже при Августе, когда под этот закон попали заговоры. Тем не менее общий курс первого принцепса и малое число процессов свидетельствовали об определенном сохранении традиции. Поворот произошел при Тиберии. В 15 г. претор Помпоний Макр спросил принцепса, будет ли соблюдаться *lex maiestatis*, на что Тиберий в своей обычной манере выразаться неопределенно заявил, что «законы должны соблюдаться», тем самым давая понять, что будет карать за преступления против своей особы (Там же, I, 72; Свет. Тиб., 58).

В том же году последовали первые процессы. Римского всадника Фаллания обвинили в том, что он принял в число почитателей (*cultores*) Августа некоего мима Кассия, «человека, опозоренного телесным непотребством» (*corpore infamem*), а, продавая сад, продал вместе с ними и статую Августа. Другого всадника Рубрия обвинили в «оскорблении имени Августа ложной клятвой», т. е., видимо, в нарушении клятвы, данной именем Августа (Там же, I, 73). Действия обвиняемых явно не попадали под традиционный *lex maiestatis*, и хотя Тиберий снял с них обвинение, создавался прецедент для опасной практики, по которой любое оскорбление принцепса или действие, которое могли истолковать таким образом, попадало под действие этого закона.

В этом же году в оскорблении величия обвинили претора Вифинии Грания Марцелла. Обвинитель Цепион Криспин заявил, что Марцелл дурно говорил о Тиберии, и, «выбрав худшее из нравов Тиберия, предавал это как слова Марцелла». Кроме того, обвиняемый поставил себе статую выше, чем статуя Тиберия, и, отбив голову у статуи Августа, поставил изображение нового принцепса (Там же, I, 74). Обвинение сопровождалось также обвинением в вымогательствах. Марцелл был осужден по последнему обвинению, но это едва ли был обычный процесс о вымогательстве. Примечательно, что крупные вымогательства тоже стали рассматриваться как *crimen maiestatis*, а факт разбора дела об остальных преступлениях Марцелла показывает, что власти хотя и проявляли «либерализм», явно считали, что такого рода «преступления» следует разбирать.

В 16 г. произошло крупное дело Либона Друза,²⁰ племян-

²⁰ Подробнее об этом см.: Shotter D. C. The trial of M. Scribonius Libo Drusus. — *Historia*, 21, 1972, S. 88—89.

ника бывшей жены Августа Скрибонии. Деляторы обвинили его в организации заговора, и многие современные исследователи полагают, что таковой действительно имел место,²¹ однако сообщение Тацита касается только общения с халдеями и оккультной практики против Тиберия и видных сенаторов. В сущности, если учитывать общие представления того времени, между магией и реальным заговором была небольшая разница, и Либон покончил с собой, понимая неизбежность осуждения. Тиберий заявил, что помиловал бы его. Тем не менее Либон был признан виновным, его имущество поделили между обвинителями, а некоторые из них получили внеочередные претуры. В отношении осужденного осуществлялось *damnatio memoriae*. Изображения Либона изъяли из торжественных шествий, в день раскрытия заговора начали устраивать молебствия, а день самоубийства Либона стал праздником (Там же, II, 27, 32; Велл. Пат., II, 130; С. I. L., 1², 1, р. 244).

В современной литературе проблема законов об оскорблении величия является предметом дискуссии. Общий смысл сообщений традиции состоит в том, что при Тиберии сущность закона изменилась, и вместо реальной государственной измены стали преследовать высказывания и прочие абсолютно нейтральные действия (Свет. Тиб., 58; Дион Касс., 57, 9; 58, 4; 14—16). Многие современные исследователи пытаются доказать, что картина была иной, закон касался реальных заговоров, сведения о терроре преувеличены, а принцепс не поощрял и даже боролся с практикой процессов и деляторства.²² Другие, как нам кажется, более справедливо считают возможным разделять точку зрения традиции,²³ однако и они в значительной степени принимают коррективы апологетического направления.²⁴ Хотя окончательное суждение возможно только после обзора всего правления, некоторые замечания уже можно сделать.

В первые 7 лет правления Тиберия процессов было немного, обычно они кончались снятием обвинения, но определенное изменение все же произошло. Закон начал карать не только ре-

²¹ Marsh F. B. The reign of Tiberius, p. 282.

²² Ibid., p. 106—107, 114, 183, 208, 284—294; Gelzer M. Tiberius, S. 497; Smith Ch. E. Tiberius and the Roman Empire. Baton Rouge, 1942, p. 179—181; Rogers S. 1) Tacitean pattern in narrating treason trials. — TAPhA, 83, 1952, p. 279—311; 2) Treason in the early Empire. — JRS, 43, 1959, p. 90—94; Allison I. E., Cloud I. D. The lex Iulia Maiestatis. — Latomus, 21, 1962, p. 711—731; Kornemann E. Tiberius, S. 129—130.

²³ Cuff P. I. Tacitus Annales I, 72. — CR, 14, 1964, p. 136—139; Koester E. Die Majestatsprozesse unter Tiberius. — Historia, 4, 1955, S. 72—106; Baldson I. P. V. D. The principates of Tiberius and Gaius. — ANRW, T. 2, Bd 2, p. 111—112.

²⁴ Shotter D. C. A. 1) The trial of M. Scribonius... p. 88—98; 2) The trial of C. Junius Silanus. — CPh, 72, 1972, p. 126—131; 3) The trial of Clutorius Priscus. — CR, 16, 1969, p. 14—18; 4) The trial of G. Silius. — Latomus, 1967, 26, p. 712—716; 5) Tiberius part in the trial of Aemilia Lepida. — Historia, XV, 1966, S. 312—317.

альную измену, но и слова, оккультную практику и прочие действия, относящиеся к принципсу. Это изменение не касалось юридической стороны и происходило в основном на практике. Перспективы развития были довольно опасными, тем более что их стимулировали еще два фактора: политическая и личная борьба между сенаторами за положение, принявшая достаточно уродливые формы, и действия императорской власти по обеспечению своей безопасности. Тиберий не нес ответственности за все, совершаемое в силу *lex maiestatis*, но главная ответственность за его развитие лежала именно на нем.

После смерти Германика для Тиберия создалась очень благоприятная династическая ситуация. Его главным и теперь уже бесспорным наследником являлся Друз, у которого к тому же родились близнецы — Германик и Тиберий Гемелл. В 23 г. Германик Младший умер, но в лице Гемелла принципс имел наследника в третьем поколении. С другой стороны, существовала довольно опасная помеха в лице трех сыновей Германика, которые были старше и тоже считались внуками принципса. Первый из них — Нерон в 20 г. достиг совершеннолетия и получил право занимать все должности на пять лет раньше срока (Тац. *Ann.*, III, 29).

Первые действия Тиберия после дела Пизона были направлены на создание особого положения Друза. В 21 г. Тиберий и Друз стали консулами, принципс надолго уехал в Кампанию, сделав сына своим заместителем. В 22 г. Тиберий провел через сенат решение о предоставлении сыну трибунской власти (Там же, III, 56—57).

Общие тенденции отношений с сенатом и «либерального» курса первого периода продолжали существовать, и в какой-то степени усилились, поскольку после 8 лет правления и обеспечения желательного ему наследника Тиберий почувствовал себя гораздо увереннее. Тацит сообщает о ряде заседаний сената, и, по крайней мере, один раз сенат попытался опротестовать практику злоупотребления культом императора (Там же, III, 32, 36, 57—64).

В процессах об оскорблении величия заметна та же тенденция, что и ранее. Новым в практике обвинений со времени дела Марцелла стало соединение дел о крупных вымогательствах с обвинением в оскорблении величия принципса. Тацит поясняет, что наличие этого пункта не давало возможности родственникам защищать подсудимого, который лишался адвокатов.

Вместе с тем начались и процессы нового типа. Один процесс касался римского всадника Клутория Приска. Он написал поэму на смерть Германика и, получив большой гонорар, решил продолжать деятельность на этом поприще. Когда заболел Друз, Приск заранее заготовил такого же рода панегирик, а затем имел неосторожность рассказать об этом в присутствии большого общества. Разбор дела проходил в отсутствие прин-

цепса, и сенаторы, желая выслужиться перед императором, высказались за смертную казнь. Только двое — Маний Лепид и Рубеллий Бланд — предложили заменить ее изгнанием, но большинством голосов Приск был приговорен к смерти. Тиберий осудил столь быстрое наказание, но поблагодарил сенат за *pietas*, тем самым подчеркнув, что обвиняемый был виновен (Там же, III, 50—51, 70). Дело Приска нельзя считать судебной ошибкой,²⁵ поскольку оно хорошо вписывается в развитие общей тенденции.

С 23 г. произошел поворот в сторону усиления монархического элемента власти, репрессивного механизма и террора.

Главным организатором террора по традиции считался префект претория Л. Элий Сеян. Сеян родился в Вольсиниях, видимо, около 20—16 гг. до н. э. Его отцом был всадник Сей Страбон, а мать принадлежала к роду Юниев (его дядей по матери был Юний Блез). Судя по имени, Сеян был усыновлен нобильским родом Элиев и, таким образом, попал в элиту общества. В 4—1 гг. до н. э. Сеян был в свите Гая Цезаря во время его поездки на восток (Там же, IV, 1) и, вероятно, тогда познакомился с Тиберием, а потом настолько с ним сблизился, что после прихода Тиберия к власти стал префектом претория вместе с отцом, который занимал пост уже при Августе. Вскоре Сеян стал единственным префектом и к 23 г. превратился в очень сильную фигуру, сумев даже породниться с семьей императора.

Едва ли правомерно считать, что всю ответственность за последующие драматические события нес Сеян,²⁶ или же, наоборот, считать его простым орудием Тиберия, от которого избавились, когда он стал ненужен и потенциально опасен.²⁷ Ситуация была несколько сложнее. Сеян, бесспорно, не являлся единственным инициатором террора и в значительной степени проводил линию принцепса, проявляя при этом не только исполнительность, но и изобретательность и инициативу. С другой стороны, он имел и свои интересы, и поэтому убирал возможных конкурентов, а в конечном счете, возможно, попытался убрать и хозяина.

Тацит считает, что именно Сеян был убийцей Друза. Сын Тиберия не любил префекта, уже явно претендовавшего на особое положение, и во время одной ссоры дал ему пощечину. Сеян отомстил. Он вступил в связь с женой Друза Ливиллой и отравил Друза медленно действующим ядом. Тацит указывал, что все выяснилось только в 31 г., после казни Сеяна, через письмо его бывшей жены Аникаты и допросов слуг Друза и Ливилы Лигда и Эвдема (Там же, IV, 3, 7, 11). Несмотря на то,

²⁵ Shottler D. C. A. The trial of Clutorius Priscus, p. 14—18.

²⁶ Kornemann E. Tiberius, S. 223—227.

²⁷ Paratore E. Tacito. Milano, 1951, p. 532—534; Hennig D. L. Aelius Seianus. Untersuchungen zur Regierung des Tiberius. München, 1975.

что версия отрицается многими современными исследователями,²⁸ она вполне вероятна, хотя, конечно, как и всякая закулисная интрига, не до конца доказуема.

В любом случае смерть Друза стала переломом. Сильный психологический удар и династическая нестабильность усилили мрачность и подозрительность Тиберия. С другой стороны, это привело к активизации партии Агриппины, сыновья которой стали реальными наследниками Тиберия. В свою очередь, принцепс боялся, что они оттеснят его внуков, и Сеян, увидев возможность для выдвижения, начал подстрекать его к действиям против семьи Германика. Многие «новые» люди, ранее группировавшиеся вокруг последнего, перешли к Сеяну, в котором видели нового сильного покровителя. Обстановка стала все более нервной, что привело к росту числа процессов, направленных против семьи Германика.

В 24 г. были обвинены Гай Силий и его жена Созия Галла. С 14 по 21 г. Силий был легатом Верхней Германии. Он являлся близким другом Германика, участвовал в его походах за Рейн, а в 21 г. подавил восстание Сакровира. Консул Визеллий Варрон, сын бывшего легата Нижней Германии и врага Силия обвинил его в вымогательствах и *maiestas*. Последнее выражалось якобы в затягивании подавления восстания 21 г. Тацит признает, что Силий был виновен в первом, и не исключено, что, как и в случае с Силаном и Цезием Кордом, именно это и попадало в разряд оскорбления величия. Не дождавшись исхода процесса, Силий покончил собой. Деньги были отданы провинциалам, но часть их пошла в фиск. Созия Галла была сослана (предложение об этом внес Азиний Галл). 1/4 имуществы была отдана обвинителям, а относительно остального Маний Лепид настоял, чтобы его отдали детям (Там же, IV, 19—20).

В 26 г. комбинированное обвинение в прелюбодеянии и попытке отравить принцепса было выдвинуто против Клавдии Пульхры, внучки Октавии и двоюродной сестры Агриппины. Процесс вызвал открытую ссору между Агриппиной и Тиберием, которая усилилась из-за нескольких дополнительных инцидентов. Во время болезни вдова Германика попросила принцепса выдать ее замуж в соответствии с брачным законом Папия — Поппея. Понимая опасность подобной просьбы, Тиберий не дал ей ответа. После этого Сеян через подставных лиц «предупредил» Агриппину, что принцепс хочет ее отравить, и во время очередной трапезы она демонстративно отказалась есть. Это вызвало новое озлобление императора и Ливии и фактическое отдаление Агриппины от двора (Там же, 53—54).

Еще ранее, в 26 г. Тиберий уехал на остров Капри, где и

²⁸ Charlesworth M. P. *Tiberius*.—CAH. vol. X, p. 625; Marsh F. B. *The reign of Tiberius*, p. 166—167.

пробыл последние 11 лет своего правления. Причинами, вероятно, были общая усталость императора, страх перед заговорами, раздуваемый Сеяном, и возможность более тщательно готовить удары по своим будущим жертвам. Неизвестно, планировал ли принцепс постоянно поселиться на острове, или же это получилось вследствие развития событий. В свите Тиберия было много представителей греческой интеллигенции, а из высокопоставленных чиновников, кроме Сеяна, были только второстепенные фигуры — консуляр и юрист М. Кокцей Нерва и всадник Курций Атик, с которым позднее (где-то между 28 и 31 гг.) Сеян расправился. Сеян стал вторым человеком в Империи и главным связующим звеном между принцепсом и окружающим миром. Доверие принцепса возросло после того, как Сеян спас его во время обвала в одном из гротов (Там же, IV, 59).

С Капри были нанесены удары по семье Германика. В 29 г. умерла Ливия, которая, не любя Агриппину, все же, вероятно, сдерживала открытый конфликт. Вскоре Тиберий направил в сенат письмо с обвинением против Агриппины и ее старшего сына Нерона. Политических обвинений не было, принцепс просто обвинил мать в «высокомерии речей и строптивости духа» (*arrogantiam oris et contumacem animum*), а сына в разврате (*impudicitia*), но общий тон письма призывал сенат к санкциям (Там же, V, 3), и Тиберий явно хотел расправиться с семьей Германика руками сената. Агриппина была сослана на остров Пандатерию, а Нерон — на остров Понтию. Судя по всему, изгнанию предшествовало уже прямое обвинение в попытке свержения принцепса и объявление сосланных врагами отечества (Свет. Тиб., 53—54). В 30 г. Нерон покончил с собой, возможно, получив соответствующий приказ. Примерно в это же время был организован процесс против Друза, которого заточили в подземелье Палатинского дворца. Через своего сторонника Секстия Пакониана Сеян готовил процесс и против Гая (Тац. Анн., VI, 3). Семья и «партия» Германика были разгромлены.

В 25 г. состоялся процесс, занимающий особое место среди дел об оскорблении величия. Сообщения о деле Кремуция Корда имеются у Тацита, Диона Кассия, Светония и Сенеки. В принципе они не противоречат друг другу. Корд написал исторический труд, в котором хвалил Брута и Кассия, назвав Кассия «последним римлянином». Историка обвиняли клиенты Сеяна Сатрий Секунд и Пиннарий Натта. Тацит приводит речь, якобы произнесенную обвиняемым, и хотя она является конструкцией автора, речь довольно правдоподобна. Корд говорит, что при Августе историки могли хвалить Брута, Кассия, Помпея и других противников дома Юлиев, не подвергаясь гонениям, и приводит пример Тита Ливия и Валерия Мессалы Корвина. В заключение Корд подчеркивает, что в его книге нет выпадов против Тиберия (Там же, IV, 34—35).

Примерно то же самое пишет и Дион Кассий, указывающий, что труд Корда был написан давно, и ранее автор читал его Августу. Цезарь и Август в книге не критиковались, но и не восхвалялись, как это было принято. Причиной осуждения была вражда с Сеяном, но формальным обвинением послужила именно похвала Бруту и Кассию (Дион Касс., 57, 24). То же самое сообщает и Сенека (Сен. К Марции, I, 3—4; 22), а Светоний упоминает этот факт, не называя имени Корда (Свет. Тиб., 58). Корд покончил собой, а труд его был сожжен.

Некоторые современные исследователи пытаются переосмыслить традицию и изменить формулу обвинения, считая, что сказать что-либо о процессе Корда невозможно,²⁹ однако нам представляется, что оснований не доверять традиции нет. Именно труд Корда стал основной причиной его осуждения, равно, как и формальным обвинением. Его труд был протестом против принципата как системы. Карая за «восхваление Брута и Кассия», режим карал выступление против самой своей идеи. Примечательно, что дело Корда возникло не после написания труда, а в момент усиления монархического характера режима. Брут и Кассий перестали быть живыми людьми, какими их воспринимали еще во времена Августа, умерли те, кто знал их лично. Убийцы Цезаря стали символами борьбы с принципатом.

Во второй период правления Тиберия число процессов об оскорблении величия возросло (в 14—23 гг. их было 11, а в 23—31 гг. — 18), однако главным было ужесточение стиля. Особенно увеличилось количество наказаний за оскорбление словом и нейтральные действия. Произошло еще одно качественное изменение: первые процессы часто играли роль орудия борьбы внутри верхушки общества, становясь уродливой формой традиционного соперничества, после 23 г. инициативу в преследовании взяли на себя принцепс и его окружение, организовав террор в нужном им направлении.

Отношения с сенатом претерпели известные изменения, которые, однако, не столько противоречили предыдущему периоду, сколько были результатом его политического развития. В известной степени «либеральные» традиции сохранялись, и многие важные дела все же разбирались в сенате. Сразу после смерти Друза принцепс привел в курию сыновей Германика и поручил их сенату. Сенат разбирал ряд вопросов провинциальной (налоги с греческих городов, споры между ними, наказания наместников за преступления, совершенные их женами) и религиозной политики (устройство храма «Тиберию и сенату» в Испании) и другие вопросы. Наконец, именно в сенате разбирались дела об оскорблении величия (Тац. Анн., IV, 8, 16, 20, 37—38, 43, 55).

²⁹ Marsh F. B. The reign of Tiberius, p. 292; Rogers R. The case of Cremutius Cordus.— TAPhA, 96, 1965, p. 357, 359.

Вместе с тем монархические тенденции явно усилились. Увеличение числа процессов свидетельствовало о всемогуществе принцепса и «учило» сенат лояльности. С 28 г. Тиберий уехал на Капри и не мог лично участвовать в заседаниях. Вместо этого он посылал письма. Отсутствие принцепса меняло стиль отношений. Он переставал быть «первым сенатором», участвующим в заседаниях и становился хозяином, дающим приказы из своей резиденции. Длительное пребывание Тиберия вне Рима подрывало и полисный принцип монополии центра на власть.

После отъезда Тиберия на Капри Сеян оказался вторым человеком в Империи. Консулами на 31 г. стали Тиберий и Сеян. Примечательно, что это было только третье консульство принцепса за все его правление и, может быть, как в 17 г. с Германиком и в 21 г. с Друзом, он хотел подчеркнуть особое положение своего коллеги. Вокруг Сеяна собралась сильная группировка, в которой объединились многие бывшие сторонники Германика, враги Агриппины и деляторы. Префект завязал контакты с германскими войсками, наконец, он был очень популярен среди преторианцев.

Как раз в этот момент пика его могущества последовало внезапное падение. 18 октября 31 г. Сеян был внезапно обвинен Тиберием перед сенатом, схвачен и казнен, а на его сторонников обрушились репрессии, которые по масштабам превзошли даже расправу над семьей Германика. К сожалению, V книга «Анналов» Тацита, где подробно рассказывалось об этих событиях, целиком утеряна, часть Диона Кассия сохранилась только во фрагментах, а сообщение Светония нечетко и фрагментарно.

Светоний высказывает предположение, что Сеян готовил переворот (Свет. Тиб., 65) и эта версия, вплоть до недавнего времени, принималась исторической литературой. Некоторые современные исследователи выдвинули иное толкование событий, согласно которому именно Тиберий первым нанес удар по ставшему слишком могущественным префекту. Перемена отношения принцепса часто мотивируется давлением на него уцелевших сторонников Агриппины и старой аристократии, еще сохранившей известные позиции.³⁰

Остановимся на ходе событий. Став консулом, Сеян продолжал линию на уничтожение сыновей Германика. Друз уже был посажен в подземелье, а С. Паконниан готовил обвинение против Гая. Гай воспитывался в доме своей бабки по отцу Антонии Младшей, вдовы Друза — брата Тиберия. Желая спасти последнего внука, Антония оказала давление на принцеп-

³⁰ Boddington A. Seianus, whose Conspiracy? — *AJPh.* 84, 1963, p. 1—16; Paratore E. Tacito, p. 532—534; Koestermann E. Der Sturz Sejans. — *Hermes*, 1955, 83, S. 350—353.

са, и Гай был вызван на Капри, где стал жить в доме Тиберия. Принцепс пошел на это, видимо, желая иметь противовес всесильному Сеяну. Вероятно, с этого момента префект начал бояться опалы и принимал контрмеры, усиливая давление с целью получить проконсульский империй и трибунскую власть. Эта идея уже носилась в воздухе, и, вероятно, принцепс давал на этот счет обещания. Империй Сеян получил (Дион Касс., 58, 7) и стал очень опасен.

Новое столкновение было связано с легатом Ближней Испании Л. Аррунтием, одним из старых друзей принцепса из числа старой аристократии. Сеян обвинил его в оскорблении величия, но император снял обвинение и даже издал декрет, запрещающий обвинять легатов во время их пребывания в должности. Дело Аррунтия явилось последней каплей. Префект связался со своими сторонниками и решил либо готовить заговор, либо начать шантаж Тиберия, однако в этот момент старый император нанес удар. 17 октября Тиберий тайно назначил префектом претория Кв. Невия Корда Сутория Макрона,³¹ начальника городских когорт, послав его с письмом к гвардии и сенату. Второе письмо было вручено старому другу принцепса аристократу Меммию Регулу, исполнявшему должность консула-суффекта. На следующий день Макрон встретился с Сеяном и заявил, что в письме к сенату принцепс просит для него трибунскую власть. Успокоившийся Сеян явился в сенат. Городские когорты оцепили курию, Регул зачитал письмо, и потрясенный фаворит был схвачен и немедленно казнен (Дион Касс., 58, 6—19; Свет. Тиб., 65; ср. Тац. Анн., VI, 2—4).

День 18 октября был объявлен общественным праздником, и Тиберий, наконец, принял титул отца отечества (Десс., 157, 158). В Риме и провинциях появилось много надписей, посвященных *providentia* императора. 24 октября были казнены дети Сеяна, а еще через два дня его бывшая жена Апиката, с которой Сеян развелся, планируя брак с Ливиллой. Апиката в предсмертном письме сообщила принцепсу подробности смерти Друза (Тац. Анн., IV, 11).

Конечно, абсолютно точную картину восстановить невозможно, но конфликт был неизбежен. После того как сыновья Германика оказались под угрозой полного уничтожения, а внук Тиберия Гемелл был еще ребенком, Сеян мог определенно рассчитывать на власть. Принцепс, испугавшись, стал препятствовать фавориту, его поддерживали довольно сильные группировки в верхах. Видимо, в этот момент Сеян начал готовить переворот, который был пресечен контрзаговором Тибс-

³¹ Полное имя установлено сравнительно недавно, а в более ранних работах встречается и другой вариант.

рия. Сеян несомненно начал действия, направленные на захват власти, и неясным остается только степень, до которой он дошел к моменту своего падения.

Информация источников о последних годах правления Тиберия содержит сведения о бесконечных процессах, жутких оргиях принцепса на Капри и постепенной передаче власти Гаю. Период «либерализма» закончился, принцепс усилил деспотический курс. В условиях постоянного террора сенат в основном разбирал дела об оскорблении величия. Тиберий вел себя как хозяин, а сенат был настолько запуган террором, что выполнял все его приказы. После дела Сеяна Тиберий был в сильной депрессии. Сеян долго пользовался его доверием, и теперь принцепс был настолько потрясен случившимся и боялся заговоров, что девять месяцев практически ни с кем не общался и не решался выйти из виллы (Свет. Тиб., 65).

Число процессов резко возросло. Мы знаем о 52 процессах 31—37 гг. Они становятся более жестокими: 16 обвиняемых были казнены, 11 покончили с собой и только 4 оправдали. Террор последних лет Тиберия значительно превзошел террор при Сеяне. Пиком его стали 31 и 32 гг. Тацит упоминает только 4 процесса 31 г., но их небольшое число вызвано утратой основной части текста. В 32 г. произошло 17 процессов, в 33 г. — 12. Были уничтожены многие сторонники бывшего префекта. После казни семьи Сеяна была принуждена к самоубийству Ливилла. Жертвами стали Юний Блез, П. Вителлий, Секстий Пакониан, Луканий Лациар, Квинт Сервей, Юний Галлион и многие другие. Наконец, в Гемониях принцепс устроил избиение всех оставшихся заключенных, обвиненных по делу Сеяна (Тац. Анн., VI, 19). Светоний сообщает, что многие кончали с собой, а другие подвергались пыткам (Свет. Тиб., 61).

Кроме того, принцепс добил семью Германика, оставив в живых только Гая. В 32 г. от голода умер Друз, а в 33 г. умерла Агриппина, обращение с которой становилось все более жестоким (Там же, 53, 54). Во время процесса умер или покончил с собой Азиний Галл. Обстановка была такова, что даже Кокцей Нерва, проводивший все годы пребывания Тиберия на Капри рядом с принцепсом, умертвил себя голодом. Снова состоялся процесс Планцины, и на сей раз она была осуждена (Тац. Анн., II, 23, 26). После 33 г. волна процессов спала, но их общее число оставалось достаточно высоким: в 35 г. состоялось 4, в 36 г. — 3, а в 37 — 5 процессов.

Завершая рассмотрение террора при Тиберии, отметим несколько общих моментов. Общим местом традиционной «реабилитации» Тиберия является утверждение, что террор и значение процессов сильно преувеличены античными авторами. В источниках упоминается 79 процессов об оскорблении величия. О 75 сообщает Тацит, более 10 упоминает Дион Кассий

(из них 4 не указанных Тацитом). Кроме того, Светоний и Дион Кассий рассказывают эпизоды, не упомянутые у Тацита, что отчасти объясняется отсутствием его V книги. Дион Кассий рассказывает о казни некоего Сириака, обвиненного в дружбе с Азинием Галлом, Руфа Гемина и его жены Приски, жутком терроре сразу после смерти Сеяна (Ксиф., 145—146, 153—154) и наказаниях за плохие высказывания об Августе, Ливии и самом Тиберии, ужесточившиеся после дела Сеяна (Дион Касс., 57, 19). Ряд дополнительных штрихов дает Светоний. «...А когда ответчик был осужден, обвинения такого рода дошли до того, что смертным преступлением стало считаться, если кто-либо перед статуей Августа бил раба или переодевался, если приносил монету или кольцо с его изображением в отхожее место или публичный дом, если без похвалы отзывался о каком-либо его слове и деле. Наконец, погиб даже человек, который позволил в своем городе оказать ему почести в тот день, в какой когда-то они были оказаны Августу» (Свет. Тиб., 58). Светоний, Тацит и Дион Кассий сообщают о казни М. Эмилia Скавра, написавшего трагедию «Атрей», в которой он «порицал Агамемнона», может быть, намекая на принцепса (Свет. Тиб., 61; Тац. Анн., VI, 29; Ксиф., 154). Светоний также пишет о пытках и казнях на Капри в ходе следствия об убийстве Друза в 31 г. (Свет. Тиб., 62). Таким образом, число жертв было значительно большим, тем более, что *lex maiestatis* действовал и в провинциях, а для Тацита, Светония и Диона Кассия, как и любого римского автора, характерна преимущественная концентрация внимания на столице и высших сферах.

Число жертв было велико, и хотя, конечно, Тиберий уничтожил меньше, чем погибло во время проскрипций Суллы и триумвиров, террор принцепса произвел на современников не меньшее впечатление, чем эти события. Проскрипции были кратковременными мероприятиями и осуществлялись в условиях гражданских войн или после их окончания. Процессы об оскорблении величия при Тиберии проводились после длительного раха Рима в условиях нормального мирного развития, будучи фактором, действующим более долговременно. Для античных историков, рассматривавших события прежде всего через призму моральных оценок, *lex maiestatis* и его применение при Тиберии были почти таким же нарушением нормальной жизни, как и гражданские войны.

Наследниками Тиберия остались его внуки, сын Германика Гай и сын Друза Тиберий Гемелл. Оба были для него нежелательны. Гай происходил из уничтоженной принцепсом семьи Германика, и Тиберий не мог ему доверять (Тац. Анн., VI, 46; Дион Касс., 58, 28; 59, 1; Иос. Флавий. Иуд. древн., XVIII, 206—224), а когда стало известно о связи Ливиллы с Сеяном, принцепс вполне мог сомневаться в законности рождения Ге-

мелла (Дион Касс., 58, 23; Свет. Тиб., 62). Матери обоих, Агриппина и Ливилла, были жертвами террора Тиберия. Видимо, из-за этого император так и не смог сделать выбор и не особенно заботился об обеспечении их власти. Кроме того, и Гай, и Тиберий Гемелл были еще слишком молоды.

В 33 г. Гай стал квестором и, как ранее внуки Августа, Тиберий и Друз, получил право занимать все должности на 5 лет раньше положенного срока. В 35 г. Тиберий написал завещание, по которому Гай и Гемелл становились равноправными наследниками имущества принцепса (Свет. Тиб., 76; Калиг., 14). Как раз в это время Гай начал подготовку к борьбе за власть.

Сын Германика нашел могущественного союзника в лице Макрона, который понимал, что жить Тиберию осталось недолго и начал завоевывать доверие нового хозяина. Жена Макрона Энния по приказу мужа стала любовницей Гая, и тот даже обещал на ней жениться (Тац. Анн., VI, 45; Дион Касс., 58, 28; 59, 10; Свет. Калиг., 12).

В начале 37 г. Тиберий заболел, и к марту состояние его было так плохо, что врач Харикл заверил Гая и Макрона, что император не проживет и двух дней (Тац. Анн., VI, 50). Оба стали рассылать послания войскам и наместникам. 16 марта 37 г. с Тиберием случился обморок. Решив, что он умер, Гай собрал своих сторонников и был готов провозгласить себя императором. В это время принцепс пришел в себя. Гай и его окружение были в панике, но Макрон приказал задушить больного Тиберия.

В политике в отношении Рима и Италии Тиберий продолжал романо- и италоцентристскую линию Августа. В отношении гражданства и либертов продолжалась та же политика, а данных о расширении гражданского коллектива нет. У власти остались республиканские и связанные с ними новые нобили. Впрочем, если старый нобилитет продолжал доминировать в начале принципата Тиберия, то к концу его принципата он стал сходить со сцены. Так, если из 20 консулов 14—23 гг. старые нобили занимали 14 должностей (считая семью принцепса), то из 28 консульств 24—37 гг. на их долю приходилось 15. Дело было не только в терроре, который гораздо больше затронул новую знать, а прежде всего в вымирании старой знати и ее расслоении в массе имперского нобилитета, который представлял верхушку италийского, а позднее и провинциального общества.

В отношении города Рима Тиберий, как и Август, предпринял ряд мер для поддержания его благосостояния. В 27 г. произошел пожар на Целии, а в 36 г. на Авентине. В обоих случаях император предпринял интенсивное восстановительное строительство, а в 36 г. выделил 100 млн. сестерциев для покрытия ущерба. Очень популярным было сокращение в 19 г.

налога на продажу с 1 до $1\frac{1}{2}\%$ (Там же, I, 78; II, 42, IV, 64; VI, 45).

Концентрация преторианской гвардии не только усиливала императорский контроль, но и стабилизировала правопорядок в городе. Хорошо налаженным стало снабжение хлебом. Префектом анноны все время правления был Г. Турраний, что создавало известную стабильность, а сам принцепс однажды заявил, что раздал хлеба не меньше, чем Август. Цены на зерно падали (Там же, IV, 64; VI, 45). Основное строительство в Риме Август уже завершил, и ко времени Тиберия относится небольшое число построек. В 21—22 гг. был построен преторианский лагерь, а еще ранее — храм Августа у Палатина. Наконец, явным показателем монархического стиля правления являлась роскошная резиденция самого Тиберия на Палатине. Народные массы Рима были недовольны резким сокращением расходов на зрелища, которое принцепс проводил очень последовательно (Свет. Тиб., 34).

В начале правления Тиберий испытывал определенные трудности в отношениях с армией, и после восстановления легионов ему пришлось сократить срок службы до 16 лет, отменить службу *sub vexillum* после 20 лет и удвоить суммы, завещанные Августом армии (Тац. Анн., I, 36; Свет. Тиб., 48). После этого возмущений в войсках не было, и старая система была восстановлена. Принцепс постепенно отменил все послабления. Светоний указывает, что злоупотребления по продлению службы продолжались. Мирная политика Тиберия в целом не способствовала росту значения армии, и, как и при Августе, принципат эффективно ее контролировал.

Тиберий продолжал и финансовую политику Августа; главным изменением было ужесточение финансового контроля, что вызвало у древних авторов мнение о его «скупости». После смерти принцепс оставил в фиске огромный запас в 2,7 млн. сестерциев. Главными причинами этого успеха были эффективная система провинциального управления, сокращение военных расходов (Свет. Калиг., 37, 48), во многом вызванное мирной политикой, и режим экономии, сокращение расходов на зрелища, экономия на армии и аппарате, сокращение *beneficia* частным лицам, сделанные Августом (Свет. Тиб., 8). Именно за счет этих накоплений проводились эффективные меры для подъема экономики: борьба с пожарами, наводнениями, кризисами, снижение цен и налогов. Все данные говорят о том, что крупного роста внесенатского аппарата императора не происходило, а сенатская часть его аппарата оставалась без изменения. Пожалуй, единственным важным преобразованием явился рост значения должности префекта претория. Сеян, а затем Макрон превратились в главных функционеров императора и его фактических заместителей.

Общая ситуация в провинциях оставалась стабильной.

...красный стиль управления Тиберия, а Дион Кассий и Светоний, а также Иосиф Флавий сообщают, видимо, подлинную фразу Тиберия о том, что он хочет, чтобы «его овец стригли, а не сдирали с них шкуру» (Дион Касс., 57, 10; Свет. Тиб., 31; Иос. Флавий. Иуд. древн., XVIII, 6). Разумная налоговая политика в сочетании с необходимыми послаблениями и материальной помощью тоже давали свои плоды.

Принцепс довольно эффективно боролся с коррупцией, и за время его правления состоялось много процессов о вымогательствах, что показывает не только коррупцию, но и борьбу с ней. Примечательно, что крупные должностные преступления наместников и грабеж провинций стали проходить не только по делам о вымогательствах, но и как оскорбление величия. Из круга Тиберия вышло много способных администраторов: Л. Вителлий, Юний Блез, Корнелий Долабелла, Поппей Сабин, Л. Апроний. Тиберий также практиковал длительное нахождение способных наместников на постах. Тем не менее в период правления Тиберия уже заметно и немалое количество проявлений недовольства провинциалов. Часто оно шло по легальным каналам, когда последние жаловались на наместников и добивались их осуждения. Вместе с тем были и открытые выступления, обычно вызванные налогами, а иногда, видимо, связанные и с *lex maiestatis*.

В основном крупные восстания происходили в малороманизированных районах (Фракия, Нумидия), однако в 21 г. произошло восстание в Галлии. Мелкие выступления случались в разных местах. Недовольства в Иудее были постоянны. Сардиния изобиловала разбойниками (*latrones*). В 24 г. малоазийский город Кизик был наказан лишением статуса свободного города за «*iniuria* к церемониям Августа» и «насилие против римских граждан». В том же году некий испанец убил наместника Ближней Испании Луция Пизона и тут же покончил с собой. В 28 г. из-за махинаций римлян во время сбора бычьих шкур произошло восстание фризов (Тац. Анн., II, 85, IV, 45, 72—74), а в 36 г. в Каппадокии восстало племя клитов.

Во время походов Германика Галлия являлась достаточно надежным тылом, но его походы вызвали рост налогов. В 21 г. два знатных галла, имеющих римское гражданство, подняли восстание. Один из них, Юлий Флор, поднял племя треверов, второй, Юлий Сакровир,— эдуев. К восстанию присоединились андекавы и туроны. Движение треверов вскоре подавили, однако восстание эдуев было серьезнее. Сакровир сумел захватить Августодун и собрал большое войско. Против восставших были брошены 2 легиона Гая Силия. Недалеко от Августодуна произошло сражение, в котором галлов разбили, а сам Сакровир покончил с собой (Там же, II, 40—46). После восстания 21 г. в Галлии сохранялось спокойствие вплоть до 68 г.

Уже в 15 г. произошло важное изменение в провинциальной структуре. Македония и Ахайя в целях сокращения налогов и для улучшения экономического положения были переданы императору; общий контроль над ними осуществлял легат Мезии Поппей Сабин (Там же, 80). Такого рода реформа наглядно показывала преимущество императорской системы управления провинциями. Пожалуй, одним из главных достижений политики Тиберия было завершение проведенного Августом закрепления рейнской и дунайской границ. На последней сохранялось спокойствие все время принципата Тиберия, а на Рейне в самом начале его правления Германик начал решительную атаку, планируя покорение земель между Рейном и Эльбой.

В 14 г. сразу после прекращения мятежа Германик с 12 тыс. легионеров внезапным ударом разгромил племя марсов, населявших район к югу от Липпе. На следующий год Германик атаковал всей рейнской армией. 4 легиона под командованием Германика разгромили хаттов (район современного Нассау и Гессена), а другая колонна Цецины, атакуя с севера, снова прошла через область марсов и напала на херусков. Это большое племя населяло низовья и среднее течение Везера вплоть до Эльбы, и в 9 г. являлось главной силой антиримского восстания. Среди херусков была сильна и проримская партия во главе с тестем Арминия Сегестом. При подходе римлян Сегест присоединился к ним, передав Германику жену и новорожденного сына вождя восстания (Там же, II, 56—58). Цецина двинулся к р. Ализии и разбил союзников Арминия бруктеров. Легионы дошли до Тевтобургского леса, где похоронили остатки павших в 9 г. легионов Вара. На обратном пути римляне попали в засаду. Арминий использовал тот же прием, что и в борьбе с Варом. Особенно трудно пришлось Цецине, который оказался на грани разгрома и с большим трудом вырвался из окружения.

В 16 г. Германик изменил маршрут движения. Силий еще раз совершил рейд против хаттов, а затем римское войско морским путем, через Северное море вошло в р. Ализон (Эмс) и двинулось к Везеру, где на равнине Идиставизо римляне нанесли поражение войску Арминия. Вскоре произошло новое сражение, тоже завершившееся победой Германика. Обратный путь оказался очень тяжелым. По р. Эмс римляне вышли в Северное море, попали в бури и с большими потерями добрались до Галлии. В начале года Германик снова атаковал марсов и хаттов, но как раз в это время получил приказ принцепса прекратить военные действия. Тацит считал, что это было ошибкой, вызванной завистью Тиберия (Там же, II, 7—26), но скорее всего, приказ оказался результатом верного практического расчета, основанного на том, что германские кампании сопровождались большими потерями и были в основе своей бесперспективными.

После походов Германика Тиберий вел активную дипломатическую борьбу, используя внутренние разногласия в германском мире. В 17 г. в Германии были две крупные силы — херуски Арминия, доминирующие над племенами правого берега Рейна и бассейна Везера, и свебско-маркоманнское царство Маробода, расположенное между Дунаем, Рейном и Эльбой. На сторону херусков встали и ранее подчиненные Марободу эльбские племена семнонов и лангобардов. В большом сражении Маробод был разбит и обратился за помощью к Риму. В 19 г. в Иллирик был послан Друз. Видимо, не без помощи римлян в царстве Маробода произошел переворот, возглавленный Катуальдой. Маробод сдался римлянам и еще 18 лет прожил в Равенне на положении почетного пленника. Последний удар его царству нанесли гермундуры, которые изгнали и Катуальду. На границе было создано буферное вассальное царство во главе с Ваннием. Вскоре погиб и Арминий, против которого восстали его бывшие союзники (Там же, II, 44—46, 62—63, 88). Междоусобицы германских племен и римская дипломатия сорвали процесс объединения германцев, наметившегося в конце правления Августа, и вплоть до 68 г. серьезной угрозы Риму на Рейне не возникало.

В восточных провинциях продолжало сохраняться положение, создавшееся при Августе. С Тиберием было связано продвижение римского господства вглубь Малой Азии. В 17 г. были аннексированы Каппадокия, ставшая прокураторской провинцией, Коммагена, управляемая легатом-пропретором, и присоединенная в Сирии Киликия. Система вассальных царств практически исчезла, и римские владения стали простирались до Армении, что существенно укрепило границы империи.

Довольно эффективной была оборона на восточной границе. Кризисы в римско-парфянских отношениях были вызваны положением в Армении, где по преимуществу преобладали римляне. С 7 по 10 г. в Парфии правил Вонон, ориентировавшийся на дружбу с Римом. В 10 г. национальная группировка подняла восстание, к власти пришел Артабан II, а Вонон бежал в Армению, где захватил вакантный престол. Вскоре Артабан вытеснил его из Армении и попытался посадить на армянский престол своего брата Орода (Там же, II, 1—4). Вонон бежал в Сирию. В 18 г. Германик посадил на престол Зенона, сына понтийского царя Племона.

Мирные отношения существовали до 34 г., когда умер Зенон. Артабан снова попытался захватить престол для своего сына Аршака и даже начал требовать пересмотра римско-парфянских границ. Одновременно активизировались противники Артабана в Парфии, которым Тиберий передал одного из Аршакидов Тигридата — внука Фраата, младшего сына Фраата IV. В это же время с помощью римлян власть в Армении захватил брат иберийского царя Фарасмана Митридат. В сражениях парфян-

ская армия во главе с сыном Артабана Ородом была разбита. Тиридат сумел захватить Месопотамию и с помощью римлян оттеснить Артабана на восток. В 36 г. Артабан снова захватил власть, изгнав Тиридата, однако в Армении утвердился Митридат, а парфянский царь был вынужден пойти на договор с Тиберием (Там же, VI, 31—38, 43—47).

В сфере религии Тиберий продолжал политику Августа. В какой-то степени сдерживание неримских религиозных течений стало даже более жестким. Примечательно, что в основном эти действия проходили через сенат, выступавший в качестве хранителя полисной традиции. В 16 г. после дела Либона Друза из Рима были изгнаны маги и астрологи, а двое из них были казнены. В 19 г. сенат принял постановление против иудейских и египетских культов, а 4 тыс. вольноотпущенников — адептов этих культов были посланы в Сардинию для борьбы с разбоями. В 22—23 гг. сенат сократил право асиллии в греческих храмах. В плане религиозного оформления власти Тиберий был менее активен, чем Август, однако продолжал воздвигать храмы в провинциях. В 23 г. в Малой Азии был построен храм «Тиберию, его матери и сенату», а в 24 г. аналогичный храм появился в дальней Испании (Там же, II, 32, 85; III, 60—63, IV, 37).

Заканчивая обзор правления Тиберия, можно сказать, что принципат этого периода являлся принципатом Августа без Августа, и то, что в значительной степени политика Тиберия не удалась, показывает значение личной роли Августа в установлении и поддержании системы. Кроме того, общее развитие монархического элемента претерпело качественные изменения. Субъективно Тиберий стремился поддержать и продолжать традиции Августа, всячески подчеркивая свою преемственность. Это желание идти по инерции было вызвано всем объективным развитием общества, нашедшего в принципате единственную возможность существования. Провинциальная политика, развитие финансового управления, императорского аппарата, организация армии, религиозная политика являлись развитием и продолжением политики Августа.

Вместе с тем власть принцепса развивалась в сторону усиления ее монархического характера и институционализации. Большое значение имел первый переход власти, начавший превращение положения принцепса из чрезвычайной власти в монархический институт. Происходило усиление императорского аппарата и особенно роли префектов претория, которые стали превращаться в сильный противовес сенату. Наконец, самым сильным средством подчинения общества императору стал закон об оскорблении величия и его практика. Эти факторы привели к конфликту между римской верхушкой и принцепсом, который был сглажен при Августе и обострился в конце правления Тиберия и после него.

2. РАЗВИТИЕ МОНАРХИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ. ГАЙ КАЛИГУЛА

В момент смерти Тиберия Гай формально был частным лицом, ему исполнилось 25 лет, и он являлся сонаследником еще более молодого Тиберия Гемелла. По римским правовым понятиям он не имел никакого правового статуса. Тем не менее сработали факторы чисто монархического характера. Как сын Германика молодой Гай Калигула³² пользовался большой популярностью в народе. Кроме того, через Агриппину он был родным правнуком Августа. Важным фактором являлась поддержка преторианцев Макрона. Сразу же после смерти Тиберия Макрон отправился в Рим, чтобы способствовать приходу Гая к власти.

Новые правители пошли на довольно необычный шаг. Завещание Тиберия они объявили недействительным, поскольку принцепс будто бы не был в здравом уме (Дион Касс., 59, 12). Отмена завещания снимала и пункт, касающийся Гая, но в пользу последнего было положение старшего в семье и происхождение от Августа и Германика. Кроме того, он воспользовался тем, что формально завещание давало только имущество.

18 марта 37 г. Гай по решению сената получил проконсульский империй, трибунскую власть и остальные полномочия принцепса. По Светонию, определенную роль сыграл народ, ворвавшийся в курию (С. I: L., VI, 2028 с; Дион Касс., 59, 32; Иос. Флавий, Иуд. древн., XVIII, 234; Свет. Калиг., 14). Приход Калигулы к власти явился новым этапом становления принципата как системы. Вотивование полномочий произошло быстрее, чем у Тиберия, и Гай уже не имел необходимости в сложной игре, которую вел его предшественник. Власть Гая обуславливалась только династическим фактором, поскольку личной карьеры, подобно Тиберию, он не сделал.³³ Как и ранее, армия, провинции и народ дали присягу *in astra* и *in populum*. Титул Августа новый принцепс не взял и обычно именовался Гай Юлий Цезарь Германик.

Первые мероприятия императора были направлены на завоевание популярности. 28 марта он вступил в Рим, поместил тело Тиберия в Мавзолей Августа и произнес погребальную речь, в которой обещал править совместно с сенатом и под его руководством. После этого принцепс прекратил действие закона об оскорблении величия и амнистировал заключенных. Многие деляторы были наказаны, а протоколы процессов матери и братьев он публично порвал на форуме. Изгнанники были возвращены, а запрещенные труды Тита Лабиена,³⁴ Кассия Севера и

³² Прозвище «Калигула» (сапожок) Гай получил в детстве в лагере Германика.

³³ Mommsen Th. *Römische Staatsrecht*, Bd II, S. 824.

³⁴ Историк времени Августа.

Кремуция Корда разрешены (Дион Касс., 59, 3; Свет. Калиг., 15, 1; Иос. Флавий. Иуд. древн., 23; Десс., 164). В русле общей политики, главными лозунгами которой являлись *clementia* и *concordia* (согласие и милосердие), император начал восстанавливать статус семьи Германика и, как и Август, получил золотой щит. Наконец, Калигула заявил о восстановлении *iuris dictio* магистратов.

С другой стороны, ряд мероприятий помог ему завоевать симпатии широких масс. Гай вернул из изгнания актеров, возобновил в небывалых масштабах столь любимые народом зрелища, практически прекратившиеся при Тиберии. Гладийские бои, театральные представления, травли зверей, приводившие в восторг население Рима, стали почти непрерывными. Новым элементом явилось участие в играх самого Гая, а также высокопоставленных сенаторов и всадников (Свет. Калиг., 18; 54; Ксиф., 157).

На фоне праздничного угара произошли усиление монархического принципа и экзальтация власти и личности императора. Сам Калигула подчеркивал династический принцип своей власти. Отношение к Тиберию было двойственным: с одной стороны, ему устроили торжественные похороны, коллегия Арвальских братьев во главе с Гаем приносила ему жертвы (С. I. L., VI, 2028 с, 39; 2028, 8), с другой стороны, смерть Тиберия вызвала радость в сенате, который наотрез отказался его обожествить, на чем Гай, впрочем, и не настаивал. Завещание было аннулировано, однако после прихода к власти Гай усыновил Гемелла в день его совершеннолетия и стал именовать *princeps iuventutis* (Свет. Калиг., 15; Дион Касс., 59, 8; Филон. О пос., 25—28).

Традиция Тиберия стала вытесняться традицией Германика. Калигула совершил торжественную поездку на Пандатерию и Понтию и перенес в Рим прах Агриппины и Нерона. Германику и Агриппине приносились ежегодные жертвы, а в честь последней были устроены цирковые игры (С. I. L., VI, 2028 с, 31; 2030, 5; 2029, 1; 32346, 12; Свет. Калиг., 15; Дион Касс., 59, 3). Появилось много монет и надписей с изображением родителей и братьев принцепса.³⁵

Почестей были удостоены и живые члены семьи. Сестры принцепса Агриппина, Друзилла и Юлия стали упоминаться в присяге на верность императору, получили полномочия весталок и почетные места на играх (Свет. Калиг., 15; Дион Касс., 59, 3). Даже дядя императора, брат Германика Клавдий, считавшийся умственно неполноценным и неспособным к управлению, получил консульство на 37 г. вместе с самим Калигулой.

³⁵ Gelzer M. *Iulius (Caligula)* (133). — RE, Bd 10. Stuttgart, 1918, S. 387—388.

Вместе с тем правление Калигулы начало омрачаться перспективой финансового краха. Зрелища, раздачи и строительство требовали грандиозных сумм; доходы же, наоборот, сократились из-за некоторых неудачных действий на востоке. Личные расходы Гая были огромны. Светоний сообщает, что только за один день принцепс потратил 10 млн. сестерциев (годовой налог нескольких провинций), а один из его фаворитов, колесничий Эвтих, получил за победу в состязании сразу 2 млн. Неудивительно, что уже к 38 г. режим Гая оказался в состоянии финансового дефицита и огромные накопления Тиберия стали подходить к концу (Свет. Калиг., 18, 28, 32, 35, 37, 54).

В октябре 37 г. принцепс заболел. По всей империи постоянно молились о его выздоровлении. Калигула выздоровел, но его политика настолько изменилась, что в обществе прочно установилось мнение о его сумасшествии. Независимо от решения вопроса с позиций современной науки³⁶ безусловным было то, что современники Калигулы и античная традиция не сомневались в его ненормальности и поведение его действительно было ненормальным с точки зрения современного ему общества. После выздоровления принцепс приказал центуриону преторианцев убить Гемелла (Дион Касс., 59, 8; Филон. О пос., 23—31; Свет. Калиг., 23; 28). Приказ покончить с собой получили Макрон и Энния. Убийство префекта было вызвано нежеланием Калигулы терпеть рядом с собой всемогущего министра, кроме того, принцепс, видимо, мстил за его прошлое — близость к Тиберию, а одно время и к Сеяну (во время уничтожения семьи Германика). Новой чертой было то, что процессы происходили не в сенате, а принцепс единолично решал судьбу видных сановников империи.

В 39 г. режим оказался на грани финансового краха. Роскошь двора дошла до невероятных размеров, огромные средства тратились на зрелища, строительство дворцов, транспортировку в столицу различных сооружений и предметов роскоши (Сен. Диал., XII, 10, 4; Свет. Калиг., 37; Плин. Ест. история,

³⁶ Проблемой психической нормальности Гая Калигулы занимались многие исследователи, как историки, так и психологи и психиатры. Мнения разделились. Некоторые ученые считали его душевнобольным (Widemeister W. *Caesarenwahnsinn*. Berlin, 1875, S. 85ff; Domaschewski A. von. *Geschichte der römischen Kaiser*, Bd II, S. 11f), другие, наоборот, полагают, что он был психически нормален (Schiller H. *Geschichte der römischen Kaiserzeit*, Bd I, S. 306). Диапазон определения болезни колеблется от шизофрении до психопатии, причем последняя версия, пожалуй, в наибольшей степени признается современными исследователями и кажется убедительной (Lucas J. *Um empereur psychopathe*. — AC, 36, 1967, p. 159—187; Baisdon J. P. V. D. *The principates of Tiberius and Gaius*. — ANRW, T. 2, Bd 2, p. 92—94). Некоторые исследователи просто не решаются сказать ничего определенного и оставляют вопрос открытым. Немалую трудность представляет не только сложность подхода с современными критериями к человеку древности, но и проблема достоверности информации источников, особенно при описании симптомов ненормальности.

XVI, 20 в, XXXVI, 70; 74;). Оставались и традиционные расходы на армию, преторианцев и управленческий аппарат.

Чтобы компенсировать дефицит, Калигула создал грандиозную систему грабежа и провел серию финансовых мероприятий. Начался рост цен, которые превысили уровень при Августе и Тиберии. Увеличились налоги, причем правительство проявляло невероятную изобретательность. Были повышены налоги на продукты питания, учреждены налоги с тяжбы, на носильщиков и проституток. Калигула ввел экстраординарные поборы, подарки принцепсу к новому году, подарки его дочери в день рождения и т. п. Позднее, после подавления заговора, в котором участвовали его сестры, Гай устроил принудительную распродажу их имущества по фантастическим ценам. Устраивались притоны и «клубы азартных игр», которые были настолько дорогостоящими, что клиентов туда часто загоняли силой (Свет. Калиг., 38—42, Дион. Касс., 59, 14). Важнейшей статьёй дохода являлась конфискация имущества казненных и террор, заставлявший многих людей делать его сонаследником и как бы постоянно откупаться от принцепса. Императорская собственность невероятно выросла.

Не сокращая, а даже увеличивая расходы двора, император начинал сокращать расходы на зрелища. Ответной реакцией явилось недовольство широких масс населения Рима, которые подавлялись самыми дикими методами. В палатий зной по приказу принцепса внезапно убирали навес, сознательно устраивались драки, а тем временем толпу разгоняли палками (Свет. Калиг., 26). Итогом «финансовой политики» Калигулы стало ухудшение отношений с имущими слоями. Процесс заходил все дальше и дальше; рост доходов вел к росту роскоши двора, которая требовала новых вымогательств. Образовывался порочный круг.

При Калигуле начала создаваться иная, чисто монархическая и даже монархо-теократическая концепция власти. Возникло представление, что все подданные являются рабами монарха (δοῦλοι αὐτοκράτορος οἱ ὑπὸοι). Гай объявил себя одушевленным и единственным законом (Филон. О пос., 119; ср.: Свет. Калиг., 22 — *speciem principatus in regni formam convertere*; Дион. Касс., 59, 10; Иос. Флавий. Иуд. древн., XIX, 202). Принцепс отменил деятельность юрисконсультов, заявив, что никто, кроме него, не может толковать право. Наконец, логическим развитием этой идеологии стала мысль о вседозволенности принцепса (*Omnia mihi et in omnis licere* — «Мне можно все в отношении всех») (Свет. Калиг., 29; 34).

Изменение концепции власти подчеркивалось и внешне. Калигула стал носить особую одежду, и если Август и Тиберий по одежде мало отличались от массы сенаторов, то Гай ходил в одеянии триумфатора, шелках и цветных накидках. Видимо, с 39 г. по инициативе Л. Вителлия была введена церемония

проскинесиса — падение ниц или целование ног (или пола перед ногами). Императору часто целовали и руки (Дион Касс., 27, 59; Свет. 1) Калиг., 52; 2) Вит. 2; Филон. О пос., 116; Тац. Анн. VI; 32; Сен. О благ. II, 12).

Такая политика и недовольство, которое она неизбежно должна была вызывать, привели к росту репрессий. Их число превзошло даже количество репрессий конца правления Тиберия. Среди казненных были бывший тесть Гая М. Юний Силан, наместник Паннонии Кальвизий Сабин, Титий Руф, отец Агриколы Юлий Грецин, Юлий Кан, претор Юний Приск, префект Египта Авиллий Флакк. Были и массовые казни. Однажды принцепс велел перебить всех, находившихся в изгнании. Многих принуждали к участию в гладиаторских боях (Тац. Агр., 4; Свет. Калиг., 23, 28; Дион. Касс., 59, 13; 8, 18; Филон. 1) О пос., 62—72; 2) Против Флакка, 185; Сен. Диал., IX, 14, 4—10, XI, 13, 4).

Новым в репрессивной политике Гая явилось то, что он противопоставил себя сенату в целом, первым из принцепсов заявив о своей прямой враждебности ему. За общими обвинениями последовали конкретные действия: Калигула отобрал у сената африканский легион, тем самым лишив его всякой вооруженной силы.

В середине сентября 39 г. принцепс отправился в Германию и уже в октябре прибыл на Рейн. Причин, вероятно, было две. Во-первых, чувствуя свою непопулярность, принцепс хотел компенсировать положение за счет военных успехов, и не исключено, что он планировал вторжение в Британию.³⁷ Второй причиной была организация крупного заговора, важную роль в котором играли войска в Германии.³⁸ Во главе заговора стояли бывший муж Друзиллы Марк Эмилий Лепид, командующий верхнегерманской армией Гн. Корнелий Лентул Гетулик и две сестры Гая — Агриппина и Юлия. Гетулик был очень популярен в армии и вел себя независимо даже в конце правления Тиберия (Тац. Анн., VI, 30). Внезапное прибытие императора спутало все планы заговорщиков, Гетулик и Лепид были казнены, а сестры отправлены в ссылку (Свет. Калиг., 29). Армия получила большой *donativum*, что удержало ее от выступления.

После этого император провел ряд рейдов в Германию. Поход Калигулы Светоний изобразил в самых карикатурных тонах. После принятия изгнанного из Британии Амминия, сына царя Кинобеллина, Гай послал донесение о захвате острова. Затем он инсценировал несколько сражений с германцами,

³⁷ Philipps E. J. The emperor Gaius' abortive invasion of Britain. — *Historia*, 19, 1970, S. 369—374; Davis G. W. The abortive invasion of Britain by Gaius. — *Historia*, 15, 1966, S. 124—128.

³⁸ Gelzer M. Julius (134) (Caligula). — *RE*, Bd 10, S. 402; CAH, vol. X, p. 659; Faur J. C. La première conspiration contre Caligula. — *RBPh*, 51, 1973, p. 19—50.

причем роль последних играли германцы из его охраны. В довершение всего принцепс построил войска на берегу, приказав легионерам собрать морские раковины, после чего занялся подготовкой к триумфу (Там же, 43—26). Карикатурные детали маловероятны, но едва ли стоит присоединяться к тем авторам, которые считают кампании Гая против германцев и подготовку похода на Британию крупными и значимыми фактами.³⁹ Скорее всего, действия Калигулы свелись к маневрированию, мерам по улучшению дисциплины и незначительным операциям, поэтому и помпа по поводу «выигранной кампании» не могла не вызвать недоумения.

Германский поход стал новым этапом антисенатской политики. После казни Лепида и Гетулика, принцепс написал сенату о заговоре. За спасение Гая были принесены жертвы, в том числе и коллегией Арвальских братьев. По предложению Т. Флавия Веспасиана сенат дал ему ovatio и отправил посольство во главе с Клавдием (С. I. L. VI, 2029, 6; Свет. Весп., 2; Клавд., 9). Принцепс отказался его принять, а Клавдия даже приказал бросить в реку. После этой истории дядя императора попал в опалу.

В 40 г. в Лугдуне Гай вступил в третье консульство. После германского похода начались репрессии против галльской знати, вызванные как желанием пополнить свою казну, так и подозрениями в связях с Гетуликом. Конфискации дали огромную сумму в 150 млн. драхм. В начале весны 40 г. император предпринял попытку начать переправу в Британию, но вступил в конфликт с армией, которая отказалась туда идти (Ксиф., 166; Свет. Калиг., 19).

Сенат снова послал посольство к императору, но тот принял его крайне враждебно, заявив, что сенат не оказывает ему должных почестей. В мае 40 г. Калигула был уже в Италии. Перед въездом в Рим он отказался от данного ему сенатом триумфа и совершил только овацию. Тем не менее овация, состоявшаяся 31 августа, была обставлена с невероятной помпой. Слуги принцепса получили приказ не жалеть денег, а сам он разбрасывал золото и серебро с базилики Юлия (Дион. Касс., 59, 25; Свет. Калиг., 37, 46—49).

Во время своего возвращения Гай издал эдикт, в котором отказывался от звания принцепса и заявлял, что вернулся не к сенату, а только к всадникам и народу (Свет. Калиг., 49). Этот эдикт разрывал систему Августа, построенную на взаимодействии принцепса и сената и их идеологическом единстве при доминировании принцепса. При Гае обе части этой системы не только реально, но и формально оказывались в состоянии конфликта. Принцепс демонстрировал провозглашение абсолютной монархии, и его действия явились государственным пе-

³⁹ Bicknell P. The emperor Gaius' military activities in A. D. 40.—*Historia*, 17, 1968, S. 496—505.

реверотом. После середины 40 г. правление Калигулы вступило в новую фазу.

Наибольшие возможности в плане экзальтации власти содержал в себе культ императора, и именно в этом плане развивалось и положение Гая Калигулы. Уже в 38 г. он пожелал быть выражением всех богов и стал показываться в одежде божеств и с их атрибутами — молнией (Юпитер), трезубцем (Нептун) и жезлом (Плутон), а иногда и в одежде Венеры (Филон. О пос., 79, 149—150; Дион. Касс., 59, 26; Свет. Калиг., 22, 52).

В Риме был открыт храм *pumini* Гая, жертвы которому приносились цесарками, павлинами и фламинго. Храм *pumini* еще вписывался в традицию, однако другой храм, необычайно роскошный, был уже посвящен лично Калигуле (Павс., IX, 27, 3; Плин. Ест. история, XXXV, 18; Десс. 962, 8815; Иос. Флавий. Иуд. древн., XIX, 7; 10; Свет. Калиг., 22; 57; Дион Касс., 59, 28). Культовое имя Калигулы не совсем ясно. Сенека передает его как *Caesar deus poster* (Сен. Диал., IX, 19, 4), Светоний — как *Caesar Optimus Maximus* или *Iuppiter Latiaris* (Свет. Калиг., 22). Определенного имени могло и не быть, но распространение культа живого императора бесспорно. Как божество Калигула вошел в божественную семью и начал устанавливать с ними «семейные» отношения. Он переселился на Капитолии, «вступил в брак» с Луной, а храм Кастора и Поллукса превратил в вестибюль перед дворцом. Позднее император решил «переселить» Юпитера с Капитолия в свой дворец. Была создана коллегия жрецов нового бога. Главным из них стал сам Калигула; кроме него, в коллегия входили его жена Милония Цезония, дядя Клавдий и виднейшие сенаторы (Там же; Ксиф., 170).

Главной чертой Калигулы было, вероятнее всего, не стремление к положению абсолютного и теократического монарха, а восприятие себя как сверхчеловека, которому все дозволено. Гай не столько строил новое общество, сколько бросал вызов существующему, попирая все общепринятые нормы. Его деструктивный стиль поведения проявился как в казнях и репрессиях, так и в отношении к богам. Еще больше он был виден в демонстративных издевательствах над окружающими. Так, например, любимой шуткой принцепса было одеть задремавшему Клавдию на руки сандалии и внезапно разбудить его с тем, чтобы тот тер ими свое лицо (Свет. Калиг., 26; Клавд., 9).

Казни и расправы зачастую были обставлены издевательским и необычайно жестоким образом. Император заставлял сенаторов бежать за своей колесницей, кормил людьми диких зверей, всенародно жаловался, что его правление не отмечено стихийными бедствиями, постоянно отпускал цинично-издевательские шутки. Однажды принцепс вызвал к себе трех консуляров и, проплясав перед до смерти испуганными сенаторами, отпустил их домой (Свет. Калиг., 55, 26—28; 30—32; 54).

Калигула переосмыслил свою династическую традицию. Из родословной были практически изъяты те, кто непосредственно по крови не принадлежал к императорской семье, а именно Агриппа и отчасти Ливия. Принцепс объявил, что его мать Агриппина родилась от инцеста Юлии и самого Августа. С другой стороны, была возрождена традиция Марка Антония, прадеда Калигулы, что было явным вызовом августовской традиции. Издевательство по отношению к традиции — тоже характерная черта политики Калигулы. По его приказу были разрушены элогию Форума Августа, кроме того, он хотел запретить Гомера, Вергилия и Тита Ливия. Несколько родов лишились своих инсигний: Манлии Торкваты — ожерелья, Квинкции Цинциннаты — золотой пряжи, а Помпеи — прозвища «Магн». Одной из страстей Гая было уродование красивых людей (Там же, 23, 34, 35).

Террористическая политика Калигулы, уничтожающая все традиции и неограничено возвышающая правителя, не могла не вызвать ответной реакции. Противодействие выразилось в серии заговоров, которые и стали главной формой борьбы с деспотической властью. В 40 г. квестор императора Бетилен Басс и Секст Папиний организовали заговор против Калигулы. Заговор был раскрыт и виновных судили перед *consilium principis*, на котором присутствовала Цезония. Заговорщики были казнены. Напуганный император заявил о примирении с сенатом, сказав, что гневается только на некоторых. «Примирение» символизировало объявление Гая богом, сделанное сенатом (Дион Касс. 59, 26; Тац. Анн., XVI, 17; Сен. Диал., V, 18, 3, 19, 2).

Калигула начал отступать от своей линии на полный разрыв с сенатом, однако примирение оказалось внешним. Высшие круги государства понимали, что единственный способ покончить с новой политикой — это убить императора.

Новый заговор охватил окружение Гая и был чрезвычайно разветвленным. Во главе его стояли преторианские офицеры Кассий Херея и Корнелий Сабин. В заговор были посвящены оба префекта претория и видные либерты императора — Каллист и, вероятно, Нарцисс (Дион Касс., 59, 29; 37—46; Иос. Флавий. Иуд. древн. XIX, 18; 46; 48; Свет. Калиг., 56, 58). Кроме того, среди заговорщиков были видные сенаторы — консул Валерий Азиатик, Анний Винициан, Эмилиий Регул и др. Для убийства были выбраны Палатинские игры (конец января 41 г.).

24 января 41 г. принцепс шел на дневной завтрак и театральное представление. В подземном переходе заговорщики решили воспользоваться моментом. Первые удары нанесли Херея и Сабин. Гай упал. Центурионы, участвовавшие в заговоре, оттеснили толпу и добились принцепса, нанеся около 30 ран. Несколько заговорщиков и сенаторов были перебиты подоспевшими германскими телохранителями, но было уже поздно.

Гвардия подчинилась своим офицерам, а германцев удалось успокоить. Толпа городской черни, сочувствующая Калигуле, бросилась на форум, требуя расправиться с заговорщиками, но ее успокоил консул Валерий Азиатик, объявивший себя главным организатором заговора. Консул Гней Сентий Сатурнин издал эдикт, призывая сенат и народ к порядку и обещая снижение некоторых налогов. Сенат с энтузиазмом встретил Херею и Сабина, которые бросились в курию с криками, что они вернули свободу. По приказу Хереи были убиты жена и дочь императора (Иос. Флавий, Иуд. древн., XIX, 104—111; 157—160; 190—200; Дион. Касс., 59, 29, 30; Сен. Диал., II, 18, 3; Свет. Калиг., 58, 59).

Короткое правление Гая Калигулы не оказало воздействия на провинциальную и внешнюю политику, однако некоторые действия, в основном негативные, были предприняты. Новый император практически разрушил восточную границу, воссоздав здесь систему вассальных царств. Была восстановлена Коммагена, царем которой стал Антиох, сын казненного при Тиберии одноименного правителя. Значительная часть Киликии и Ликаонии перешла к новому царству, а часть Каппадокии — к Малой Армении и Понту-Боспору, где теперь правили Котис и Полемон, сыновья фракийского царя Котиса, бывшие друзьями детства Калигулы. Увеличивалось и Иудейское царство Ирода Агриппы.

План самого Гая переправиться в Британию не удался, однако завоевание острова стало политической задачей империи, которую осуществил преемник императора Клавдий. Другим мероприятием по расширению империи стала аннексия Мавритании, что, в сущности, было закономерным итогом закрепления римлян в Африке. Римское влияние в этом царстве усилилось во времена Августа и Тиберия, а в 40 г. Калигула казнил царя Птолемея и объявил о превращении Мавритании в провинцию. Вскоре вольноотпущенник Птолемея Эдемон поднял восстание, подавлять которое пришлось уже новому принцепсу.⁴⁰

Большинство исследователей склонны видеть в правлении Калигулы эскалацию монархического элемента принципата, считая его, однако, носящим по преимуществу деструктивный характер. К этой точке зрения, конечно, следует присоединиться. Видеть в Калигуле крупного политического деятеля, отказавшегося от «половинчатой линии» Августа в пользу «более последовательно прямого курса», невозможно.⁴¹

Правление Калигулы представляло собой попытку принципата ликвидировать дуализм и установить абсолютную монархию. Попытка эта носила деструктивный и преждевременный

⁴⁰ Fishwick D. The annexation of Mauretania.— *Historia*, 20, 1971, S. 467—487.

⁴¹ Gelzer M. *Caligula*, S. 85ff.

характер. Происходила не постепенная трансформация всего общества, а внезапная и вызывающая эскалация личности правителя. Реакцией на нее было убийство императора, а затем восстановление более традиционных отношений. Правление Гая было деструктивным эпизодом, едва не приведшим к свержению принципата и приведшим к финансовому краху. Оно показало, что только постепенная трансформация была единственным путем развития. Воздействие, однако, оказало не столько само короткое правление, сколько впечатление от него, которое было еще сильнее, чем от террора Тиберия. Результатом явилось усиление страха перед монархической властью. После этих событий установление монархии стало вестись более тонко, хотя и весьма последовательно.

После убийства Калигулы консулы Гн. Сентий Сатурнин и Кв. Помпей Секунд созвали сенат. Курия была окружена городскими когортами, которые поддержали 4 преторианские когорты. Сатурнин предложил заговорщикам почести и сравнил Херею с Брутом и Кассием, а некоторые сенаторы открыто предлагали не избирать нового принцепса и, таким образом, восстановить республику. И все-таки большинство сенаторов считали, что принципат необходим. Новая серия дебатов касалась уже вопроса о конкретном кандидате, среди которых были Анний Винициан, Валерий Азиатик, командующий легионами в Германии Сервий Гальба и Камилл Скрибониан. В конечном счете сенат не пришел ни к какому определенному решению, и за это время все решили другие силы.

Большинство преторианцев ворвались во дворец с целью грабежа. Там они нашли спрятавшегося дядю Калигулы Клавдия, который во время убийства был при императоре, а затем пытался скрыться. Клавдия отнесли в лагерь и провозгласили императором. Узнав об этом, войска, вставшие на сторону сената, стали его покидать. Переговоры между Клавдием и сенатом длились целый день. Наконец, 25 января сенат признал Клавдия и дал ему все полномочия принцепса. Как Тиберий и Калигула, он получил все сразу. Принцепса поддержали не только солдаты, но и народные массы, тоже настроенные монархически (Ксиф., 173; Иос. Флавий. Иуд. древн., XIX, 160; Свет. Клавд., 10).

Эпизод 24—25 января явился последней попыткой сенатской знати ликвидировать принципат, однако события показали прочность системы и монархического принципа.

3. ПРИНЦИПАТ КЛАВДИЯ

Клавдий, сын Друза и брат Германика, принявший официальное имя Тиберий Клавдий Цезарь Август Германик, был уже пожилым человеком. В детстве он перенес паралич, у него была неуклюжая походка, тряслась голова и заплетался язык.

Клавдия считали умственно неполноценным, и ни Август, ни Тиберий не допускали его к власти, а Калигула, хотя и сделал консулом, держал его на положении домашнего шута. Традиция подчеркивает трусость, глупость, недоверчивость и жестокость Клавдия, изображает его игрушкой в руках жен и либертов. Влияние последних было значительным, но смелая, разумная и оригинальная политика Клавдия дает несколько иное представление о его личности.⁴² Кроме всего прочего, Клавдий был одним из самых образованных людей своего времени и даже писал исторические труды: историю Карфагена и Этрурии (Свет. Клавд., 31, 42). Общей политической линией Клавдия после гибели Калигулы были компромисс и возвращение к системе Августа при сохранении приоритета принцепса.

Некоторые главные заговорщики были уничтожены. В основном это были непосредственные убийцы — Херея, Юлий Луп и др. Большинство, однако, уцелело, а некоторые из них стали близкими к императору людьми. Вопреки просьбам сенаторов, *damnatio memoriae* Гая не было, а 24 января не было объявлено праздником. Вместе с тем, об обожествлении предшественника не было и речи, многие статуи Калигулы были убраны, а его имя исчезло из ряда надписей. Некоторые распоряжения Гая были отменены. Процессы об оскорблении величия прекратились, а в специальном эдикте Клавдий выдвинул версию о сумасшествии Гая (Иос. Флавий. Иуд. древн., XIX, 268—271; 284—285; Ксиф., 175; Свет. Клавд., 11; Дион. Касс., 60, 4), подхваченную Сенекой, а позднее Тацитом и Светонием. В заключение принцепс объявил «прощение и забвение навсегда» (*veniam et oblivium in perpetuum*). Действия после смерти Калигулы должны были символизировать ликвидацию обоих эксцессов — правления Гая и сенатской попытки ликвидировать принципат — вернуть Рим в русло августовской системы.

Подчеркивая династическую традицию, Клавдий оказал почести умершим членам семьи — своему отцу Друзу, Тиберию и Германику, а имя Августа «стало для него самой священной и самой любимой клятвой». Ливия была обожествлена. Преномен императора Клавдий отклонил (Свет. Клавд., 11, 12). Он перешел к более разумной финансовой политике, улучшил снабжение города хлебом, которое при Гае стало нарушаться, начал более гибкий курс в отношениях с сенатом. Нормальная жизнь восстанавливалась.

Вместе с тем правление Клавдия было отмечено рядом моментов, придававших ему противоречивый характер. Сенаторы, бесспорно, предпочитали его Калигуле, но оппозиционные настроения, особенно в среде старой знати, существовали. Послед-

⁴² Momigliano A. L'opera dell'imperatore Claudio. Milano, 1932; САН, vol. X, p. 674—701; Carney T. F. The changing picture of Claudius. — АС, 1960, 3, p. 99—104.

ней явно не нравились авторитарные тенденции правления, которые, пусть не так явно, как раньше, но все-таки существовали. Особенно непопулярным был рост влияния семьи принцепса, придворного и внесенатского аппарата, прежде всего императорских либертов. С другой стороны, новая служилая знать его поддерживала и была главной опорой принцепса в верхах.

Эта ситуация отразилась и на правлении. Крупных репрессий при Клавдии не было, хотя Светоний говорит о гибели 35 сенаторов и 400 всадников (Свет. Клавд., 29), эта цифра явно преувеличена, и конкретных данных гораздо меньше. Клавдий почти не карал за иные преступления, кроме прямых заговоров, однако многие стали жертвами его жен и либертов. Уничтожающей волны заговоров при нем не было, но были и заговоры, и репрессии.

В 41 или 42 гг. по инициативе Мессалины и Нарцисса Клавдий казнил Г. Аппия Силана. В 42 г. в Далмации восстали 2 легиона под командованием Фурия Камилла Скрибониана. Со Скрибонианом были связаны другие видные сенаторы—Анний Винициан, Помпоний Секунд и Цецина Пет. Мятеж носил персональный характер, его участники хотели сменить принцепса, тем более что Скрибониан и Винициан рассматривались как возможные кандидаты 24—25 января 41 г. Через 4 дня легионеры убили Скрибониана и снова подчинились Клавдию (Ксиф., 176, 177; Свет. Клавд., 13).

Светоний упоминает о трех покушениях: один раз принцепса хотел убить какой-то «человек из плебеев» и дважды — всадники. Возможно, одно из них — это покушение всадника Кв. Нония в 47 г. Мотивы этих попыток убийства неясны. В 46 г. Азиний Галл и Статилий Корвин, оба дальние родственники правящего дома, «с участием множества императорских либертов и рабов» организовали заговор против принцепса (Свет. Клавд., 13; Дион Касс., 60, 27). После раскрытия заговора Корвин был казнен, а Галл изгнан.

Заговоры вызвали ответную реакцию в виде репрессий. Во многих из них обвиняли жену императора Статилию Мессалину, которую все источники представляют в самом черном свете. О разврате императрицы ходили самые невероятные слухи, кроме того, источники сообщают об ее алчности и жестокости. Известно о казнях префекта претория Катония Юста и двух аристократов — зятя императора Гнея Помпея Магна и его матери Скрибонии и Лициния Красса Фруги, видимо, ставших жертвами Мессалины. По обвинению в адюльтере были казнены и две Юлии — дочь Друза Младшего, сына Тиберия, и дочь Германика (Дион Касс., 60, 8; 18; 27; 29—31; Сен. Отыквление божественного Клавдия, II, 2; Свет. Клавд., 29). Середина правления Клавдия отмечена повышением деятельности деляторов, и, по крайней мере, двое из них — П. Суиллий и Коссуциан — были близки к особе принцепса.

Отношения с сенатом, особенно со старой знатью, были сложными, и Клавдий в основном опирался на служилое незнатное сенаторство и имперскую знать, тем более что из этой среды вышло немалое количество талантливых полководцев и администраторов. Видимо, именно при Клавдии имперская знать начала превращаться в правящий слой. Ближайшим советником Клавдия стал Л. Вителлий, консул 34 г., занимавший консульство также в 43 и 47 гг., оба раза вместе с императором, и, бывший также его коллегой по цензуре. Вителлий был сыном всадника из Нуцерии (Свет. Вит., 2). Нобилиями в первом поколении были выдвинувшиеся при нем братья Флавии — Тит Флавий Веспасиан и Флавий Сабин, а также П. Суиллий и Светоний Паулин. Среди окружения Клавдия были и нобили из старых семей — Гн. Домиций Корбулон, Сер. Сульпиций Гальба, А. Плавтий Сильван. Кроме того, Клавдий реорганизовал имперский аппарат, значительно усилив его, и внесенатская часть начала конкурировать с сенаторами. Роль императорских либертов возросла уже при Калигуле. Некоторые из них были казнены, но многие, как Каллист, Нарцисс и другие, перешли к Клавдию и заняли при нем важные позиции.

С их помощью принцепс создал или оформил дворцовые канцелярии. Их число неизвестно, но можно назвать, по крайней мере, 5: *ab epistulis* (по делам переписки), возглавляемая Нарциссом, через которую шла переписка принцепса; а *rationibus* — во главе с Паллантом, ведавшим всеми делами, связанными с собственностью императора; а *libellis* (по делам прошений), через которую проходили петиции; а *cognitionibus*, имевшая дело с юридическими делами и а *studiis* — своеобразная референтура императора, которой руководил Полибий, ведавший также и императорской библиотекой.

Канцелярии не имели официального статуса и, в сущности, не были принципиально новым явлением, поскольку как любой политик и вообще любой крупный собственник и рабовладелец император имел свой штат бюрократического персонала из числа рабов и либертов. Светоний, упоминая об этой терминологии, называет так только глав канцелярий (*Narcissus ab epistulis, Pallas a rationibus* (Свет. Клавд., 28), конечно, имевших огромный штат из рабов и либертов. Тем не менее близость к императору делала фактическую роль канцелярий огромной, и если они формально не могли принимать решения, то фактически делали это. Новшеством Клавдия было не создание этого аппарата, а его увеличение, более четкое деление на «отделы» и повышение престижа императорских либертов, начало легализации их положения. Расширение нового аппарата облегчало управление, приспособляя его к нуждам державы, и, кроме того, создавало новую правящую группу, не связанную с сенатом.

Императорские либерты получили большие почести. Нар-

цисс и Палант по решению сената имели *ornamenta* преторов и квесторов, Полибий прогуливался в сопровождении консулов, евнух Посид получил награду во время британского триумфа (Свет. Клавд., 28). Реальное их значение, роль и богатство были значительно больше, чем их официальное выражение, и наряду с имперской знатью, видимо, игравшей большую роль, либерты Клавдия входили в число людей, которые управляли государством.⁴³

При Клавдии заметно повысилась роль *consilium principis*, еще не сформировавшегося при Августе, оттесненного сенатом в первый период правления Тиберия и, наоборот, оттесненного единоличной властью в конце правления Тиберия и при Гае. При Клавдии роль совета возросла, и практически все основные решения он либо принимал в совете, либо, по крайней мере, обсуждал там дела перед вынесением их на суд сената (Тац. Анн., XI, 1—3; 34—35; XII, 1—4).

Совет императора продолжал оставаться неофициальным и не был четко определен, но являлся более или менее постоянным. В совете участвовали видные сенаторы (П. Вителлий, П. Суиллий, Цецина Ларг), императорские чиновники (префекты претория Руфий Криспин, Лузий Гета, потом Афраний Бурр, префект анноны Гай Турраний) и, наконец, либерты (Нарцисс, Палант, Каллист, Полибий). Часто на заседаниях присутствовали жены Клавдия — вначале Мессалина, а затем Агриппина.

Курс на усиление императорского аппарата проявился и в замене ряда сенатских чиновников лицами, подчиненными принципсу. Квестор Остин был заменен на *procurator portus Ostiensis*, а префект анноны окончательно вытеснил сенаторских префектов для раздачи хлеба (*praefecti frumenti dandi*), ведавших непосредственной раздачей. Надзор за дорогами, улицами и акведуками в Риме был передан императорским кураторам и прокураторам, а функции морских квесторов (*quaestores classici*) получили императорские префекты флота в Мизене и Равенне. Наконец, с 44 г. квесторов, ведавших охраной эрария, стал назначать принципс (Тац. Анн., XIII 29; Свет. Клавд. 24; Дион. Касс., 60, 24).

В 47 и 48 гг. Клавдий вместе с П. Вителлием исполняли должность цензора, что символизировало намерение принципса провести реформы и ревизию состава сената. Наиболее значимым событием цензуры стало крупное пополнение последнего за счет выходцев из так называемой «Косматой Галлии», включавшей Аквитанию, Лугунскую Галлию и Бельгику. Это был важный шаг в привлечении провинциалов, и прежде всего провинциальной знати, к управлению и актом превращения Гал-

⁴³ Dorey Th. *Claudius und seine Ratgeber*.— *Altertum*, 1966, S. 144—155; Oost S. I. *Marcus Antonius Pallas*.— *AJPh*, 79, 1958, p. 113—139; Momigliano A. *L'opera dell'imperatore Claudio*, p. 152, 155.

лии в партнера Италии. Смелое новшество вызвало протесты со стороны многих сенаторов, однако Клавдий произнес речь, которая явилась своего рода программой новой политики интеграции. Общей идеей принцепса было то, что римляне не есть «чистая нация», и Рим возвысился только потому, что всегда воспринимал лучшие достижения разных народов (Десс., 212; Тац. Анн., XI, 23—24). Решение сената все же носило компромиссный характер, *ius civitatis* получило только большое племя эдуев, которые были традиционным союзником Рима еще во времена Цезаря (Тац. Анн., XI, 25; Десс., 212).

Как и любой цензор, Клавдий исключил некоторых членов сената, но, судя по всему, радикальной смены состава не произошло. Появились новые патрицианские роды. Важным преобразованием было установление четкой военной всаднической карьеры (*equestris militia*).⁴⁴ Офицерская служба всадника начиналась с префекта когорты, затем он получал алу; кроме того теперь всадники могли командовать легионами (Свет. Клавд., 25), что было шагом к замене сенатского аппарата внесенатским. Был проведен общий гражданский ценз и серия мелких реформ: реорганизация коллегии гаруспиков, меры по ограничению ростовщичества, улучшение снабжения Рима и добавление трех новых букв в алфавит. Сенат предложил Клавдию титул отца отечества, от которого он отказался (Тац. Анн., XI, 25, 15; Свет. Клавд., 20, 22, 46).

48 год явился поворотным пунктом в жизни императорского двора и отмечен самым крупным и странным заговором за время правления Клавдия. По версии Тацита, Мессалина решила вступить в брак с одним из своих любовников Гаем Силием и действительно сделала это во время отъезда принцепса в Остию (Тац. Анн., XI, 26—27). Версию о том, что брак был заключен, поддерживает и Светоний (Свет. Клавд., 29). Силий должен был усыновить Британника, и, возможно, прав Э. Мейзе, считавший, что одной из причин действий Мессалины была защита интересов Британника от посягательств со стороны ветви Германика и прежде всего дочери Германика Агриппины и ее сторонников. Вероятно, предполагалось устранить Клавдия, Агриппину и ее сына Л. Домиция Агенобарба.⁴⁵

Странным является как то, что брак был заключен до покушения на принцепса, которого, судя по источникам, не было, так и реакция императора и его окружения. Как либерты

⁴⁴ Schillinger-Haefele U. Claudius und Tacitus über die Aufnahme von Gallien in der Senat.—*Historia*, XIV, 1965, S. 443—454; Vittinghoff F. Zur Rede des Kaiser Claudius über die Aufnahme von "Galliern" in der römischen Senat.—*Hermes*, 1954, 82, S. 348—371.

⁴⁵ Meise E. Untersuchungen zur Geschichte der Julisch-Claudische Dynastie. München, 1969; Allen W. Nero's exentricities before the fire (Tac. Ann., XV, 37).—*Numen*, 9, 1962, p. 99—109.

Паллант и Каллист, так и приближенные советники Вителлий и другие практически бездействовали, и только Нарцисс сообщил о случившемся принцепсу через двух его наложниц — Кальпурнию и Клеопатру (Тац. Анн., XI, 29—30; Ксиф., 143). Клавдий настолько растерялся, что практически ничего не предпринял, а, быть может, заговорщики тоже брали это в расчет. Тем не менее контроль над событиями взял на себя Нарцисс.

Опираясь на поддержку префекта претория Лузия Геты и Туррания, Нарцисс убедил Клавдия вернуться в Рим и отправиться в преторианский лагерь. Заговорщики, узнав о приезде императора, которого, казалось бы, они должны были ожидать, впали в панику и разбежались, даже не пытаясь сопротивляться. В городе начались аресты. Ввиду ненадежности Геты командование преторианцами было временно передано Нарциссу. Дело Мессалины разбиралось перед *consilium*. С обвинением выступил Нарцисс, которого поддержали Вителлий и Цецина Ларг, и, несмотря на колебания Клавдия, императрица была осуждена. В преторианском лагере начались казни любовников Мессалины и сторонников Силия. Были казнены Силий, Титий Прокул, Веттий Валент, Помпей Урбик, Сауфей Трог, префект вигилов Декрий Кальпурниан, *procurator ludorum* Сульпиций Руф, преторий Юнк Вергилиан, всадник Травл Монтан и актер Мнестер, уже давно бывший любовником Мессалины. В отношении самой императрицы Клавдий долго колебался, и приказ о ее казни был отдан Нарциссом. Сенат принял решение убрать из всех общественных мест ее имя и статуи, а Нарцисс в награду получил квесторские *ornamenta* (Тац. Анн., XI, 31—33, 35—36; XII, 37—38).

Одно замечание Светония несколько меняет общую картину. Он сообщает, что брак совершался с ведома Клавдия, и заговорщики сыграли на суеверии, убедив его «перенести на другого угрозу опасности, возведенную ему какими-то знамениями» (Свет. Клавд., 29). В этом случае колебания принцепса и действия Мессалины и Силия становятся более понятными.

После казни Мессалины встал вопрос о новой жене Клавдия. Наиболее сильным претендентом была Агриппина, дочь Германика и родная племянница принцепса. Главным противником этого брака был Нарцисс, предлагавший бывшую жену императора (до Мессалины) Элию Петину.⁴⁶ Каллист предложил принцепсу жениться на Лоллии Паулине, бывшей жене Калигулы. В конечном счете победу одержала Агриппина. Кроме личного влечения Клавдия, на ее стороне было то, что она принадлежала к династии по крови, была дочерью Германи-

⁴⁶ Клавдий был женат 4 раза: на Плавтии Ургуланилле, Элии Петине, с которыми он развелся до принципата, Статилии Мессалине и Агриппине Младшей.

ка и правнучкой Августа. Агриппина имела поддержку в лице Палланта, ставшего ее любовником, и Вителлия. Главным препятствием оказалось близкое родство супругов, но Вителлий сумел организовать соответствующую петицию сената и народа (Тац. Анн. XII, 1—2; 3—8).

В 49 г. Клавдий и Агриппина вступили в брак, что имело далеко идущие последствия для наследствования. Наряду с сыном Клавдия и Мессалины Британником появился сын Агриппины от ее первого брака Л. Домиций Агенобарб, в пользу которого начала интриговать новая императрица, женщина необычайно властная, жестокая и способная на любые интриги. Последние годы принципата Клавдия были отмечены постепенным ростом влияния Агриппины, Нерона и их сторонников, которые готовили почву для установления своей власти. Уже во время подготовки брака Агриппина и Вителлий добились исключения из сената жениха дочери принцепса Октавии Юния Силана, а в день свадьбы Агриппины и Клавдия Силан покончил собой. Вскоре Октавия была помолвлена с Агенобарбом, воспитателем которого стал Сенека, враждебно настроенный к Клавдию хотя бы потому, что ранее был сослан им по делу об адюльтерах. Агриппина немедленно расправилась со своей соперницей Лоллией Паулиной (Тац. Анн. XII, 4, 8, 9, 22).

В 50 г. Домиций был усыновлен принцепсом и получил имя Нерона Клавдия Цезаря. Поскольку он был старше Британника, то автоматически оказывался старшим наследником и оттеснял родного сына Клавдия. В следующем, 51 г., Нерон получил *toga virilis*, был назначен консулом на 52 г., получил проконсульский империй за чертой города и титул *princeps iuventutis*. Произошла замена высших чиновников и занятие ключевых постов ставленниками Агриппины. Вместо Руфрия Криспина и Лузия Геты префектом претория стал Афраний Бурр, а некоторые либерты Британника были изгнаны. Еще в 50 г. Агриппина получила титул Августы, а с 51 г. начала пользоваться жреческой повозкой. В 52 г. Паллант получил преторские *ornamenta*. В 53 г. Нерон вступил в брак с Октавией. Тогда же состоялось его первое публичное выступление (речь в поддержку ходатайства жителей Илиона) (Там же, XII, 25—26, 42, 53, 58).

В 54 г. положение Агриппины усложнилось. Клавдий стал открыто выражать свое недовольство действиями жены, браком с Агриппиной и усыновлением Нерона. Вероятно, открытое выражение недовольства принцепса было неслучайным, поскольку совпало с совершеннолетием Британника. По Светонию, во время процедуры получения *toga virilis* Клавдий заявил, что теперь у римлян будет истинный Цезарь (Свет. Клавд., 43). Под воздействием Нарцисса император стал все больше отдаляться от Агриппины, и последняя решила его устранить.

Воспользовавшись отъездом Нарцисса в Синуэссу для поправки здоровья, императрица дала Клавдию яд в его любимых грибах. Вскоре принцепс скончался (Тац. Анн., XII, 64—67; Свет. Клавд., 44; Ксиф., 145).

В заключение остановимся на административной и провинциальной политике Клавдия. Его старая политика по усилению всесенатского аппарата продолжалась. Наиболее важным в этом плане был сенатус-консульт 53 г., давший прокураторам право юрисдикции с обязательным выполнением их распоряжений. Легализация прокураторов завершилась. Заключилось также и оформление фиска (Ditt. Syll., 3800; Сен. О благодеяниях, VIII, 6, 3), а социальный статус прокураторов возрос вместе с их полномочиями, что выразилось в увеличении числа прокураторов-всадников.⁴⁷

Наряду с явным новаторством в политике Клавдия присутствовали и консервативные тенденции. Примечательно, что император, которого считали игрушкой в руках либертов, наказывал других вольноотпущенников, если они узурпировали всаднический ранг (Плин. Ест. история, XXXIII, 33; Свет. Клавд., 23; Диг., XXXVII, 14, 5). Женщины, вступившие в овязь с рабами, лишались свободного статуса. Клавдий восстановил коллегия гаруспиков, в чем сказался его интерес к Этрурии и древней истории. После 52 г. были изгнаны астрологи и маги. Наконец, во время цензуры Клавдий расширил пределы города Рима, поступив в соответствии со старинным обычаем, согласно которому тем, кто увеличил границы Империи, предоставлялось право отодвинуть и городскую черту (Тац. Анн., XII, 23).

Крупные новации затронули провинциальную политику, а действия Клавдия явились новым шагом в предоставлении гражданства жителям провинций. По цензу, проведенному принцепсом, в Империи насчитывалось 5 984 072 человека (Тац. Анн., XI, 25), что свидетельствовало об увеличении более чем на 1 млн. человек по сравнению с 14 г. н. э. Этот рост, конечно, был вызван не только естественным приростом, но и возросшим числом новых граждан. Вероятно, 1—2 млн. граждан уже оставляли жители провинций.

В наибольшей степени процесс интеграции проводился в отношении Галлии. Значительная часть галлов получила права римского гражданства или статус латинов, а знать из Нарбонской Галлии проникла в сенат. Во время цензуры Клавдий предложил дать *ius honorum* всем жителям Галлии, однако

⁴⁷ О проблеме прокураторов и реформе Клавдия см.: Horrowitz Ph. *Essai sur procurateurs gouverneux*. — RBPh, 1938, p. 53—62; Sherwin-White A. *Procurator Augusti*. — PBSR, XV, 1939, p. 11—26; Besnier R. *Les procurateurs provinciaux pendant le regne de Claude*. — RBPh, 1950, p. 439—450; Stockton D. *Tacitus, Annals XII, 60. A note*. — Historia, 10, 1961, S. 116—120.

решение было принято только в отношении эдуев. В любом случае, однако, сенатус-консульт имел огромное значение. Символичной была и возможность сенаторов выезжать в Нарбонскую Галлию без специального разрешения принцепса, что ранее распространялось только на поездки по Италии. На романизацию Галлии были направлены и другие мероприятия. Строилось большое количество дорог и городов, улучшивших коммуникации в стране. В 48 г. был запрещен друидизм, а в 47 г. ликвидирован вождь хаттов Ганаск, нападавший на галльское побережье (Тац. Анн., XI, 18—19; XII, 23).

Наряду с романизацией Галлии шел процесс романизации альпийских провинций. Племя центронов получило латинское право, а города Агунту, Теурнии, Вирулу и Целес — права муниципиев. Нориком теперь управлял всаднический прокуратор, а Рецию и Норик пересекла новая дорога. В более отсталых дунайских провинциях (Иллирике, Мезии и Паннонии) продолжалась военная колонизация. Произошло одно, но очень важное изменение. В 46 г. была аннексирована Фракия, и все балканские владения Рима стали единым блоком.

Новой чертой правления Клавдия явилось возобновление активного военного наступления, хотя войны носили локальный характер. Первой проблемой стала Мавритания. После убийства Калигулой царя Птолемея с 41 по 44 г. Рим боролся с восстанием во главе с либертом Птолемея Эдемоном. После победы Клавдий аннексировал всю Мавританию, разделив ее на две императорские провинции — Цезарейская и Тингитанская Мавритании, каждая из которых возглавлялась прокуратором. Новые провинции имели скорее значение буфера, и действительно, обстановка в Африке стала спокойной. В Иол, Типасу, Ликс и Тинги были посланы колонисты, а город Волюбилис получил римское гражданство за помощь в борьбе с Эдемоном.⁴⁸ Провинция Африка, отнятая Калигулой у сената, вновь стала сенатской.

В 43 г. Клавдий начал осуществлять старый римский план аннексии Британии. На остров была послана большая армия из 4 легионов и соответствующего числа вспомогательных войск во главе с А. Плавтием. 2 легиона — второй и четырнадцатый — были взяты из верхнегерманской группировки, 1 — двадцатый — из Нижней Германии. 4-м был выведенный из Мезии девятый легион. Для пополнения рейнской армии были созданы 2 новых легиона, пятнадцатый и двадцать второй *Primigenia*, а четвертый Македонский легион перешел в Верхнюю Германию из Испании, гарнизон которой составляли теперь только 2 легиона.⁴⁹

В действующую армию прибыл император. Войска перешли Темзу, захватили Камулодун, подчинив крупные племена

⁴⁸ САН., vol. X, p. 675—676.

⁴⁹ *Legiones.*— RE, Bd XX, S. 1363—1364.

иценов и регнов. К 47 г. юг острова стал провинцией Римской империи. В 49—50 гг. военные действия возобновились. Осторий Скапула подавил восстание иценов, подчинил декангов и бригаентов, а в заключительной кампании завоевал силуров (ныне Южный Уэльс) (Тац. Анн., XII, 31—39).

Политика на востоке была более традиционной, и Клавдий, как и Август, не стремился привлекать восточные провинции к управлению, а желал только обеспечить их надежную эксплуатацию. В Сирии и Малой Азии было основано большое количество колоний. В Сирии появилась военная колония в Птолемаиде, привилегии получил Тир, названный Клавдиополем; правда, судя по всему, в основном эти привилегии заключались в переименовании.⁵⁰ Несколько колоний было в Малой Азии: Амис, Неоклавдиополь, Клавдио-Селевкия (ранее Селевкия-Сидера) в Ликаонии, Дербе, Лаодикия Катакевиамена, Клавдиополь в Галатии. В конце правления Клавдия некоторые города были освобождены от налогов. В 53 г. эту привилегию получили Кос, Византий, Илион и разрушенная землетрясением Апамея (Там же, XII, 5). Сложности в восточной политике были связаны с Иудеей. В 44 г. после смерти Ирода Агриппы Клавдий превратил его царство в провинцию во главе с прокуратором, создав тем самым основу конфликта. В 52 г. в Иудее произошли восстания, которые вызвали необходимость вмешательства легата Сирии.

В целом правление Клавдия характеризовалось серией новаций, предполагавших развитие системы Империи, однако главной его чертой являлось становление системы Августа. При Клавдии укреплялся высший бюрократический аппарат, шло расширение национальной базы гражданства. К управлению стало широко привлекаться большое число провинциалов, особенно галлов, что явилось новым шагом к превращению Римской империи в Средиземноморскую.

4. ПРИНЦИПАТ НЕРОНА. КОНЕЦ ЮЛИЕВ — КЛАВДИЕВ

Некоторое время смерть Клавдия скрывалась, и происходила подготовка к приходу к власти Нерона. 13 октября 54 г. Бурр вывел Нерона к дежурной когорте, которая провозгласила его императором. Затем Нерона отнесли в преторианский лагерь, и гвардия получила донатив в 15 тыс. сестерциев. Сразу после этого сенат принял *lex de imperio*, а провинции и войска принесли присягу. Клавдию были назначены цензорские похороны, и первым после Августа император был обожествлен (Иос. Флавий. Иуд. древн., XX, 152; Тац. Анн. XII; 69; XIII, 3; Ксиф., 147). Приход Нерона к власти прошел спокой-

⁵⁰ Шифман И. Ш. Сирийское общество в эпоху принципата. Л., 1977, с. 241.

но, и массы населения с энтузиазмом встретили нового принцепса. Легионы и провинциалы надеялись на продолжение политики Клавдия, а сенаторы ждали смягчения автократических тенденций его правления. Сразу же после прихода к власти новый принцепс начал либеральный курс.

После сенатского постановления *de império* принцепс провозгласил свою программу. Он обещал править в стиле Августа, не разбирать все дела лично, сделать «отделенными дом и сенат» (*discretam domum et senatum*) и «восстановить древние обязанности сената». В управлении провинциями Нерон обещал четко разделить императорские и сенатские. Наиболее частым лозунгом начала правления была *clementia*. Суть программы заключалась в возврате к диархии Августа в гораздо более полном варианте, чем это сделал Клавдий, и отмене наиболее авторитарных элементов деятельности его предшественников. В принципе это было все, что требовал сенат, и неудивительно, что отношения с ним в начале правления были очень хорошими.

Показательно двойственное отношение нового режима к Клавдию. С одной стороны, его обожествили и устроили ему пышные похороны, с другой—начали подчеркивать враждебные ему тенденции, которые в конечном счете пересиливали. Выпады против предшественника содержались уже в тронной речи принцепса, постепенно они усиливались, и Клавдий превратился в ту карикатуру, которую мы видим у Светония. Логическим завершением этого процесса стал злой памфлет Сенеки «*Apocolocyntosis divi Claudii*» («Отыквление божественного Клавдия») и отмена его обожествления, видимо, предпринятая в 60 г. во время Нероний.⁵¹

Первый период правления Нерона, его так называемый *Quinquennium* (пятилетие), характеризовался согласием с сенатом. Ситуация во многом была сходна с началом правления Тиберия и первыми месяцами Калигулы, когда неуверенно чувствующий себя император начал заигрывать с сенатом. 54 год был отмечен массой сенатус-консультов. Практически все вопросы управления, начиная с подготовки войны с парфянами и кончая вопросом о гонорарах адвокатам, решались в сенате. Ответом были почести, оказанные сенатом: молебствия, на которых принцепс мог присутствовать в триумфальной одежде, его статуя в храме Марса Мстителя из золота и серебра и даже изменение порядка месяцев в году (он начинался с декабря—с месяца рождения Нерона). От всего этого, а также от титула отца отчества император отказался. В довершение ко всему принцепс отменил два дела об оскорблении величия (Тац. *Анн.*, XIII, 5—6; 8—9; 48).

⁵¹ Toynbee J. M. C. *Nero artifex. The Apocolocyntosis reconsidered.*—CQ, 1942, p. 83—93.

55 год начался с того, что вступивший в консульство Нерон запретил своему коллеге Антистию Вету принести присягу in aста. Год прошел во взаимных реверансах, а в 56 г. были проведены некоторые специальные мероприятия проаристократического характера, явно отражающие интересы сенатской верхушки. В сенате обсуждался вопрос о конфликтах либертов с патронами. Было принято решение, чтобы впредь такие дела разбирались перед сенаторами. Ограничивались полномочия низших магистратов, трибунов и эдилов, что тоже импонировало высокопоставленным сенаторам и четко разделяло старших и младших. В 58 г. многие сенаторы получили от Нерона материальную помощь. Наконец, в том же году возобновился старый обычай казни всех рабов, находящихся в доме в момент убийства хозяина, кроме того, к ним добавились и вольноотпущенники. В 61 г. отмечено наиболее жестокое проявление этого сенатус-консульта. Когда раб убил префекта города Педания Секунда, видный сенатор и юрист Гай Кассий Лонгин предложил казнить 400 рабов, находившихся в доме в момент убийства. Решение шокировало даже некоторых сенаторов, а народные массы пытались откровенно помешать расправе. Тем не менее сенат принял решение, а Нерон обеспечил его выполнение, расставив на пути воинские караулы (Тац. Анн., XIII, 28, 31, XIV, 15; Свет. Нерон, 15).

Вместе с тем линия Нерона, а точнее Бурра и Сенеки, которые реально руководили политикой, заключалась не только в заигрывании с сенатом; за ширмой этой «либеральной» политики проводились мероприятия в духе Клавдия, что особенно отразилось в финансовой политике. В 56 г. полномочия квесторов эрария были переданы двум префектам, что завершило установление контроля над государственной казной со стороны императорского аппарата. Фиск был, видимо, настолько сильнее эрария, что в 57 г. Нерон перевел 400 млн. из первого во второй. В 58 г. принцепс принял решение о полной ликвидации откупной системы, однако сенаторы выступили против и сумели переубедить его. Отказавшись от всего плана, Нерон принял ряд более мелких мер против публиканов, многие из которых были потом отменены (Тац. Анн., VII, 28, 31, 50, 51). Вытеснение откупной системы было характерным действием новой императорской политики, стремящейся к ограничению этого порождения республиканской организации.

Quinquennium Neronis был, пожалуй, одним из самых активных периодов борьбы с коррупцией. С 55 по 59 г. состоялось 10 процессов наместников по делам о вымогательствах, и хотя многие из них были оправданы, кампания произвела определенный эффект. Светоний сообщает о мерах против подделок заведений и особой тщательности суда и судопроизводства. Примечательно, что к концу «пятилетия» борьба с коррупцией затихла, что можно объяснить двойственным отношением к ней

сенаторов. Значительная их часть симпатизировала этим действиям, однако порой они ударяли и по сенату, и высшей бюрократии. Более популярной была, хотя и небольшая по масштабам, но имевшая большое моральное значение кампания против деляторов. Было принято решение о сокращении на $\frac{1}{4}$ наград тем, кто возбуждал дела об адюльтерах по закону Папия — Поппея, в ряде процессов были наказаны обвинители, а наиболее ярким случаем явились обвинение и ссылка на Балеарские острова крупнейшего делятора Публия Суиллия (Там же, XIII, 30, 33, 43, 52; XIV, 18; Свет. Нер., 15, 17).

Итогом «пятилетия» было то, что Нерон сумел завоевать симпатии сената и народных масс. Общая декларация об отмене наиболее одиозных форм давления на сенатскую верхушку, частые сенатус-консульты и практика совместного управления, демонстрация внешнего уважения, прекращение практики закона об оскорблении величия — все это в основном исчерпывало требования сенаторов и было выражением совместности правления. «Согласие» было усилено серией «реверансов» сената в адрес принцепса и сдержанностью Нерона при их принятии. Курс Нерона во многом напоминал политику Августа, но условия были новыми, и делать надо было меньше. Монархическая идея настолько закрепляется, что возникает представление о том, что всем добром правления сенат обязан принцепсу и его милосердию. Вопрос о реальной власти практически не стоял, так как сенат обладал только статусом подчиненного партнера. Политика Бурра и Сенеки сыграла положительную роль и в общей жизни Империи. Финансовые мероприятия способствовали ослаблению налогового гнета и оживлению торговли и коммерции, а борьба с коррупцией улучшала положение в провинциях. До 59 г. признаков волнения в провинциях практически не было.

Во внешней политике период 54—60 гг. был отмечен успехами в крупной войне с Парфией. Ухудшение римско-парфянских отношений началось еще при Клавдии. В 40—42 гг. началась борьба за власть между Варданом и Готарзом. Воспользовавшись этим, Клавдий поставил в Армению своего ставленника Митридата, брата иберийского царя Фарасмана. В 45 г. Готарз победил, а попытка свержения его с помощью Мехердата, сторонника проримской группировки, оказалась безуспешной. К власти в Парфии пришли агрессивно настроенные антиримские силы.

С 51 г. трон занял сильный и способный правитель Вологаз I, который пытался закрепить в Армении. В это же время сын Фарасмана Радамист с помощью интриг поднял восстание в Армении и убил Митридата. В 52 г. Вологаз сделал царем армян своего брата Тиридата, а к 54 г. парфяне захватили Армению. После того как Нерон принял энергичные меры для обороны границы, Вологаз, против которого к тому

же восстал его сын Вардан, был вынужден уйти из Армении и дать заложников (Тац. Анн., XIII, 6—7; 9—10).

Командующим на востоке стал Домиций Корбулон, который начал усиливать восточную группировку. К 63 г. в дополнение к 4 сирийским легионам из дунайских провинций на восток прибыли еще 3 (IV Скифский, V Македонский и XV Аполлонов).⁵² В 58 г. Корбулон вторгся в Армению и взял Артаксату, к 60 г. ему удалось взять Тигранокерт и полностью захватить Армению. Царем стал римский ставленник Тигран, а в стране был оставлен гарнизон из 1 тыс. легионеров, 2 когорт и 2 ал конницы (Там же, XIII, 35—41, XIV, 23—26).

Вместе с тем на фоне «общего согласия» существовали и некоторые тревожные симптомы. Вокруг молодого принцепса, пришедшего к власти в 17 лет, боролись две придворные группировки — одна концентрировалась вокруг Агриппины, центром второй стали Бурр и Сенека. Принципиальных политических разногласий между ними не было, и борьба в основном носила персональный характер. Агриппина как мать императора и вдовствующая императрица стремилась играть особую роль в управлении. Бурр и Сенека избрали другую линию — противопоставление Агриппине самого императора.

С самого начала правления Агриппина начала убирать бывших и потенциальных противников, обеспечивая безопасность престола. В 54 г. был убит Юний Силан, брат бывшего жениха Октавии Л. Юния Силана, убитого в 49 г. Следом за ним погиб Нарцисс. Вмешательство Сенеки и Бурра прекратило убийства, но положение Агриппины было очень прочным. Сразу после прихода к власти Нерон дал пароль преторианцам «Optima mater». Агриппина стала жрицей Клавдия, ей дали 2 ликтора, а временами она тайно присутствовала на заседаниях сената (Там же, XIII, 1, 2, 5).

Первое столкновение произошло на личной почве, когда Нерон влюбился в вольноотпущенницу Клавдию Акте и даже хотел на ней жениться. Это вызвало недовольство Агриппины и поддержку Сенеки и Бурра. Друг Сенеки Анний Серен предоставил свой дом для встреч Нерона и Акте. Отношения сына и матери ухудшались, императрица была вынуждена изменить тактику, но опала оказалась неизбежной (Там же, XIII, 12—13; Свет. Нерон., 28; 50; Ксиф., R. St., 150). Принцепс сместил Палланта, после чего Агриппина стала искать союзников в Октавии и Британнике. В ответ на эти действия Нерон отобрал у Агриппины телохранителей и удалил ее из дворца в дом Антонии. Убедившись в опасности Британника, Нерон решил его отравить и привел решение в исполнение (Там же, XIII, 12, 18; Ксиф., R. St., 150; Свет. Нерон, 28, 30, 50).

Новый конфликт начался в 58 г. после встречи Нерона с

⁵² Legiones.— RE, Bd XX, S. 1363—1364.

Поппеей Сабиной, светской львицей и женой друга императора М. Сальвия Отона. Отон был отослан в Лузитанию в качестве наместника, а принцепс начал подготовку к разводу с Октавией и браку с Поппеей, что встретило яростное сопротивление Агриппины. Борьба между сыном и матерью вступила в решающую стадию.

Первые годы своего принципата Нерон фактически не правил, и его действия показали, что чувственная артистическая натура принцепса, увлеченного играми, зрелищами и театром и при этом участвующего в оргиях, жертвами которых становились даже сенаторы, в перспективе сулила правление, сходное с режимом Калигулы. 59 год стал переломным. Под давлением Поппеи принцепс решает убить Агриппину. Авторы подробно описывают покушение на мать. Нерон велел построить корабль, который развалился в открытом море. Агриппине удалось выплыть, но, узнав об этом, принцепс послал солдат во главе с префектом Мизенского флота Аникетом, который расправился с бежавшей на одну из вилл императрицей (Тац. Анн., XIV, 1—9; Свет. Нерон, 34; Ксиф., R. St., 153—155).⁵³

Некоторые современные исследователи полагают, что решение приняли Бурр и Сенека, заставившие Нерона согласиться на убийство,⁵⁴ однако версия источников, единодушно изображающая обратное, явно более предпочтительна. В любом случае все они были в неравном положении: если Нерон убивал мать, то Сенека и Бурр только расправлялись с политическим противником.

После убийства Нерон заявил, что Агриппина организовала заговор. Сенека от имени принцепса написал послание, в котором обвинил Агриппину в стремлении захватить власть, возмущении сената и народа и, наконец, в покушении на Нерона. Формально Нерону удалось добиться поддержки общества. Сенат назначил молебствия, публичные игры в честь Квинкватров⁵⁵ и поставил золотую статую Минерве. День рождения Агриппины (6 ноября) стал *dies nefastus*. Принцепсу, вернувшемуся из Байи, была устроена торжественная встреча с поздравлениями. В Рим вернулись многие жертвы Агриппины, а прах Лоллии Паулины был торжественно перенесен в столицу (Тац. Анн., XIV, 11—13; Квинтилиан, VIII, 5; 18; Дион Касс., 51, 17, 2).

Несмотря на утверждения некоторых исследователей, со-

⁵³ Dawson A. Whatever happened to Lady Agrippina. — CJ, 64, 1969, p. 253—267; Ciaceri E. Nerone matricida. — RAI, III, 1941—1942, p. 289—298; Knappe A. H. La fin d'Agrippine. — REA, 1940, p. 466—472; Scott R. D. The death of Nero's mother. — Latomus, 33, 1974, p. 105—115.

⁵⁴ Ciaceri E. Nerone matricida, p. 297—298.

⁵⁵ Убийство произошло между 19 и 23 марта в дни Больших Квинкватров — праздников Минервы.

гласно которым убийство Агриппины не имело принципиального значения в отношении общества к Нерону,⁵⁶ нам представляется, что именно оно послужило переломом. Жуткое и противоестественное преступление не могло не испортить общего отношения к императору. Именно с этого момента человека, сломавшего одну из вечных человеческих ценностей, стали считать способным на все. Нерон сделал все возможное, чтобы сделать общество своим соучастником, и из страха все были вынуждены приветствовать убийство. Однако общество тем более не желало делить моральную ответственность с принцем, и все действия Нерона стали толковаться ему во вред. У всех авторов рассказ об убийстве Агриппины играет роль центрального поворотного пункта сюжета, и это хорошо отражает значение события. Такие настроения разделяли и те, кто при жизни не симпатизировал императрице. Агриппина вошла в историю как властная, жестокая, развратная и алчная императрица, но это никоим образом не оправдывало Нерона.

Нельзя недооценивать и обратное воздействие убийства Агриппины на императора. Нерон испытал сильнейшее психологическое потрясение и уже не мог править по-старому, понимая, что его репутация окончательно подорвана. С другой стороны, общая внешняя пассивность привела его к мысли о вседозволенности и уверенности, что сила принцепса может подавить все. С гибелью Агриппины Нерон почувствовал и известное освобождение от контроля, и именно этот противоречивый комплекс страха, вседозволенности, экзальтации собственной личности и создали жуткий образ Нерона второго периода правления.

После событий марта 59 г. император начал попытки реорганизации быта. Скорее всего в этом не было какой-то конструктивной идеи, и император, увлеченный зрелищами и играми, просто хотел заставить римские верхи сделаться его аудиторией. В 60 г. были учреждены новые игры — Неронии, которые должны были проходить каждые 5 лет на манер Олимпийских игр. Состязание носило спортивно-поэтический характер: соревновались в музыке, гонках колесниц, гимнастике, ораторском искусстве и поэзии. Показательно, что в программе не было традиционных для Рима гладиаторских боев. На играх председательствовали консуляры, присутствовали весталки, а сам принцепс выступал в ораторских состязаниях. В 61 г. был построен гимнасий, который через два года сгорел (Тац. *Анн.*, XV, 21, 22, 47, *Свет. Нерон*, 21). Игры стали второй причиной непопулярности Нерона, особенно среди знати. Греческая и римская традиции столкнулись, и игры на греческий манер с участием знатнейших людей были в представлении римлян только оргиями и «безобразиями» императора.

⁵⁶ Warmington B. H. *Nero: Reality and legend*. London, 1970, p. 46.

Старый курс по традиции продолжался. В 60 г. был принят сенатус-консульт, по которому лица, апеллирующие к сенату, вносили такой же залог, как и те, кто апеллирует к императору, что хотя бы внешне уравнивало оба суда. В том же году принцепс назначил избранных кандидатов в преторы легатами легионов (Свет. Нерон, 15; Тац. Анн., XIV, 27). Вместе с тем начали проявляться первые симптомы кризиса. В 60 г. появилась комета, после чего пошли упорные слухи о скором конце правления, тем более что принцепс действительно заболел. Отношение к нему становилось все более негативным. Сенатская знать и верхушка бюрократии были недовольны его образом жизни и новыми зрелищами. Последние импонировали народным массам, но репутация принцепса была безнадежно испорчена убийством Агриппины.

Еще более опасным выилось начало кризиса в провинциях и внешней политике. В 61 г. в Британии началось крупное восстание иценов во главе с царицей Боудиккой. Воспользовавшись тем, что наместник провинции Светоний Паулин отправился в экспедицию на остров Мону, ицены, возмущенные произволом и хищениями римской администрации и ростовщиков, восстали и захватили Камулодун, Лондиний и Верулакий, устроив там резню римских граждан. В решительном сражении вернувшийся Светоний разбил повстанцев, а Боудикка покончила с собой, но восстание нанесло сильный удар по римской провинции.

Второй неудачей был поворот к худшему в войне с Парфией. С 61 г. Тигран начал нападать на Адиабену, и по настоянию Тиридата и царя Адиабены Монобаза Вологаз снова вторгся в Армению. В 62 г. при Рандее были окружены 3 легиона Цезенния Пета, после чего римляне очистили страну. К 63 г. между Нероном и парфянскими послами был заключен договор, по которому царем Армении становился Тиридат, хотя диадему он получал от римского императора. Парфянская война была, в сущности, проиграна.

События 59—61 гг. подготовили поворот во внутренней политике, который проявился во второй период правления. В 62 г. умер Бурр. Разумеется, пошли слухи, что его отравил Нерон, и если Тацит еще высказывает сомнение, то Светоний и Дион Кассий сообщают об этом со всей определенностью. Новыми префектами стали Софоний Тигеллин и Фений Руф. Тигеллин оказался главной фигурой в окружении Нерона и проводником авторитарной политики. Смерть Бурра вызвала и отставку Сенеки, который попросил у принцепса отпустить его на покой. Вскоре были ликвидированы последние династические противники — Корнелий Сулла и Рубеллий Плавт (Тац. Анн., XIV, 51, 53—55; Свет. Нерон, 35; Дион Касс., 62, 13).

В 62 г. Нерон расправился с Октавией и вступил в брак с Пoppеей. Вскоре Октавия была обвинена по закону об

адольтере. Процесс был сфальсифицирован, а в качестве «любовника» дочери Клавдия фигурировал Аникет. В отношении Октавии добавилось обвинение в оскорблении величия. Аникет был сослан в Сардинию, где безбедно прожил оставшуюся жизнь, а Октавию умертвили по приказу принцепса. Действия Нерона вызвали волнения в народе, которые принцепс проигнорировал. В заключение были казнены либерты Паллант и Дорифор (Тац. Анн., XIV, 60—65; Свет. Нерон, 35).

Правление Нерона стало приобретать черты, характерные для режима Калигулы. Процессы об оскорблении величия возобновились. В сенате разбиралось дело претора Антистия Вета, обвиненного в написании стихов против принцепса. Сторонники Нерона требовали казни, но большинство сенаторов по инициативе Тразеи Пета высказались за изгнание, и принцепс не решился отменить это решение. Почти в это же время был осужден Фабриций Вейентон, обвиненный в аналогичных выпадах против видных сенаторов и продаже должностей и привилегий. По инициативе принцепса Вейентон был изгнан из Италии (Тац. Анн., XIV, 48, 49).

В 63 г. у Нерона и Пoppеи родилась дочь. Это был первый ребенок принцепса, и событие было отмечено молебствиями и играми. Весь сенат отправился в Анций поздравлять императора. Через 4 месяца ребенок умер и был обожествлен (Тац. Анн., XV, 23).

Поворот наметился достаточно четко, и с 64 г. Нерон вступил в конфликт вначале с верхами, а затем и с обществом в целом. В начале 64 г. Нерон устроил крупное театральное представление в Неаполе, где в качестве актера выступил он сам. Оттуда принцепс выехал в Беневент и собирался поехать в Грецию и Египет, однако по неизвестным причинам отложил поездку и вернулся в Анций (Там же, XV, 33, 34; Свет. Нерон, 20).

В июле 64 г. произошло роковое для принцепса событие. В ночь с 18 на 19 июля в Риме начался сильный пожар, который длился 6 дней, а затем через 3 дня возобновился. Из 14 *regiones* города 4 были уничтожены целиком, и только 3 оказались нетронутыми стихией. Остальные *regiones* были сильно повреждены. Нерон, прибыв в Рим из Анция, начал энергичную борьбу с пожаром. Буквально сразу же после того, как пожар был потушен, началась грандиозная реставрация, которая проводилась с явным учетом дефектов противопожарной организации. Кварталы стали более изолированными, улицы — широкими, высота домов была ограничена, дворы старались не застраивать. Улучшились противопожарная безопасность и система выброса мусора. В новом городе стало больше каменных построек.

Дурная репутация Нерона привела к тому, что массы населения пребывали в уверенности, что Рим подожгли по при-

казу императора. Дион Кассий и Светоний утверждают это определенно (Свет. Нерон, 38; Ксиф., 168), а Тацит оставляет вопрос открытым. Современные исследователи практически единодушно отвергают эту версию, и, вероятно всего, их мнение следует признать.⁵⁷ Важно, однако, то, что современники были уверены в виновности принцепса, даже несмотря на казнь обвиненных в причастности к пожару христиан (Тац. Анн., XIII, 44; XV, 38), а восстановление и перестройка города только убеждали в причастности принцепса к пожару. Другим следствием была необходимость крупных затрат, что, возможно, стало исходной точкой конфликта и с провинциями.

Вероятно, первой реакцией на пожар стал так называемый заговор Пизона. Состав его участников был весьма пестр; в него входили сенаторы Г. Кальпурний Пизон, Анней Лукан, Плавтий Латеран, Флавий Сцевин, Афраний Квинтиан, всадники Клавдий Сенецион, Церварий Прокул, Вулкаций Арарик, Юлий Авгурин, Мунаций Грат, Антоний Натал, Граций Фест. Лидерами, вероятно, были Латеран и Лукан, поэт и автор «Фарсалии», а также — Сцевин и Квинтиан. Возможно, круг заговорщиков был шире. Другую, сравнительно независимую группу заговорщиков составляли преторианские офицеры. В заговор вошел второй префект претория Фений Руф и группа офицеров — Субрий Флав, Сульпиций Аспер, Гавий Сильван, Стаций Проксум, Максим Скавр, Випстан Павел и, видимо, некоторые другие. Из 9 трибунов преторианской гвардии 3 являлись заговорщиками, а еще 4 сместили после заговора. Не исключено, что к заговору была причастна и дочь Клавдия Антония (Там же, XV, 49, 50, 53, 71, 79).

Всю эту пеструю группу объединяло только стремление убрать ставшего крайне непопулярным императора. Краткая формула обвинения была выражена на допросе Субрием Флавом, назвавшим Нерона «убийцей матери и жены, колесничим, лицедеем и поджигателем» (*parricida matris et uxoris, auriga, histrio et incendiarius*) (Там же, XV, 67). С недовольством этими самыми непопулярными действиями принцепса сочетались и другие мотивы. Сенаторы и всадники были недовольны автократическим курсом и процессами об оскорблении величия. Преторианцы возмущались не только Нероном, но и Тигеллином, кроме того, в свое время в гвардии была очень популярна Агриппина. Наконец, многие из заговорщиков имели личные мотивы. Лукан столкнулся с Нероном на почве поэзии, Пизон боялся принцепса, будучи одним из самых родовитых людей Рима, Фений Руф враждовал с Тигеллином.

⁵⁷ Hohl E. Domitius (Nero). — RE, Suppl., III. Stuttgart, 1918, S. 349—394; Warmington B. H. Nero. Reality and legend, p. 120—124; Newbold R. F. Some social and economic consequences of the A. D. 64 fire at Rome. — Latomus, 33, 1974, p. 858—869; Scheda G. Nero and the brand Roms. — Historia, 16, 1967, S. 111—115.

Все заговорщики сходились в необходимости убить Нерона, и почти все считали, что его надо заменить другим принципом. Республиканские настроения если и проявлялись, то в очень слабой форме, а 2 группы, гражданская и военная, были настолько автономны, что большинство даже не знало полного состава заговорщиков. Преторианцы склонялись к тому, чтобы объявить императором Сенеку, а сенаторы выдвигали самого знатного из них — Гая Кальпурния Пизона (Там же, XIII, 56).

Заговор был чуть не раскрыт в самом начале, когда некая Эпихарида, видимо, вольноотпущенница, связанная с заговором, хотела вовлечь в заговор офицера Мизенского флота Волузия Прокула. Прокул донес властям, но Эпихарида держалась очень стойко и никого не выдала, и позднее умерла под пытками, не сказав ни слова. Несколько раз покушение срывалось, наконец, было решено убить Нерона 12 апреля 65 г. во время *Iudi Secgae*. Буквально накануне покушения либерт Сцевина Милих донес на Сцевина и Натала. Арестованные Сцевин и Натал вскоре выдали Пизона, Лукана, Квинциана и Глития Галла. В числе причастных к заговору был назван и Сенека. Город объявили на осадном положении, везде были расставлены караулы. Следствием руководил Тигеллин. Гражданская часть заговорщиков была разгромлена. Пизон, Лукан, Сенецион, Квинтиан и Сцевин покончили с собой, то же самое заставили сделать и Сенеку (Там же, XV, 51, 53, 56—64; 70). Кроме участников заговора, Нерон уничтожил и других неугодных ему людей, в том числе консула Аттика Вестина, мужа овоей любовницы Статилии Мессалины, позволявшего себе независимое поведение.

Через Сцевина следствие вышло на военных. Сцевин и Церварий Прокул выдали Фення Руфа, после чего начались аресты среди преторианцев. Фений Руф, Субрий Флав и Сульпиций Аспер были казнены. После разгрома ядра заговорщиков начались массовые изгнания и ссылки. Были сосланы близкие к Сенеке Новий Приск и Цезений Макоим, Глитий Галл, Анний Поллион, бывший префект претория Руфрий Криспин, Клувдиен Квиет, Юлий Агриппа, Блитий Катулин, Петроний Приск, Юлий Альтин, несколько знатных дам. Сцевин, Церварий Прокул и Стаций Проксум были помилованы. В изгнание ушли многие представители интеллигенции, учитель Эпиктета стоик Музоний Руф и учитель поэта Персия Вергиний Флав (Там же, XV, 66—68, 70—72). Таким образом, Нерон ликвидировал многих сенаторов и всадников и значительную часть командного состава преторианцев.

Вторым префектом претория стал сын греческой куртизанки Нимфидий Сабин, гвардия получила по 2 тыс. сестерциев на человека, а сенат принял решение о молебствии богам. Апрель был назван Неронием, и испуганный сенат даже хотел объявить принцепса богом, от чего тот отказался (Там же, XV, 74).

В том же году снова отпраздновали Неронин, и император выступил в роли кифареда. Во время одной из семейных ссор Нерон нечаянно убил Полпею, ударив беременную императрицу ногой в живот (Там же, XVI, 5; Свет., Нерон, 35). Полпея была обожествлена, а ее тело по восточному обычаю забальзамировано и перенесено в мавзолей Августа.

Репрессии продолжались. Вскоре начался процесс сенатора Гая Кассия Лонгина и Юния Силана. Силан был убит, а Кассия сослали в Сардинию. Нерон уничтожил семью Рубеллия Плавта, его жену Поллиту и тестя, консула 55 г. Л. Антистия Вета. В 66 г. покончили с собой привлеченные к суду П. Антей и Осторий Скапула, были казнены отец Лукана Анней Мела, Аниций Цериал, сосланный год назад Руфрий Криспин, преторий Минуций Терм и консуляр Гай Петроний, возможный автор «Сатирикона», игравший при Нероне роль главного консультанта по искусству. Наконец, была уничтожена группа сенаторов-стоиков во главе с Тразеей Петом и Бареей Сораном (Там же, XV, 71; XVI, 16—35).

В 66 г. против Нерона был организован новый заговор, который возглавил приемный сын Корбулона Аний Винициан. Судя по жертвам, принесенным Арвальскими братьями 19 июня, заговор произошел летом. Поскольку «Анналы» Тацита были прерваны на процессе Тразеи Пета, мы не имеем детальной картины этого второго покушения. Винициан хотел убить Нерона в Беневенте (Свет. Нерон, 36). Лидеры заговора были казнены, и среди жертв была дочь Клавдия Антония.

25 сентября 66 г. Нерон выехал в Грецию. Накануне он вступил в брак со Статилией Мессалиной, но императрица осталась в Риме, а в поездке его сопровождали новая любовница Кальвия Криспинилла и евнух Спор. Принцепса охраняли гвардия Тигеллина и Augustiani. Управление Римом было поручено либертам Геллию и Поликлиту. Нерон хотел отдохнуть от кровавых событий в столице и снова выступить на сцене, рассчитывая найти в грехах понимающих зрителей. Принцепс проехал всю Грецию, действительно встретив восторженный прием, а в конце ноября 67 г. с большой помпой объявил свободу провинции Ахайя, что означало снятие с греков налогов. В Грецию были вызваны и затем казнены крупные представители военной знати — Корбулон и 2 легата Германии Сульпиций Скрибониан Руф и Сульпиций Скрибониан Прокул (Десс., 63, 17, 87, 94; Ditt. Syll., 814). Скорее всего, это было продолжение разгрома заговора Винициана. Действия Нерона настраивали против режима и военные круги.

Пожар Рима, заговор Пизона и казни 65—67 гг. окончательно восстановили против режима не только римскую элиту, но и армию и население Италии и провинций. В 64 г. положение во всей державе ухудшилось. Пожар Рима, растрата казны из-за колоссальных расходов Нерона, коррупция его прибли-

женных привели к тяжелой финансовой ситуации. В 66 г. началось крупное восстание в Иудее, получившее название Иудейской войны. На его подавление было брошено 3 легиона во главе с Титом Флавием Веспасианом. Характерным симптомом явилось то, что Гелий многократно просил императора вернуться, и, вопреки всем инструкциям, сам выехал в Грецию.

5. ГОД ЧЕТЫРЕХ ИМПЕРАТОРОВ

Нерон вернулся из Греции только в начале 68 г. Его возвращение было обставлено как приезд олимпийщика. На монетах императора изобразили как Аполлона Кифареда, а в процессиях несли 1808 победных венков. В этот момент началось восстание. В марте 68 г. легат Лугдунской Галлии Г. Юлий Виндекс, возводивший себя к царскому роду из Аквитании, созвал собрание своей провинции и поднял восстание против Нерона. Регулярных войск у Виндекса не было, но его поддержали арверны, секваны и Виенна, и, по сведениям Плутарха, скорее всего, преувеличенным, повстанцы имели 100 тыс. человек. Виндекс произнес речь на сходке, выдвинув основные причины своего выступления. Обвинения сводились к следующему: «Нерон ограбил всю вселенную, перебил цвет сената и убил мать». Затем Виндекс говорил о его распущенности и театральных выступлениях и в заключение призвал защитить «себя, римлян и всю ойкумену» (Ксиф., R. St., 182). По Светонию, Виндекс назвал его «дрянным кифаредом» и Агенобарбом, подчеркивая, что он не принадлежит к роду Цезарей (Свет. Нерон, 25; Плут. Гальба, 4, 5).

Характер движения Виндекса, основной силой которого были галльские провинциалы, вызывает споры. Некоторые исследователи полагают, что оно носило националистический характер,⁵⁸ но большинство видит в нем выступление не против Рима, а против Нерона.⁵⁹ На монетах Виндекса нет традиционных галльских символов, а, наоборот, фигурируют Iuppiter Optimus Maximus, Salus Generis Humani и Libertas. Все источники, лояльно настроенные к Римской империи, сочувствуют Виндексу и подчеркивают, что он освобождал от Нерона не только галлов, но и всех римлян. Кроме того, отложившись от Нерона, Виндекс присягнул сенату и народу (Плин. Естеств. история, XX, 160; Дион Касс., 63, 23).⁶⁰ Наконец, Виндекс обратился за помощью к наместнику Испании Сервию Гальбе, видному римскому аристократу и дальнему родственнику Ливии. Опреде-

⁵⁸ Henderson J. Life and times of the Emperor Nero. London, 1903, p. 396ff; Monigliano A. Nero. — In: CAN, vol. X, p. 739; Syme R. Tacitus. Oxford, 1958, p. 179.

⁵⁹ Brunt P. The revolt of Vindex and fall of Nero. — Latomus, XVIII, 3, 1959, p. 531—539; Hainsworth J. B. Verginius and Vindex. — Historia, XI, 1962, 1, S. 86—95.

⁶⁰ Brunt P. The revolt of Vindex... p. 90.

ленный националистический момент, конечно, был, и в известном смысле восстание Виндекса было толчком к восстанию Цивилиса. Тем не менее националистическое движение контролировалось римской верхушкой, которая направила его против Нерона, а не против Рима. В этом восстании сочетались остатки галльского национализма и новый имперский характер, что четко показало осознание Галлией своей особой роли в Империи.

В конце марта Гальба получил письмо Виндекса, в котором тот призывал его стать «защитником и вождем свободы» (*assertorem ducemque libertatis*). Виндекс написал и другим наместникам, но только Гальба не донес об этом Нерону, что уже было государственной изменой. На консилиуме друзей Гальбы Тит Виний, легат легиона и ближайший из его советников, высказался за то, чтобы принять предложение Виндекса. Узнав, что Нерон решил от него избавиться, Гальба присоединился к восстанию (Плут. Гальба, 4; Свет. Гальба, 9). Гальба освободил заключенных и выступил на сходке с обвинениями против Нерона. Он отклонил предложенный ему титул императора, объявил себя «легатом сената и римского народа» и утвердил нечто вроде своего сената (*instar senatus*) из местных жителей (Свет. Гальба, 9, 10; Плут. Гальба, 4, 5). Наместник разослал письма по провинциям и собрал войско, однако в его распоряжении были только 1 легион, 2 алы и 3 когорты.

В этот момент сработал тот механизм, который должен был действовать против галльских восстаний. Легат Верхней Германии Вергиний Руф присоединил к своим 3 легионам вексилляции из нижнегерманских легионов Фонтя Капитона и вспомогательные войска батавов (Тац. Ист., I, 51; 53; IV, 17) и осадил Вензотион. На помощь подошло ополчение Виндекса. Перед битвой Вергиний и Виндекс обменялись посланиями (Дион Касс., 53, 24). Уже это было для Вергиния государственной изменой. Согласно Плутарху, уже до сражения легионы Вергиния провозгласили его императором, от чего он отказался, заняв выжидательную позицию, которой, видимо, и объясняется начало переговоров с Виндексом. Не исключено, что между ними было достигнуто какое-то соглашение.⁶¹

Сражение начали солдаты, которые, так же как и Вергиний, считали Виндекса сепаратистом, и даже если они уже не признавали Нерона, то считали, что сражаются за своего полководца. Определенную роль сыграли внутригалльские конфликты, поскольку на стороне Вергиния стояли треверы и лингоны—традиционные соперники южногалльских племен. Армия Виндекса была уничтожена, а сам он покончил собой. Легионы Вергиния снова провозгласили его императором, он вновь отказался и заявил, что является легатом сената и народа. Таким об-

⁶¹ Ibid., p. 537—538; Hainsworth J. B. Verginius and Vindex... p. 93—94.

разом, германские легионы не только отказались подчиниться Нерону, но и не выступили против него, выжидая исхода конфликта.

В конце марта Нерон узнал о восстании Виндекса. Известие он проигнорировал и бездействовал 8 дней, после чего доложил об этом сенату. Светоний пишет о полной пассивности и бездействии императора (Свет. Нерон., 41—43). Однако кое-какие меры он принял. Были ли даны инструкции рейнским легионам, неясно, не исключено, что принцепс считал их ненадежными. После выхода рейнских легионов из игры у Нерона было довольно мало войск. 3 легиона в Британии, 4 в Сирии, 2 в Египте и 3 в Иудее находились далеко, и даже подхода 4 легионов из Далмации надо было ждать. Наместник Африки Клодий Макр имел 1 легион, кроме того, набрал еще один, однако занял выжидательную позицию, и переговоры с ним Нерона закончились безрезультатно.

Нерон начал новый набор среди городского плебса, однако ядро его войска составил легион, набранный из моряков Мизенского флота (Тац. Ист., 1, 6; Плут. Гальба, 15; Свет. Гальба, 2, 12; Нерон, 44). В конце апреля стало известно об отпадении Гальбы, и именно в этот момент Нерон испугался. Причины вполне понятны: армия Гальбы была римской, Гальба был авторитетнее Виндекса, и, наконец, силы Нерона были немногим больше, чем войско повстанцев. Вензотий радикально не изменил положение.

В это время префект претория Нимфидий Сабин, сочтя, что сила не на стороне императора, решил организовать переворот. Преторианцы восстали и присягнули Гальбе, после чего сенат объявил Нерона врагом отечества. Принцепс бежал, но погоня приближалась, и Нерон покончил с собой (Свет. Нерон, 50).

Непосредственным следствием его свержения была активизация различных политических сил, между которыми началась борьба. Этими силами были армия, провинции, сенат и преторианцы в Риме. Смерть Нерона сделала Гальбу официальным правителем. Он был признан сенатом и являлся наиболее знатным и заслуженным из восставших наместников. Кроме того, Гальба, хотя и отдаленно, был связан с правящей семьей, будучи дальним родственником Ливии, и еще в 41 г. рассматривался как один из претендентов в принцепсы (Свет. Гальба, 4, 7).

Новый император происходил из рода Сульпициев Гальб, принадлежавших к республиканскому нобилитету. Гальба был уже стар. Он родился в 3 г. до н. э. и имел длинный послужной список. Пройдя низшие должности, он стал консулом в 33 г., а в 39 г. после гибели Гетулика был назначен легатом Верхней Германии. Гальба сохранил свое положение при Клавдии, а в 45 г. его назначили проконсулом Африки. В начале

правления Нерона Гальба ушел на покой, но в 61 г. стал наместником Ближней Испании (Там же, 4, 6, 8).

Реальная расстановка сил была довольно сложной. Сенат, всадническая элита (*primogenes equitum*) и зажиточная часть симпатизировали новому императору. Среди плебса, наоборот, были сильны симпатии к Нерону, особенно усилившиеся после его смерти. Гвардия контролировалась Нимфидием Сабиним, оттеснившим Тигеллина и готовым к самостоятельной игре. Из провинциалов и армий Гальбу поддерживали испанские провинции и районы восстания Виндекса. Рейнские легионы, которые после Вензотияна начали самостоятельную линию, были ненадежны. С другой стороны, иллирийские легионы, в свое время присягавшие Вергинию Руфу, сразу же признали Гальбу. Так же быстро присягнули ему и легионы в Сирии, Иудее и Египте, а Веспасиан даже послал к Гальбе своего сына Тита, который, правда, не успел застать Гальбу в живых (Свет. Тит, 5; Тац. Ист., I, 1, 4, 5, II, 1). Впрочем, эти войска были далеко. Солдаты, набранные Нероном, не могли симпатизировать новому принцепсу. Наконец, Клодий Макр в Африке тоже занял выжидательную позицию, пока не присягая Гальбе.

Расстановка сил примечательна. Гальбу активно поддерживали полисно-сенатские силы и некоторые сенатские провинции, и, именно опираясь на них, он проводил свою политику. Напротив, главные силы Империи, созданные императорами, заняли враждебную или пассивную позицию. Далеко не все эти силы выступили против Гальбы, но и тех, что выступили, оказалось достаточно. В июне—июле 68 г. Вергиний Руф привел к присяге Гальбе рейнские легионы. Два офицера нижнегерманских войск убили своего легата Фонтя Капитона, что обеспечило присягу нижнегерманских войск. В Африке был убит Клодий Макр. Гальба быстро начал сбор налогов в Испании и Галлии, что вызвало недовольство местного населения (Свет. Гальба, II, 12).

Новый принцепс занялся формированием «кабинета». Консулами стали сам Гальба и Тит Виний — главное лицо в его окружении. Префектом претория был назначен Корнелий Лакон. Третьим влиятельным советником императора являлся либерт Ицел. Узнав о назначении Виния и Лакона, Сабин начал агитацию среди преторианцев, желая провозгласить себя императором. Попытка переворота была сорвана. Один из трибунов — Антоний Гонорат, выступил на сходке солдат против Нимфидия. Эффект был настолько велик, что солдаты напали на своего префекта и убили его. После этого гвардия присягнула Гальбе. Гальба приказал казнить сторонников Нимфидия, в том числе Цингония Варрона, что вызвало первые проявления недовольства. Возле Рима нового императора встретил «морской» легион Нерона, который потребовал признания его в качестве настоящего легиона и получения орла. Принцепс отказал, но солдаты не расходились; в результате произошло столк-

новение, во время которого многие безоружные моряки были перебиты (Тац. Ист., I, 6; Плут. Гальба, 14, 15).

Основной чертой политики Гальбы являлись режим финансовой экономии и проведение в жизнь традиционной полисно-сенатской политики. В окружении императора была сильна коррупция. Взятничеством и прабежами особенно отличались Виний, Лакон и Ицел. Все трое были крайне непопулярны не только в армии, но и в сенатской среде.

Принцепс велел взыскать многие из подарков Нерона. Из 2,2 млрд. сестерциев, ушедших на эти дары, принцепс приказал $\frac{9}{10}$ вернуть в казну. Дело оказалось нелегким, и для проведения этого мероприятия была назначена комиссия из 30 всадников (Тац. Ист., I, 20; Свет. Гальба, 15—16). Император отказался выдать преторианцам *donativum*, что ранее делали при приходе к власти и Клавдий и Нерон. Эти действия, а также наказание и смещение многих солдат и офицеров окончательно настроили против него гвардию. Что же касается галлов и других участников восстания, то им были расширены права гражданства и снижены налоги.

Многие либерты и приближенные Нерона, в том числе Геллий, Поликлит, Петин и Патробий были казнены. Однако Виний за взятку спас Тигеллина, главного организатора нероновского террора. Сенаторы, видимо, были недовольны и казнью консуляра Петрония Турпиллиана, который, хотя и был доверенным лицом Нерона, считался непричастным к его репрессиям (Плут. Гальба, 17).

Недовольство Гальбой стало довольно значительным, причем самым опасным оказалось то, что оно охватило армию. Финансовая политика, непопулярность в военных кругах, старость и бездетность усиливали оппозиционные настроения. 1 января 69 г. верхнегерманские легионы отказались присягать Гальбе и принесли присягу сенату и народу. Эти войска и ранее относились к нему предубежденно, а теперь были возмущены наградами для участников восстания Виндекса и отзывом Вергиния Руфа, которого Гальба интернировал в Риме. К восстанию фактически присоединились и нижнегерманские легионы, а вскоре рейнская армия установила контакты с преторианцами (Свет. Гальба, 16).

Император узнал об этом через наместника Бельгии Помпея Проппинква и решил избрать преемника. В *consilium* принцепса приняли участие Виний, Лакон и Ицел, а также Марий Цельс и префект города Дуценний Гемин. Рассматривались два претендента: Марк Сальвий Отон, бывший муж Поппеи Сабинны, отправленный в Лузитанию Нероном и теперь поддерживавший восстание Гальбы, и Гн. Кальпурний Пизон Фругг Лициниан — выходец из старой республиканской знати, связанный родством с большинством представителей старого добилитета. Ситуация была весьма показательна. Выбор Отона означал

блок с силами, симпатизировавшими Нерону, преторианцами и императорским аппаратом, а выбор Пизона — блок с сенатом и аристократическими силами в нем. Мнения в совете разделились. Виний поддерживал Отона, а Лакон и Ицел — Пизона. Именно на нем и остановился Гальба. Усыновление было показательно и в правовом плане. Принцепс, ссылаясь на Августа, сформулировал «принцип заслуги» — усыновление Пизона как «самого заслуженного человека» независимо от его отношения к династии (Тац. 1) Айн., I, 15, 16; 2) Ист., I, 12, 14).

10 января на солдатской сходке Гальба усыновил Пизона «по примеру божественного Августа и военному обычаю» (*exemplo divi Augusti et more militari*). Преторианцы выслушали это без особого одобрения. Сенат же был удовлетворен выбором Пизона и принял решение послать посольство к германскому войску. Однако германские легионы приняли решение действовать самостоятельно. Уже 2 января в Colonia Agrippina один из легатов Фабий Валент объявил императором командующего верхнегерманской армией Луция Вителлия, сына коллеги Клавдия по цензуре. 7 января все германские легионы провозгласили Вителлия императором и принесли ему присягу (Тац. Ист., I, 15, 16, 18, 19, 57).

Потеряв надежду стать принцепсом, Отон решил захватить власть и начал агитировать преторианцев, ранее сочувствовавших Нерону, Тигеллину и Нимфидию. Через некоего Мевия Пудекса и либерта Ономаста он организовал солдатский заговор, результатом которого стал военный переворот, подробно описанный Тацитом и Плутархом (Тац. Ист., I, 27—44; Плут. Гальба, 24—27). Гибель Гальбы означала крах полисно-сенатских сил в борьбе за власть. На арену выступили силы Империи.

Вопреки дурной репутации Отон оказался энергичным и способным правителем. Его политика характеризовалась стремлением «создать социально-политический компромисс, примирить борющиеся силы и поставить их под контроль принцепса. Это был единственный возможный политический курс, но у Отона не было ни времени ни сил проводить его в жизнь. Все его мероприятия осуществлялись в спешке и условиях наступления Вителлия. На стороне Отона были преторианцы. Теперь ему нужно было узаконить свое положение и получить поддержку различных политических сил. Сенат дал принцепсу *tribunicia potestas et nomen Augusti et omnes principum honores*. Это сообщение Тацита явно указывает на *lex de imperio*. Отон предложил Вителлию переговоры, а семья последнего продолжала жить в Риме (Тац. Ист., I, 49, 76—77).

Наиболее однозлые фигуры из окружения Гальбы были убиты, однако Марий Цельс оставался в живых. Преторианцы получили право сами выбирать себе префектов. Префектом города стал брат Веспасиана Флавий Сабин. Очень популярной

была расправа над Тигеллином, которого Отон довел до самоубийства. С другой стороны, происходила частичная реабилитация Нерона. Были восстановлены все статуи Поппеи Сабины. Разрешалось выставлять изображения Нерона, а сам Отон иногда именовал себя Нероном Отоном⁶² (Там же, I, 45—46, 76—78; Плут. Отон, 3).

Распределение консульств демонстрировало примирение между различными группировками: сторонниками Отона, гальбанцами, лицами, лояльно настроенными к Нерону, сторонниками крупных полководцев. Консулами стали сам Отон, его брат Сальвий Тициан, Вергиний Руф, Помпей Вописк, Целий и Флавий Сабины, Аррий Антонин, Марий Цельс. Отону удалось то, что не удалось Гальбе,—умелое балансирование между различными силами и создание компромиссного руководства, ему симпатизировали разные слои населения в Риме; «тыл» принцепса был достаточно прочен.

Главной задачей Отона стала война с Вителлием. Принцепс имел численное превосходство, поскольку ему присягнули легионы в Далмации, Паннонии и Мезии и вся восточная армия (всего 14 легионов). Тем не менее армия Вителлия находилась ближе, и главной задачей правительства была организация обороны в ближайший момент. Для непосредственного отражения атаки Отон имел преторианскую гвардию, вигилов, «морской легион» и около 2 тыс. вооруженных гладиаторов (Тац. Ист., I, 87). Против этой примерно 25-тысячной армии Вителлий мог бросить большую часть своих 8 легионов и подкрепления от 3 легионов из Британии. Если главной задачей Отона было затянуть войну и дожидаться подхода, по крайней мере, дунайских армий, то Вителлию было необходимо разгромить противника в как можно более краткий срок.

В Италию армия вторглась двумя колоннами, первая (около 40 тыс. человек) под командованием Фабия Валента — через Коттийские Альпы, а вторая во главе с А. Цециной Алиеном — через Пеннинский перевал. Армия Цецины насчитывала примерно 30 тыс. человек. За ними с резервом шел Вителлий. Валент, грабя по пути галлов, подошел к области лингонов, а затем эдуев. Последние были вынуждены подчиниться, тем более что вителлианцев поддержал Лугдун, который хотел в обмен за помощь натравить легионы на своего врага Виенну. Виенна чуть не была разгромлена, и ее жителям с большим трудом удалось упрямить солдат не нападать на город (Там же, I, 61—66). Армия Валента подошла к Альпам.

Цецина двинулся через область гельветов. Гельветское ополчение пыталось дать ему отпор, однако в большом сражении Цецина совместно с подошедшими на помощь войсками из Ре-

⁶² Stolta B. H. Tacitus on Nero and Otho. — Anc. Soc., IV, 1973, p. 177—190.

ции разгромил геллетов и заставил их капитулировать. Узнав о подходе вителлианцев, ряд северо-италийских городов — Медиолан, Новария, Эпоредия и Верцеллы перешли на их сторону, и Цецина, совершив быстрый марш, перешел через Альпы (Там же, I, 67—70).

Ядро армии Отона составляли преторианцы и «морской» легион, однако на помощь ему выступили четыре легиона из Паннонии и Далмации (седьмой Гальбанский, одиннадцатый, тринадцатый и четырнадцатый), каждый из которых выслал вперед по 2-тысячному отряду. По пути легионы были вынуждены отразить набег роксоланов. После победы они продолжили марш (Там же, I, 79; II, 11). В штабе Отона находились виднейшие военачальники — Марий Цельс, Анний Галл и Светоний Паулин. Эти полководцы, однако, были на положении военных специалистов, тогда как командование осуществляли люди, неопытные в военном деле — префект претория Лициний Прокул, брат Отона Тициан и сам император.

14 марта Отон выступил перед сенаторами, заявив, что передает им государство. Префектом города оставался Флавий Сабин. Народное собрание перед отъездом принцепса вылилось в демонстрацию поддержки императора. Общий надзор за делами во время отсутствия Отона был поручен Тициану (Там же, I, 90; Плут. Отон, 5). Принцепс выступил на север.

План, выработанный штабом Отона, предполагал не допустить соединения Валента и Цецины, предполагалось задержать одного у Плаценции, а другого — в Нарбонской Галлии, а затем, закрепившись на удобных позициях, ждать дунайскую армию. Флот Отона нанес отвлекающий удар по приморским Альпам, а высадившиеся войска разгромили вначале местное ополчение, а затем сильный отряд *auxilia*, присланный Валентом на помощь. Этот успех удержал от отпадения Сардинию и Корсику, обеспечив левый фланг отоннианцев (Тац. Ист., II, 14—16).

В это время Цецина подошел к Плаценции, маленький гарнизон которой, состоявший из трех преторианских когорт и 1 тыс. легионеров, оказал стойкое сопротивление. Понеся большие потери, вителлианцы отступили к Кремоне, где к ним перешел отряд моряков и конницы. Главные силы Отона под командованием Анния Галла подошли к Бедриаку. У Кремоны произошло сражение авангардов, закончившееся победой отоннианцев. Первая задача была выполнена, армии Цецины и Валента оказались разъединены. У Касторы Цецина атаковал армию Паулина и Цельса. С обеих сторон сражалось примерно по 20 тыс. человек. Отоннианцы одержали победу, однако Светоний Паулин принял решение прекратить преследование, что вызвало недовольство солдат, считавших, что командиры упустили победу (Там же, II, 22—26; Плут. Отон, 8).

Неудача Цецины компенсировалась тем, что ему удалось

соединиться с Валентом. Создавшаяся ситуация вызвала споры среди отоннианцев. Светоний Паулин, Марий Цельс и Анний Галл продолжали настаивать на затягивании войны, что было единственно правильным, тем более что начали подходить части дунайских легионов. С другой стороны, Тициан, Прокул и большинство солдат требовали немедленного сражения. К этому мнению склонился и Отон. Второй ошибкой было то, что сам император удалился в Брикселл, забрав с собой отборные части (Тац. Ист., II, 30, 31, 33; Плут. Отон, 7—10).

14 апреля у д. Бедриак произошло генеральное сражение. Численный перевес и фланговая атака вспомогательных когорт батавов решили исход боя, однако армии Отона, еще не окончательно потерявшей боеспособность, удалось отступить в лагерь. Вскоре, однако, при посредничестве Цельса и Анния Галла остатки армии Отона сдались вителлианцам. После поражения Отон решил покончить с собой. Предложив своей армии сдаться Вителлию и заявив, что желает прекратить кровопролитие, он удалился и на рассвете следующего дня бросился накинжал. Политика Отона и его мужественная смерть вызвали сочувствие преторианцев, и некоторые из них кончали с собой у его гробницы (Тац. Ист., II, 46—50; Плут. Отон, 13, 15—18).

Со смертью Отона война была закончена. Сенат принял *lex de imperio* Вителлия и решение о *laudes gratesque* его армии. Флавий Сабин привел к присяге находящиеся в столице войска (Тац. Ист., II, 55).

Вителлий прибыл в Лугдун, где встретился с Цециной и Валентом и узнал о гибели Отона. Сразу же стремясь обеспечить династию, принцепс объявил наследником своего новорожденного сына Германика, который являлся, видимо, первым примером императора-ребенка (Тац. Анн., II, 59). Особо жестоких мер против отоннианцев не было. Несколько их офицеров убили, однако Светоний Паулин, Лициний Прокул и Тициан были помилованы, а Марий Цельс даже остался консулом.

Легионы вителлианцев двинулись к Риму, сопровождая свой путь грабежами и насилиями. Новый император начал оформлять свою власть. Приняв ее, он отказался от имени Цезарь и Август. Второй любопытной реформой Вителлия, которая предвосхитила дальнейшее развитие и реформы Адриана, была замена на *ministeria principatus*, т. е. должностях в канцеляриях либертов всадниками (Там же, I, 58, 62). Эта замена стала началом их трансформации в официальные ведомства.

Легионы Отона были распределены по провинциям. Четырнадцатый легион отправили в Британию, «морской» — в Испанию, одиннадцатый и седьмой отослали обратно в Паннонию, а тринадцатый остался восстанавливать амфитеатры в Кремоне и Бононии. Преторианцы были распущены (Там же, II, 66—67). Некоторых консулов, назначенных Отоном, сместили, дру-

гим сократили сроки консульства. Не меняя радикально их состава, Вителлий сделал консулами своих сторонников, прежде всего Валента и Цецину.

Силы Вителлия были велики, однако значительная часть армии оказалась ненадежна. Восточные легионы в свое время присягнули Гальбе и Отону. Вначале они дали присягу и Вителлию, однако их колебания были очень сильны (Там же, II, 73—74). Между тремя главными группировками римской армии — рейнской, дунайской и восточной существовали отношения соперничества, и когда рейнские войска выдвинули своего кандидата, было естественным, что обе другие армии попытаются сделать то же самое. Дунайская армия имела и непосредственные причины недовольства, поскольку ее солдаты участвовали в войне на стороне Отона и были за это наказаны. Обе группировки являлись тесно связанными между собой. 3 легиона из армии востока были переведены туда из Мезии и Паннонии, а 1 дунайский легион (третий Галльский) ранее стоял в Сирии.

Наиболее активную роль в новом восстании сыграл легат Сирии Муциан, который, однако, предложил возглавить восстание Титу Флавию Веспасиану, командовавшему армией в Иудее. Веспасиан родился в 9 г. н. э. в сабинском городке Реате. Отец его был простым сборщиком налогов, а мать — Веспасия Полла происходила из сенаторского рода, ставшего таковым при Империи. Несмотря на это, он был практически «новым человеком», и симптомом времени явилось то, что Муциан, происходивший из знатнейшей нобильской семьи Лицинийев Крассов и Муциев, уступил место своему неродовитому коллеге. Веспасиан прошел длительную административную карьеру, что сделало его очень компетентным человеком. Пройдя низшие должности, в 39 г. он стал претором и в этом качестве сумел выслужиться перед Калигулой. Карьера Веспасиана продолжалась при Клавдии и Нероне. С 43 г. он сражался в Британии, а в 51 г. получил триумфальные омма и консульство. В первые годы правления Нерона Веспасиан находился в тени как выдвигенец Клавдия и друг Нарцисса. Тем не менее в 66 г. Веспасиан сопровождал Нерона в поездке по Греции (Свет. Весп., 1, 2, 4), а с 67 г. был назначен командующим армией в Иудее.

К моменту восстания иудейские повстанцы оказались блокированы в Иерусалиме, и война сводилась к взятию этого великолепно укрепленного города. Первой выступила египетская армия. 1 июля 69 г. префект Египта Тиберий Юлий Александер привел к присяге Веспасиану 2 египетских легиона, а 11 июля присягу приняли легионы в Иудее. Сирийские легионы присягнули несколько позже, но явно до 1 июля. К армии сразу же присоединились все восточные провинции от Египта до Малой Азии, а также и вассальные цари — софенский правитель Со-

фен, Антиох Коммагенский и иудейские правители Ирод Агриппа и Береника (Тац. Ист., II, 79, 80; Свет. Весп., 6).

В Берите военачальники выработали достаточно продуманный план кампании, исходивший из реальной обстановки. Из 9 восточных легионов большую часть сил Веспасиан и Муциан не могли использовать в войне с Вителлием. Армия Веспасиана была скована восставшим Иерусалимом, а оставить без войск парфянскую границу и Египет было нельзя. Для наступления выделили 6 легионов из сирийского корпуса и вексилляции из других легионов. Всего, таким образом, в эту ударную группу восточные войска могли выделить около 20 тыс. человек (Там же, II, 81), т. е. четверть или треть армии.

Вителлий имел 13 легионов, 8 или 9 из которых находились в данный момент в Италии. Даже после боев с отонийцами у него под рукой оставалось около 60 тыс. солдат. В этих условиях главную ставку Веспасиан делал на 7 дунайских легионов, а поход Муциана должен был привести к восстанию в Мезии, Паннонии и Далмации. Послав Муциана с действующей армией, сам претендент отправился в Египет. Цель была двояка: прекращение подвоза хлеба в Рим должно было нанести ощутимый удар по нему, а в случае поражения Муциана Египет был очень хорошей оборонительной позицией. Расчет на дунайскую армию оказался верен. После поражения Отона эти войска, по существу, не проявляли лояльности к режиму Вителлия. Один за другим легионы в Мезии, Паннонии и Далмации перешли на сторону Веспасиана. На первое место выдвинулись легат седьмого гальбанского легиона Антоний Прим и прокуратор Корнелий Фуск (Там же, II, 85—89). Теперь силы были примерно равны.

Веспасиан и его сторонники предприняли ряд мер, усиливавших их позиции. Веспасиан заключил мирный договор с Парфией, и Вологаз даже предложил дать сильное конное войско, от которого претендент отказался. Антоний Прим заручился поддержкой вождя восставшего против Рима германского племени батавов Юлия Цивилиса, и последний охотно воспользовался этим прикрытием, объявив, что воюет против Вителлия за Веспасиана. Наконец, восставшие оязались с наименее лояльными частями войска противника, 14-м легионом в Британии и «морским» легионом в Испании, обеспечив их нейтралитет (Там же, II, 82—86; IV, 14; Свет. Весп., 6).

В это время 60-тысячное войско Вителлия прошло по Италии, отмечая свой путь грабежами, и торжественно вступило в Рим, демонстрируя боевую мощь. Тацит и Светоний дают несколько разнородную информацию о действиях Вителлия в Риме, причем версия первого явно выставляет императора в лучшем свете. По Тациту, Вителлий начал с того, что взшел на Капитолий и приветствовал титулом Августы свою мать, затем выступил с речью и после колебаний все же принял ти-

тул Августа. 18 июля в траурный день битвы при Аллии он провел богослужение, а 7 или 15 сентября отпраздновал свой день рождения. Преторианская гвардия в значительной степени была набрана заново и усилена до 16 когорт. В остальном в изображении Тацита правление Вителлия предстает в довольно либеральном свете. Тацит не упоминает о репрессиях. Принцепс лично присутствовал на выборах, часто проводил заседания сената, и некоторые сенаторы, например Гельвидий Приск, имели возможность безнаказанно противоречить императору (Тац. Ист., II, 89—95).

Несколько иную картину рисует Светоний. Он упоминает о многих казнях, хотя не указывает на конкретные случаи, и сообщает, что Вителлий принял сан великого понтифика как раз в *dies Alliensis*, что было явным святотатством. Эти данные не подтверждаются, и вероятнее, что он продолжает линию Отона на реабилитацию Нерона. Оба автора указывают, что Вителлий провел выборы на 10 лет вперед. Светоний также сообщает, что принцепс стал постоянным консулом (*consul perpetuus*), и это сообщение подтверждается надписями. Если Тацит рисует Вителлия человеком безвольным, глупым и беспомощным, что доминирует над такими его качествами, как, например, прямота и щедрость, то для Светония он мот и обжора, требующий огромные деньги для развлечений, а «наказать и казнить кого угодно и за что угодно было для него наслаждением» (Свет. Вит., 12—14). О роскоши, чревоугодии и мотовстве императора писал и Дион Кассий (Ксиф. R. St., 194—195; Свет. Вит., II; Тац. Ист., III, 31; Десс., 242, 243).

Оценки отражают известную противоречивость курса Вителлия, в котором явные авторитарные тенденции сочетались с тенденциями либеральными и просенатскими. Это была довольно типичная для системы принципата линия, заметная практически у всех правителей, кроме, быть может, Гая Калигулы, и обстановка гражданской войны и личность принцепса только придавали этому общему некоторым индивидуальным чертам.

Известие о мятеже Вителлий получил незадолго до своего дня рождения. Он сразу же вызвал подкрепления из Британии, Германии и Испании, но получить не смог. Командующий войсками на Рейне Гордеоний Флакк был скован восстанием Цивилиса, легат Британии Веттий Болан также побоялся увести войска с острова, а 3 испанских легиона, среди которых был ненадежный «морской» легион, заняли выжидательную позицию. Аналогичной была позиция наместника Африки Валерия Феста. Принцепс, таким образом, мог рассчитывать только на те войска, которые стояли в Италии, и итальянские резервы. Принцепс провел набор добровольцев в Риме, но население столицы уже стало малопригодным к военной службе (Тац. Ист., II, 96—97; Свет. Вит., 15). Дополнительной сложностью были по-

стоянные конфликты между Валентом и Цециной и болезнь Валента, случившаяся как раз накануне выступления.

Тем не менее войско, выступившее в поход, было очень сильным. Кроме 4 полных легионов (пятого, двадцать первого, двадцать второго и первого Итальянского), в ней находились вексиляции 4 остальных легионов рейнской армии и подкрепления от 3 легионов из Британии. Всего под командованием Цецины было от 50 до 70 тыс. человек, а, кроме того, Вителлий имел около 20 тыс. преторианцев и вигилов, а также Мизенский и Равеннский флоты. План вителлианцев, видимо, заключался в разгроме дунайских легионов до прихода восточной армии.

Первая атака Антония Прима была проведена силами двух паннонских легионов, которым удалось захватить Аквилею, Альтин и Оптигерию и вступить в Патавий (Тац. Ист., III, 6—7), создав тем самым плацдарм для наступления на Италию. Вскоре была взята Верона, и по плану Веспасиана дунайская армия должна была укрепиться здесь, закрыть Вителлию выход из Италии и ждать подхода войск с востока, однако энергичный и решительный Антоний Прим выбрал иной вариант и настаивал на продолжении наступления (Тац. Ист., III, 6—7).

В конце октября у Бедриака произошло решительное сражение. Авангард Прима, в основном состоящий из конницы, обратил в бегство двадцать первый и первый Итальянский легионы, которые отступили в Кремону. Подошедшие главные силы флавианцев стали требовать немедленного штурма города, и только подход основной армии противника заставил их остаться на месте. Прим занял оборону. 4 легиона расположились перпендикулярно Постумневой дороге, прикрыв фланги конницей и вспомогательными силами. Перед строем стояло ополчение свегов, а в резерве — третий легион и преторианцы (Там же, III, 15—21).

Ночью 6 вителлианских легионов, подкрепленных остатками потерпевшего поражение авангарда и 3 легионами британской армии, обрушились на позицию Прима. Сражение шло всю ночь, и только на рассвете наметился перелом. Судя по Тациту, третий легион флавианцев, долго бывший в Сирии, издал на рассвете крик приветствия восходящему солнцу. Вителлианцы дрогнули, после чего Антоний Прим повел армию в атаку, обратив противника в бегство. Скорее всего, третий легион сыграл роль резерва, неожиданно брошенного в бой в критический момент. Немалое значение имел и панический слух о подходе армии Муциана. На плечах у разгромленного войска Вителлия дунайские легионы ворвались в Кремону, и штурм города практически был завершением битвы при Бедриаке. Население города активно помогало вителлианцам. Победа Прима сопровождалась резней и грабежом. После пожара и четырехдневного разгрома солдатни Кремона практически была уничтожена (Там же, III, 22—34).

Армия Прима, усиленная одиннадцатым легионом из Далмации и 6 тыс. далматских *auxiliarii* продолжила наступление в Италию. Против победоносной, но несколько потрепанной дунайской армии Вителлий смог собрать 20 когорт преторианцев и вигилов и новый легион из моряков, т. е. всего около 30 тыс. человек. Главные силы — 14 когорт во главе с новым префектом претория Альфеном Варом, закрыли проход через Апеннины у Мевании, примерно в 80 милях к северу от Рима. Приближалась зима, и вителлианцы надеялись затянуть кампанию, однако на сторону Веспасиана перешли горные племена марсов, пелингов и самнитов, а из армии Вителлия началось дезертирство. Альфен Вар бежал в Рим, и вскоре остатки войска сдались Приму. Несколько ранее началось восстание в Кампании. К Веспасиану перешел Мизенский флот, а у Вителлия остался только посланный в Кампанию отряд под командованием его брата Л. Вителлия.

Принципс начал переговоры через префекта города Флавия Сабина. По договору Вителлий снимал власть и получал гарантии личной безопасности и 100 млн. сестерциев. 18 декабря 69 г. принципс направился к Капитолию, чтобы снять власть, но его сторонники, в основном из числа легионеров и преторианцев, а также представителей городского плебса, напали на Сабина и его свиту и загнали их на Капитолий. Отречение Вителлия было сорвано. После осады Капитолий был взят, Сабин погиб, а сын Веспасиана Домициан с трудом спасся бегством. Во время боя сгорел Капитолийский храм (Тац. *Анн.*, III, 64—75).

Когда Антоний Прим узнал о событиях в Риме, он немедленно повел войска на столицу. Вителлианцы оказали яростное сопротивление, но благодаря численному превосходству флавианцы заняли город. Остатки их были оттеснены в преторианский лагерь и погибли, героически обороняя этот последний форпост. Вителлий был схвачен и растерзан толпой солдат и народа. Несколько раньше был казнен Л. Вителлий, командовавший армией в Кампании и сдавшийся незадолго до взятия Рима. (Там же, III, 82—85). 20 декабря 69 г. с вителлианцами было покончено.

Остается только подвести итог года четырех императоров и разобрать значение этих событий и их сущность. Прежде всего встает вопрос, было ли это восстанием против системы или лично против ставшего неприемлемым принципса. Скорее следует остановиться на втором варианте и признать, что гражданской войны 68—69 гг. могло бы и не быть, если бы на престоле оказался менее одиозный правитель. Вместе с тем год четырех императоров ускорил уже имевшиеся тенденции: превращение принципата в систему и Римской империи в Средиземноморскую.

Конфликт между Нероном и обществом начался с удара

принцепса по старому нобилитету, который в значительной степени уничтожался как часть правящей семьи. Постепенно в силу тесного переплетения старой и новой имперской знати в конфликт вовлекались обе, а также преторианское офицерство, легаты провинций и другие элементы управленческого аппарата Империи.

Наиболее активную роль в свержении Нерона сыграли старые полисные силы (сенат, наместники из старой знати и сенатские провинции), однако их победа стала возможной лишь с помощью и при нейтралитете имперских сил, преторианской гвардии, внесенатского аппарата, провинциальных легатов и их войск. Гибель Нерона вызвала анархию и борьбу различных сил, которая и показала, кто является хозяином положения в Империи.

С Гальбой к власти пришли старые полисные силы, хотя грань между ними и новыми силами Империи была не такой уж четкой. Переворот Отона и восстание Вителлия знаменовали выход на арену этих новых сил, и в дальнейшем борьба идет уже между ними. Решающую роль в событиях 69 г. сыграли армии и провинции, пока, наконец, победу не одержала самая сильная военная группировка. В свете этих событий не удивительно то, что после войны более усиленными темпами шло развитие основных имперских тенденций: расширение системы римского гражданства, самого имперского и внесенатского аппарата, увеличение доли провинциалов в сенате и сенатском и имперском аппарате. Юлии—Клавдии, в том числе и сам Нерон, тоже шли по этой линии, но их свержение ускорило ее развитие.

Важное изменение произошло и в развитии императорской власти. При Юлиях—Клавдиях императорская власть была все еще связана с *domus*. С одной стороны, это усиливало монархический фактор, однако с другой—делало власть принцепса в римских условиях неким особым институтом, связанным с одной фамилией, а в более широком смысле—с римским нобилитетом. Примечательно, что с концом Нерона институт продолжал существовать, хотя это должно было привести к определенной трансформации. Постепенно императорская власть стала отделяться от римской *nobilitas*. Гальба был дальним родственным Ливии, т. е. человеком, связанным с династией, и аристократом из республиканского нобильского рода; Отон и Вителлий—выходцы из новой имперской знати, Веспасиан—из простой италийской семьи. Следующая династия—Антонины—после Траяна уже состояла из провинциалов по происхождению. С отрывом от династии происходила институционализация власти, а на место семейной традиции пришла система. С этого времени императорская власть как институт окончательно внедрилась в римскую политическую структуру.

ДУАЛИЗМ СИСТЕМЫ

Обзор истории принципата и анализ терминологии отчетливо показывает чрезвычайно сложную картину и невозможность однозначного определения политической структуры, сложившейся в Риме в I—II вв. до н. э. Для того чтобы определить ее характер, надо определить место этой структуры в рамках двух моделей — полиса и территориальной монархии. Разумеется, если взять любое реальное античное государство, то, видимо, ни одно из них не подпадает целиком под ту или иную модель. Тем не менее почти все они оказываются настолько близкими к одному из элементов системы, что их можно квалифицировать либо как полисную республику, либо как монархию. Что же касается Римской империи, то она как раз и определяется особым положением в этой схеме.

Прежде всего отметим общие черты полиса и территориальной монархии. Их оказывается меньше, чем различий, но они, по крайней мере, не менее значимы. Оба типа являются классовыми рабовладельческими обществами и оба опираются на сравнительно низкий уровень развития производительных сил и преобладание натуральных связей над товарными. Наконец, и тот и другой тип представляют собой начальные стадии развития государственности. В этих факторах и заложена основная причина ограниченности развития античной цивилизации, а большое принципиальное сходство двух различных систем, опирающихся на низкий экономический уровень, обеспечивает и их лучшее сосуществование.

Исходной точкой может служить фактор размеров и возможностей расширения. Как и древние авторы, современные исследователи¹ приходят к выводу, что полис может существовать, только имея небольшие размеры (Платон. Законы, 737e; Арист. Политика, II, 5, 1; VII, 4, 7; 5—6). На это же обстоятельство указывал и К. Маркс.² Несмотря на то, что история

¹ Кошеленко Г. А. Введение: Греческий полис. — В кн.: Античная Греция, т. 1, с. 29—30.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 567—568.

дает массу примеров агрессивности полисов, крупное расширение, гегемонизм и создание державы были им противопоставлены. Такое расширение приводило обычно к двойным последствиям. С одной стороны, полис, как правило, не мог организовать эффективное управление покоренными территориями, поскольку был не в состоянии преодолеть барьер между гражданским коллективом и остальным населением, а с другой стороны, именно создание державы вело к разрушительным процессам внутри полиса. Территориальная монархия, наоборот, стремилась к расширению, и в принципе последнее являлось вполне нормальным элементом ее существования. Как правило, завоевание как таковое происходило для нее менее болезненно, а управленческий аппарат и общая организация были гораздо больше к нему приспособлены.

Характерными чертами экономики полиса являлись верховная собственность полиса на землю, тенденция к автаркии и контроль гражданского коллектива над экономической политикой и финансами. Верховная собственность полиса на землю и стремление к автаркии часто нарушались, что и являлось одной из главных причин кризисов. Модель монархии, напротив, часто характеризовалась верховной собственностью монарха на землю и теоретически на всю собственность его подданных, контролем монарха над финансами и экономической политикой и стремлением преодолеть автаркию. Показательно, что, несмотря на принцип верховной собственности полиса, для последнего были характерны развитые формы частного землевладения и соответственно частного владения вообще, а аренда у государства реально превращалась в частную собственность, которую трудно перераспределить, как это показал пример прахских реформ.

Тесно связана с этим была и степень развитости рабовладения, которое достигло своего расцвета именно в полисе. Рабство, конечно, имело большое значение и для территориальных монархий, которые в основе своей являлись тоже рабовладельческими, однако имели два важнейших фундаментальных различия. Во-первых, в полисах доминировало частное рабовладение, а число государственных рабов было ограничено, между тем как в территориальной рабовладельческой монархии государственный рабовладельческий сектор всегда был весьма значителен.

Вторым не менее значимым отличием была последовательность разграничения между двумя статусами. «Именно в античном обществе раб был наиболее рабом, а свободный наиболее свободным. В ранней древности, например, у хеттов, иногда встречалось понятие „свободный от чего-либо“ (например, от повинности), „освобожденный от чего-либо“ (например, от долгового рабства), но не было общего понятия „свободы“. Рабу в собственном смысле фактически противостояла длинная

лестница подневольных рабского типа, царских людей, общинников, вельмож и т. д. ... Лишь в греческих полисах появляется понятие „свободы“ (элеветерия) как состояние господства кого бы то ни было над данным человеком, понятие, завещанное греческим полисом всему человечеству. Всякое наличие над человеком господства было дулосюнэ — рабством».³ Таким образом, территориальная монархия с ее менее развитым рабовладением и широким использованием полузависимого труда имела тенденцию к сближению статуса, а еще более — фактического положения рабов и свободных.

Модель монархии в экономическом плане характеризовалась представлением о монархе как верховном собственнике всего, что есть в государстве. В чистом виде это встречалось не так часто, и, видимо, классическими примерами являются Египет Древнего царства или «Царство Шумера и Аккада» III династии Ура, но в косвенной форме, выраженной в праве и реальной возможности правителя дать любую собственность кому угодно и, наоборот, отобрать ее, этот принцип существовал всегда. Собственно, монарх контролировал и всю экономическую политику и финансы, в распоряжение этой центральной власти шли и налоги. В таком принципе было и известное противоречие, когда центральная власть допускала владение или аренду, близкую к частной собственности, однако, как в ряде случаев и полис, она сохраняла право верховного контроля, и, как правило, сильный бюрократический аппарат Империи мог осуществить его эффективнее, чем аппарат полиса. Наконец, в монархии не было сильных тенденций к автаркии в основном из-за экспансии и обычно развитой внешней торговли.

Попробуем рассмотреть, какое положение занимала в этой системе Римская империя. Отношение «полис—империя» выступало здесь в двух планах: Рим и его держава и римская держава и отдельные полисы на ее территории. Римская империя была огромна, и это обстоятельство роднило ее с территориальными монархиями, из которых она являлась самой большой, многонаселенной и разнородной в этническом плане. Признак этот очень важен, но ряд других обстоятельств делал ее неклассическим вариантом этого типа.

Отношения императора и собственности отмечены рядом противоречий буквально в каждом их элементе. Римский император не был верховным собственником всей земли, и наряду с его непосредственной собственностью существовала собственность других лиц или общностей. Идея такого рода верховного права временами, однако, проскальзывала в идеологии.

³ Дьяконов И. М., Якобсон В. А., Янковская Н. Б. Общие черты второго периода древней истории. — В кн.: История древнего мира. М., 1982, т. 2, с. 25.

Гораций и Овидий иногда сравнивали Августа с Юпитером, властвующим над странами (*tenente Caesare terras*) (Гор. Песни, III, 14, 15; Овид. Тристии, II, 215). Несколько позднее появилась терминология «твой римляне», «твой народ», «твой воин», «твой консул», «твой сенат», «твой город», «твой провинции» (Плин. Панег., 27, 4; 50, 2; Пан. Лат., XI (III), 6, 3; X (II), 13, 4; XII (II), 21, 2; Десс., 6106, 396, 776, 613, 98, 703, 755, 644, 646, 2948). Подавляющее большинство случаев, когда *orbis terrarum* изображали как собственность римского императора, относится к IV—V вв. н. э., но эта мысль присутствует и у авторов II в., а I в. можно достаточно смело считать временем ее зарождения. Можно согласиться с Л. Викертом, что грань между юридической собственностью императора и государства в представлении современников была растяжимой, но следует подчеркнуть, что государство и император, по крайней мере в I в., полностью не отождествлялись, и даже при этом отождествлении за государством не в полной мере признавалось право распоряжаться собственностью его подданных. Принцепс, конечно, мог репрессировать или наградить любого из своих подданных, и через это он как бы получал общую власть над всем, что есть в Империи, однако это была власть не собственническая, а политическая, и римское общество I в. позволяло ее использовать только в определенных пределах.

Наряду с императором как главой и олицетворением государства тот же самый император выступал как собственник. В этом плане его собственность была отделена от частной собственности других лиц, и общество выражало неприязненное отношение, когда принцепс использовал государственную власть как средство для увеличения *res privata*. С другой стороны, императорская власть часто пыталась это делать, что было бы бессмысленно в случае последовательного осуществления идеи территориальной монархии. Положение принцепса в данном случае было сходным с положением магистрата.

Наиболее четко эта двойственность была заметна в финансовой организации. Государство имело свою казну, эрарий, который принадлежал «римскому народу». Принцепс контролировал его совместно с магистратами и сенатом, но в силу своего доминирующего положения имел и решающее слово в определении бюджета. Наряду с этим имелась другая казна — фиск, которым распоряжался лично император, однако в теории и в немалой степени на практике фиск играл роль личной казны, используемой для нужд государства, а конкретно — тех элементов, которые находились в ведении императора (армия, флот, императорские провинции и аппарат). Наконец, как любой римский гражданин, император имел личные деньги, притом настолько значительные, что временами пополнял за их счет эрарий. Грань между эрарием, фиском и личным имуществом принцепса становилась все более растяжимой, и зачастую пра-

витель мог достаточно бесконтрольно переводить деньги из одной казны в другую. Тем не менее различие было, и нивелировать его принцепс не мог.

Это сложное положение видно на примере прокураторов, являвшихся финансовыми агентами принцепса, и в прокураторском статусе заметна двойственность их положения — личных слуг принцепса и официальных лиц. Аналогичным было положение отдела *a rationibus*, и только Адриан легализовал его. Соотношение же этого ведомства с другими отделами было запутано и в более позднее время.

Такой фактор, как преодоление автаркии, в большей степени зависел от других причин, нежели от государственного строя, однако установление Империи тоже наложило отпечаток на их развитие. Внешняя торговля играла очень значительную роль и в основном сводилась к ввозу предметов роскоши. Главной причиной являлось то, что Империя объединяла почти все экономически развитые районы тогдашнего мира, и вне их торговать было практически не с кем. Таким образом, главной причиной ограниченности внешней торговли была экономическая неразвитость соседей. Вместе с тем нельзя не отметить, что в I—II вв. н. э. происходило сильное оживление в обмене между провинциями. Стабильность «римского мира», улучшение управления покоренными территориями и изменение к ним отношения были существенными факторами этого оживления, а в их развитии большую роль сыграл переход к Империи. Как и любое античное государство, Империя не могла преодолеть региональную обособленность, но она сделала большой шаг на этом пути.

Вторая группа отношений, к которым мы хотели бы применить схему полиса и монархии, — это социальные, политические и правовые отношения. В социальном плане модель полиса характеризовалась жестким отделением свободного от несвободного и гражданина от негражданина; наличием замкнутого гражданского коллектива, больше стремящегося к ограждению, чем к расширению, когда побежденные и пленные не могут стать гражданами полиса, даже будучи его подданными; высоким престижем гражданского состояния; стремлением полиса поддерживать сравнительное равновесие между гражданами; теоретическим равенством граждан перед законом; особым положением центра и резким отделением от всего остального; наличием у граждан значительных реальных прав.

Модель монархии в большинстве случаев имела противоположные признаки: рабов и свободных не разделяла столь непроходимая пропасть, тем более что последние являлись по преимуществу ограниченно свободными; резкой грани между гражданином и негражданином не было, государство охотно принимало «чужаков», которые часто занимали такое же положение, как и коренные жители; гражданского коллектива

как такового не существовало, и человек больше воспринимал себя как подданного такого-то монарха; для монархии также характерны были низкий престиж гражданского состояния и отсутствие стремления государства к экономическому равновесию;⁴ неравенство перед законом и в теории, и в практике; бесправие простых людей; зависимость экономических прав не от гражданского статуса, а от положения в бюрократической иерархии; построение общества по типу бюрократической лестницы. Монархическое государство тоже имело центр, который обладал особым значением и определенными привилегиями, а временами его положение могло быть близким к положению полиса. Тем не менее столь резкой грани не было, и жители столицы в правовом плане не отличались от жителей страны в целом. Центром монархии являлась не столица, а монарх и двор, который мог перемещаться или вообще иметь несколько таких главных городов, как это было в персидской державе или в Селевкидском царстве.

Социальные отношения в Империи представляли собой сложную картину. Уже с самого начала в отношении рабства существовало неодинаковое положение. В огромную римскую державу входили как области, где утвердилось классическое рабство (Италия, Греция, Северная Африка, Малая Азия, Сирия), так и районы, где рабство по традиции никогда не доминировало либо в силу традиции развития цивилизации (Египет, отчасти Галлия и Испания), так и в силу неразвитости общественных отношений (балканские и придунайские области, некоторые районы Испании и Галлии, Британия). Несмотря на значительную нивелировку, рабство было неравномерным и больше концентрировалось в районах традиционного рабовладения. С I в. н. э. начал происходить упадок рабства, вызванный как экономическими причинами, так и прекращением притока рабов извне, а с другой стороны, свободное население теряло права, и часть его начинала в этом плане сближаться с рабами. В полной мере это произошло только в конце III — начале IV в. с массовым закрепощением жолонов, а в I в. юридическая грань между рабом и свободным была достаточно сильной.

Вместе с тем рост числа либертов, игравших роль промежуточного звена между классами, делал грань все более зыбкой. Часто свободные низы общества были не богаче, чем либерт или даже раб, а некоторые вольноотпущенники имели огромное состояние и значительное положение. Петрониевский Трималхион мог смотреть свысока даже на довольно богатого римлянина, а Нарцисс или Паллант — и на высокопоставленных се-

⁴ Это не следует отождествлять с унификацией положения зависимых людей (например, гуршии в III династии Ура), поскольку в отличие от полиса это не было тенденцией к сближению между верхами и низами.

наторов. Вместе с тем в глазах общества они были людьми «второго сорта». Известное стирание имущественной и бытовой грани показывало разрешение Августом браков между либертами и свободными.

Политическая линия в отношении рабов отличалась противоречивостью. Законы Фуфия—Каниния и Элия—Сентия, принятые при Августе, ограничили возможность отпуска рабов на волю, однако это было половинчатым решением, и общий отпуск рабов едва ли существенно уменьшился. Императоры наказывали либертов, узурпировавших всаднический ранг, и замужних женщин, вступивших в связь с рабом. В сенате раздавались протесты против «наглости вольноотпущенников», а в 61 г. произошла массовая казнь рабов Педания Секунда. Однако общее число либертов росло, они становились более значимой категорией населения, а условия рабства смягчались. Тацит пишет, что события 61 г. явились эксцессом, возмущившим многих римлян. Государство не могло идти против исторической необходимости, но незаметно, чтобы оно ей особенно противилось. Известный пример обществу давал сам император, предоставлявший огромную власть либертам и рабам.

Сходные процессы происходили и в отношении гражданства. Со времени республики статус римского гражданина был очень высок, и гражданский коллектив четко отделялся от всех остальных. Институт римского гражданства был одним из основных элементов полисной системы в Империи и не имел себе эквивалента в древневосточных и эллинистических монархиях. Тем не менее ряд изменений существенно трансформировал его характер. Римское гражданство росло численно, и количество в 4—5 млн. создавало новое качество по сравнению с греческими полисами и даже Римом республиканского времени, где гражданский коллектив исчислялся десятками, максимум сотнями тысяч людей. Гражданин терялся в такой массе, тем более что она стала этнически разнородна и была разбросана по всей огромной державе. Тенденция к ограждению гражданства начала ослабевать, и чем больше становился коллектив, тем быстрее он рос, тем легче было проникнуть в него со стороны. Престиж гражданского статуса постепенно начал снижаться, и в III в. возникла ситуация, когда многие провинциалы уже не хотели его иметь. Другой причиной упадка гражданства как института были усиление монархии и упадок коллективных органов власти. Одним из первых отмерло народное собрание, поскольку этот институт уже не мог быть выразителем интересов огромного коллектива. Народное собрание, адекватно представляющее несколько миллионов человек, было технически невозможным.

Специфика и трагедия римского гражданства была в том, что, выйдя за рамки полисного гражданства, оно, как отметил Ф. Энгельс, «не выражало никакой национальности, а было

лишь выражением отсутствия национальности»⁵ и не приобрело в полной мере нового качества гражданства Империи. В этих условиях трансформировались и исчезли и другие полисные элементы. Крах попыток поддержания политического равновесия показали еще реформы Гракхов, и Империя даже не пыталась этого делать, открыв пути для концентрации земли. Экономические права стали, как и в любой другой территориальной монархии, результатом статуса в бюрократической иерархии, а равенство перед законом начало исчезать, хотя завершился этот процесс только в IV в. с утверждением нового деления на сословия и дифференциацией судов.

Рим долго сохранял особый статус, и в I—II вв. в его положении было очень много черт полиса, которые продолжали доминировать. Особое положение Рима продолжало существовать, и император, сенат и народное собрание находилось в нем. Между полисом и столицей было много общих точек, и развитие в сторону последней не сопровождалось столь уж радикальной ломкой. Тем не менее новые черты явно присутствовали. Огромные размеры города (в Риме проживало около 1 млн. человек), а соответственно и сильная зависимость его от Италии и провинций (например, в вопросе продовольствия), этническая пестрота населения, новое административное деление, новая администрация и преторианцы, изменение стиля построек — все это придавало Риму некое новое качество. Вместе с тем полисная традиция была настолько сильна, что сохранялась до конца Империи, а в I в. черты полиса доминировали. В это же время начался разрыв между полисом и резиденцией императора. Первым его проявлением был отъезд Тиберия на Капри. Можно назвать также и периодические намерения Калигулы и Нерона перебраться на восток и артистическое турне Нерона по Греции. Такие действия вызывали протест общества, причем довольно сильный, но этот протест не мог заставить принявшего решение императора вернуться в свою столицу. Тем не менее процесс эмансипации императорской резиденции от Рима только начинался, и до действия Диоклетиана, Константина и их преемников, превративших в новые столицы Константинополь, Никомедию, Милан, Трир, Равенну, было еще далеко. Показательно, что в терминологии Рим еще часто именуется «Urbs», являясь Городом с большой буквы и Городом по преимуществу. И если житель Империи говорил о городе, не называя его по имени, то речь шла о Риме.

Территориальная монархия и полисная республика — это прежде всего политические и государственно-правовые категории, и именно здесь различия между ними были наиболее сильными. Модель полиса характерна в этом плане суверенитетом

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 147.

народного собрания,⁶ часто, как в Афинах, абсолютно реальным и в любом случае существующим *de iure*; участием гражданского коллектива в принятии политических решений; правом и даже обязанностью гражданина принимать участие в политической жизни государства; непрофессиональным характером армии и ее качеством как полисного ополчения, из чего следует вооружение народа⁷ и неотделенность войска от гражданского коллектива. Должностные лица избираются на определенный срок и подотчетны гражданам, между самими должностными лицами нет четкой иерархии начальства и подчинения, и поскольку все они избираются народом независимо друг от друга, их отношения строятся по принципу старших и младших. Неофициальные лица, т. е. те, которые не занимают какой-либо должности, вообще не играют никакой роли. Полису присущи периодически оменяемый состав командования армии и тенденция к коллегиальности в нем; большая роль совещательных органов, законодательства и идеи управления по законам. Характерными для полиса являлись также сравнительно широкая возможность открытой дискуссии и вообще открытых форм политической борьбы, а следовательно, и большая роль публичного и особенно политического красноречия.

Для принципа монархии характерен суверенитет монарха, причем именно он прежде всего персонифицирует народ и государство; отсутствие народного собрания⁸ и незначительная роль народа при принятии решений; невооруженность большей части населения и отделения профессиональной армии от массы народа; назначение должностных лиц и командного состава армии монархом на произвольный срок, подотчетность аппарата монарху, жесткая иерархия внутри него и отношения «начальства» — «подчинения», большая роль неофициальных лиц, близких к правителю. Хотя в монархическом государстве роль законодательства была велика, над ним все равно доминировала воля монарха, который часто воспринимался как одушевленный закон (*νόμος ἐμψυχός*). При монархах часто существовали консультативные советы, но они не имели официального

⁶ Кошелев Г. А. Введение: Греческий полис... с. 22. С. Л. Утченко же, подробно проанализировав идею народного суверенитета в Римской республике, приходит к выводу о ее отсутствии (Утченко С. Л. Кризис и падение... с. 106), с чем нельзя согласиться хотя бы потому, что только решение народного собрания имело силу настолько, что его никто не мог аннулировать, а сенат и выборные магистраты в некотором смысле были, хотя бы формально, представителями и олицетворением суверенного народа.

⁷ Разоружение народа — это традиционные действия греческих тиранов (Писистрат — Арист. Аф. полития, 10—11; Дионисий Старший — см.: Фролов Э. Д. Сицилийская держава Дионисия. Л., 1979, с. 70).

⁸ Народное собрание существовало в некоторых столицах и городах древневосточных монархий и эллинистических царств, но значения оно не имело, а в классических монархиях типа Древнего царства в Египте или царства III династии Ура его не было вовсе.

значения, и формально решения принимал монарх, а должностные лица подчинялись непосредственно ему. Борьба в нормальной ситуации принимала закрытые закулисные формы, возможность публичной дискуссии была невелика или почти отсутствовала, что и определяло отсутствие или невысокий уровень публичного политического красноречия.

Принципат был наиболее оригинален как раз в этом аспекте. Проблема суверенитета чрезвычайно запутана. В теории оставалась идея суверенитета народа или «сената и римского народа», и полновластие Веспасиана в сенатус-консульте 69 г. выражалось как раз в том, что распоряжения принцепса приравнивались к распоряжениям народа. Долгое время сосуществовали два, а формально и три органа (император, сенат, народное собрание), а вся сложная система отношений между сенатом и императором показывала, что принципат так и не решил, по крайней мере в юридическом плане, проблему суверенитета. В I и даже во II вв. принципат колебался между идеей принцепса как магистрата республики и принцепса как абсолютного монарха. Пожалуй, только к IV в. последнее одержало верх, но элементы первого оставались на протяжении всего существования Империи. Что касается народных собраний, то они отмерли не сразу; последние комиции проходили в начале II в., хотя их значение было уже практически фиктивно.

Явно монархический характер имела армия принципата. Она была профессиональна, корпоративна и подчинена императору, а незначительным элементом дуализма являлся только сенатский легион в Африке. Фактически это была наемная армия, в которой наемниками являлись собственные граждане. Несколько сложнее обстояло дело с генералитетом и офицерским корпусом, которые выступали в двойственном качестве — как сенаторы и одновременно как императорские подчиненные. Процесс отделения армии от народа шел крайне интенсивно, и к III в. большая часть населения Империи оказалась непригодной к военной службе.

Как мы отмечали ранее, проблема соотношения императора и закона весьма сложна. Принцепс издавал законы в виде эдиктов и *leges datae*, имел *cura legum et morum*, был освобожден от действия пока еще некоторых законов (Десс., 244), но наряду с его распоряжениями существовали сенатус-консульты и *leges* народного собрания, а принцип, что все угодное императору имеет силу закона, формируется позднее, хотя даже в поздней Империи сохранялась идея конституционной монархии и того, что император должен править по законам и в соответствии с ними. Римское государственное право так и не разрешило окончательно проблемы правителя и закона, и им-

ператорская власть находилась между *νόμος* *ἐνψυχος* и чрезвычайной легитимной магистратурой.

Важным фактором дуализма была проблема аппарата управления, в котором сенатский аппарат сосуществовал с императорским, и если первый был построен по сословному принципу, то второй — по принципу бюрократическому. Общей тенденцией было постепенное поглощение первым вторым, но процесс этот завершился только к IV в., а в рассмотренный нами период сенатский управленческий аппарат бесспорно доминировал. Даже в поздней Империи полного поглощения не произошло. Не менее сложная картина существовала внутри каждого из этих элементов. Сенатский аппарат во многом начал терять свое качество аппарата полисной республики. Магистраты выбирались (вначале народным собранием, а затем сенатом), но институт *commendatio*, который и определял их качество сенаторов, делал их служащими императора. Принцепс контролировал состав сената и ранг сенатора, достигая этого самыми различными способами. Назначение наместников в сенатские провинции формально производилось сенатом, однако без одобрения принцепса оно было нереально и формально, и фактически. Сенатский аппарат по-прежнему строился на принципе «старших» и «младших», поскольку все магистраты выбираются сенатом и народом. При этом некоторые сенаторы рекомендовались принцепсом, а остальные все равно проходили через его апробацию.

Картина имперского аппарата тоже достаточно сложна. Аппарат внесенатский был только частью общей управленческой системы императора, притом даже префекты и прокураторы, не говоря уже об императорских либертах, по статусу оказывались ниже, чем сенаторы. Значительная часть аппарата принцепса (легаты, кураторы, префект города и др.) состояла из сенаторов, которые и здесь выступали в двойной роли: членов сената, с одной стороны, и служащих императора — с другой. Карьеры сенаторов были смешанными, и после квестуры или претуры и службы в качестве наместника сенатской провинции они могли стать императорскими легатами, и наоборот. В аппарате принцепса отношения «начальник» — «подчиненный» были достаточно заметны, однако многие руководители ведомств назначались непосредственно императором и были в этом смысле независимыми друг от друга, а между, допустим, преторскими и консульскими легатами тоже, скорее всего, существовали отношения старшинства.

В Римской республике встречалось очень мало случаев, чтобы влияние человека сильно не соответствовало его официальному статусу. При Империи это положение в значительной степени сохранялось, и примечательно, что очень влиятельные лица, занимавшие либо официальное, либо неофициальное положение, но стоявшие вне сенатской иерархии, получали в ней определенное место. Всемогущий префект претория Сеян стал консулом, прокуратор Фуск получил ранг претория, и даже

Нарцисс и Паллант имели преторские и квесторские *огнаmenta*. Тем не менее роль неофициальных, но близких к особе императора лиц была велика. Жены, родственники, вольноотпущенники, любовницы, фавориты, друзья, придворные и личные слуги принцепса играли огромную роль в управлении, и часто она была не меньше, чем роль официальных лиц. Вместе с тем это вызывало и общественный протест, а соперничество сената, высшей бюрократии и управленческого аппарата, с одной стороны, и двора (*aula*) — с другой, было заметно очень отчетливо. Положение обеих сторон отличалось известной двойственностью; видный сенатор занимал определенное место при дворе, а придворный оказывал немалое воздействие на управление Империей.

Г. С. Кнабе выделил три типа политических деятелей в Риме I в.: тип человека «всесильного меньшинства» (*prompti, callidi, audaci*), людей энергичных, наглых, тщеславных, темпераментных и неразборчивых в средствах, которые обычно делали блестящую карьеру; тип человека «большинства», характерный традиционными римскими качествами, *virtus* и *pietas* и находящегося в некоторой оппозиции к системе, и «третью» силу — способных, дельных и часто незаметных администраторов, работавших на Империю в целом, а не на персональные интересы того или иного императора.⁹ Это разделение можно принять как характеристику типов общественного поведения, но противоречивость времени была не только в противоречии между этими типами и внутри их группировок, но и в противоречивом сочетании их в большинстве деятелей эпохи. Людей, последовательно проводящих ту или иную линию, было не так много, и гораздо более типичным являлся пример Луция Вителлия, который мог упорядочить дела в Сирии, эффективно обеспечивая защиту восточной границы Империи, помогать Клавдию в принципиальных реформах и одновременно придумывать нелепые почести Гаю Калигуле или участвовать в темных делах Мессалины, Агриппины и того же Клавдия. Довольно типичный представитель «большинства» Сервий Гальба закончил жизнь принцепсом. Способный полководец и талантливый администратор Веспасиан выдвигался не только успехами в войнах и управлении, но и тем, что умел подольститься к Гаю Калигуле или либерту Нарциссу. Вместе с тем современников поражали твердый стиль правления, стойкость и мужественная смерть Отона, от которого ожидали некий тип нероновского правления и который вначале казался типичным деятелем «меньшинства». Не только эпоха, но и сами люди были сотканы из контрастов, и контрастность была более типична, чем цельность.

В предыдущих главах много говорилось об отношениях

⁹ Кнабе Г. С. Корнелий Тацит. М., 1981. с. 16—33, 38—53.

принцепса и сената, и при реальном доминировании императора они бесспорно носили характер системы дуализма, по-разному проявляющегося в различных аспектах. Юридическое соотношение было неясным, каждая сторона имела и правовую, и реальную силу: общим принципом было совместное управление. Отношения принцепса и сената являлись не только отношениями сотрудничества, но и отношениями соперничества, а сам император был как правителем и монархом, так и главой и членом сената.

Многие исследователи указывают на различие между правовой сущностью и политической реальностью. В самом деле разрыв между словом, правом и реальностью был очень характерен для римского принципата, однако правовой и идеологический фактор влияли и на реальность. Временами принцепс вел себя как абсолютный монарх, однако слишком последовательные попытки утверждения этой идеи встречали сопротивление. Примечательно, что сенаторы использовали в борьбе с императором не легальные методы, а методы скрытые и противозаконные — заговор и мятеж. Принцепс, напротив, обычно подчеркивал сохранение *libertas*, традиционной республиканской свободы, которая, правда, приобрела несколько иной оттенок и сблизилась с *securitas*, безопасностью, и временами даже демонстрировал свою подчиненность коллегияльным органам.

Наконец, различия наблюдались и в области идеологии и религии. Модель полиса предполагала наличие народа и гражданского коллектива как главной идеологической ценности; стимулирование политической активности и отрицательное отношение к аполитичности; восприятие человека не только и не столько функциональное, т. е. по должности, которую он занимает, но и как личности; личность не деифицировалась, а если деификация существовала, то была направлена прежде всего на культ личных качеств и проявлялась в моменты кризисов.

В монархии высшую ценность представляли монарх и правящая династия, которые обожествлялись, причем обожествлялась не личность, а статус; основная масса населения сознательно исключалась из политики, а аполитичность скорее стимулировалась установлением монополии на политику узкого круга лиц; человек воспринимался прежде всего функционально, как лицо, занимающее определенную должность, а личностный фактор играл роль незначительную.

Мы уже не раз касались проблемы идеологических ценностей Империи. В любом случае император был ценностью не единственной, и если принцепс являлся персонификацией государства, то персонификацией не абсолютной. Римская империя в целом стимулировала отход от политики не только низов, но и верхов общества, однако в некоторых, впрочем, не очень интенсивных попытках активизировать сенаторов и стимулировать

их занятие общественной деятельностью заметен двойственный характер принципата.

Сложным было и положение с культом императора. Полная деификация касалась только умершего принцепса, причем вопрос об обожествлении решал сенат, а некоторые правители сбожествлены не были. Живой император окружался рядом божеских почестей, но полностью божеством, за исключением, быть может, восточных провинций, он не был. Культ императора играл не только религиозную, но скорее политическую роль и сочетал в себе как личностное, так и функциональное обожествление, причем последнее начинало доминировать. В этом плане культ императора в Риме был типологически сходен с культом правителя в эллинистических царствах.

В отношении к личности в целом произошел постепенный переход к усилению функционального восприятия, что, в общем, не было радикальным противоречием республиканской практике. Римские сенаторы и чиновники становились все более безличными, а их карьеры — все более стандартными, что постепенно привело к унифицированному аппарату поздней Империи.

Система дуализма заметна и на другом уровне — отношении римской державы и полисов на ее территории. В данной монографии мы в основном касались проблемы римского полиса и римской державы, и проблема провинциального города лежит за ее пределами, однако некоторые общие замечания для полноты картины необходимо сделать. Прежде всего следует отметить отношение Империи и города. Практически все старые города сохранили свое городское качество, и город был основной ячейкой имперского общества. Римское господство в урбанизированных провинциях опиралось на города, уже существующие, большинство из которых ранее имели качество независимого полиса. Там, где городов не было, римляне их строили, и «основание новых городов было самой радикальной формой романизации».¹⁰ Примечательно, что в некоторых случаях Империя не спешила аннексировать отсталую и неурбанизированную область, выжидая, пока в ней распространится и пустит более глубокие корни городская жизнь. Вместе с тем римские города, муниципии, были лишены главного качества полиса — независимости и качества города-государства. Муниципий представлял собой некоторое промежуточное звено между полисом и обычным городом унитарного государства. Муниципий имел внутреннее самоуправление и собственное гражданство, в муниципальной жизни было немало элементов полисной традиции, а в I—II вв. общественная жизнь была очень интенсивной. Степень заинтересованности в процветании городов, полисный патриотизм были велики, а выборы в городские органы явля-

¹⁰ Кнабе Г. С. Римское общество в эпоху ранней Империи. 1983, т. 3, с. 86.

лись довольно значительной процедурой, временами сопровождающейся напряженной политической борьбой.

С другой стороны, тенденции к слому политических традиций постепенно усиливались. Во многие города, особенно крупные, шел активный приток нового населения, и они, как и Рим, становились этнически пестрыми и социально разнородными. Происходила постепенная ликвидация статуса *civitates liberae*, особенно усилившаяся при Веспасиане, который, желая поправить положение казны, заставил многих из них платить налоги. Наконец, усилилось давление центрального аппарата, который вытеснил муниципальное управление.

В I—II вв. имперская и полисная традиции были достаточно сбалансированы, что и явилось одной из причин благополучного внутреннего положения Империи при Юлиях—Клавдиях и даже при процветании ее при Антониях. Однако общей тенденцией было наступление монархии, которое вело к постепенному разрушению полиса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Итак, остается подвести итоги развития Рима на рубеже Республики и Империи и определить сущность перехода от одного к другому. Переход этот нельзя сводить только к перемене политического строя, которая является частью более общего процесса — создания из завоеванной римским полисом территории Средиземноморья единого государства, объединенного общими политическими и экономическими интересами.

Известной исходной точкой может служить тот факт, что в самой Римской республике была заложена возможность трансформации в сторону монархии, и известный монархический элемент, выраженный в больших полномочиях магистратской власти и вызванный особенностями формирования римского государства и его внешнеполитической ситуацией, явно имел место.

К III в. до н. э. этот элемент единоличной власти был практически подавлен развитием коллегиальных органов управления (сената, народного собрания, вновь возникших магистратских коллегий), однако подавление это не было полным и в основном ограничивалось самим Римом. Даже в этот момент максимального расцвета полисной системы дуализм существует, хотя элементы единоличной власти оказываются крайне слабыми.

Главной причиной перемен были завоевания, превратившие Рим в великую державу и гегемона Средиземноморья. Если Рим-полис мог завоевать значительную часть тогдашнего цивилизованного мира, то удержать его и создать единое государство он уже не мог. Военные проблемы и необходимость эффективного управления провинциями заставляли создавать новую централизованную военную и управленческую систему, небыва-

лый рост державы вызвал усиление разрушительных тенденций в экономической основе полиса, а все вместе привело к разложению полисной морали. Вместе с тем в силу ряда факторов, и прежде всего универсальности полиса в древности и общего консерватизма, старая республиканская структура оказалась особенно живучей, что вызвало как остроту борьбы, так и ее половинчатый результат.

Началом политического кризиса стало движение Гракхов, которое обнажило противоречия между полисной элитой и народными массами и поставило на повестку дня серию новых проблем (проблему союзников, аграрный вопрос, провинциальное управление, судебный вопрос и т. д.). Главным итогом движения было начало политической борьбы.

Политическая борьба начала I в., Союзническая война и гражданская война 88—82 гг. были следующим этапом переворота. Гражданские войны как новая форма политической борьбы и вызванные ей новые формы власти, диктатуры Мария, Цинны и Суллы, распространение римского гражданства на всю Италию, трансформация армии и создание «личных партий» были новыми элементами политической жизни, которые разрушали полисные традиции и поставили Рим на грань перелома, когда новые тенденции территориальной монархии стали брать верх, и противоречивый характер сулланской системы показал степень их равновесия.

Столкновение двух тенденций — полисной и территориально-монархической не следует понимать прямолинейно, как борьбу двух партий, имеющих разные политические идеи. Противоречия проявлялись не только между группировками, но и внутри них, и потому противоречивы были и проводимые мероприятия, политические события, действия отдельных людей. Римские солдаты, делавшие диктаторами своих вождей, были одновременно и гражданами республики, гражданские войны и новые законы велись под консервативными лозунгами, а деятельность самих диктаторов была противоречива не только в силу внешних факторов, но и в силу их собственной психологии, поскольку они были плоть от плоти своей эпохи.

Продолжением конфликта явились 70—50 годы I в., когда, несмотря на общее наступление новых сил, полисные традиции временами оказывали настолько сильное сопротивление, что казалось, будто вопрос о существовании республики может решиться в ее пользу. Тем не менее республика была обречена. Гражданская война 49—45 гг. и диктатура Цезаря стали точкой перелома, когда новый принцип территориальной монархии одержал победу. Заговор против Цезаря, Мутинская война и борьба Брута и Кассия против режима триумвиров стали последним актом борьбы за старую традицию, которая мало что могла изменить. Битва при Филиппах подвела черту под республикой, а дальнейшие войны были в большей степени персо-

нальной борьбой за власть. С победой Октавиана при Акции вопрос политической власти был решен в пользу монархии.

Победа монархии в борьбе за власть не означала ее полной победы. Начался длительный и сложный процесс трансформации общества, на сей раз уже более целенаправленный, который проводился этой властью. Создание императорской власти как постоянно действующего и передаваемого по наследству института, установление его доминирования над сохранившимися республиканскими органами, начало создания внесенатского аппарата, нового типа армии, перемены в провинциальной политике, трансформации в идеологии — таковы общие направления наступления новой системы. С другой стороны, старые традиции были достаточно сильны, и принципат был вынужден и, как это ни парадоксально, даже хотел пойти с ними на компромисс. Оставалось особое положение Рима и Италии и старое, хотя и более сбалансированное отношение центра и периферии, продолжает также существовать проблема «принципс — сенат», дуализм в провинциальном управлении, религии и идеологии. Одержав победу в главном, принципат идет на уступки пусть по второстепенным, но довольно значимым вопросам.

Эпоха Юлиев—Клавдиев (14—68 гг.) была временем продолжения этого развития. Новые монархические тенденции усилились, однако старые традиции еще существовали. Система дуализма чем дальше, тем больше склонялась к монархии. Временами слишком активные форсированные попытки монархии (конец правления Тиберия, правление Калигулы, второй период принципата Нерона) встречали отпор, и власти приходилось вернуться к курсу Августа, т. е. планомерному, постепенному, но осторожному и сбалансированному наступлению на старую полисную систему.

Время Юлиев—Клавдиев было не столько временем качественного перелома, сколько временем количественного накопления изменений в системе. Тем не менее общество времени Нерона уже существенно отличалось от общества времен Августа. Роль провинций резко возросла, и римское гражданство вышло за пределы Италии, перестав быть чисто итальянским институтом. Усиливалось значение провинциалов в армии, управленческом аппарате, в сенате и при дворе. Рим стал приобретать черты мировой столицы, император приобрел уже гораздо больше черт монарха, чем Август, а правящая элита гораздо в большей степени представляла собой его функционеров.

Окончательное превращение Рима в территориальную монархию и ликвидация дуализма произошли позже, и хотя некоторые черты полиса сохранились до конца Империи, они стали исторически несущественными уже в эпоху Антониев, почти исчезли в III в. и были незаметны во времена, последовавшие за реформами Диоклетиана и Константина. Создалась пара-

доксальная ситуация: Империя достигла расцвета именно тогда, когда еще не успела подавить полисные традиции и в некоторой степени на них опиралась. Подавив же их, держава потеряла жизненные силы, и тогда «римское государство превратилось в гигантскую сложную машину исключительно для высасывания соков из подданных»,¹ потеряло свою жизнеспособность и пало под ударами варваров, которые только завершили внутренний распад.

В заключение остановимся на проблемах типологии, модернизации и архаизации, и прогрессивности принципата. Развитие Римской империи имело немало общих точек соприкосновения с колониальными империями средневековья, нового и даже новейшего времени. Параллели в этом плане нельзя отрицать, и довольно частые в западной историографии явные или скрытые параллели с британской, французской и другими империями бесспорно имели место. С другой стороны, режим принципата имел немало общего с абсолютными и конституционными монархиями поздних эпох. Такие черты сходства не следует сбрасывать со счетов и их исследование может оказаться чрезвычайно полезным. Известную сложность представляет и терминология современной исторической науки. Понятия «республика», «империя», «монархия», «партия», «партийная борьба» и другие могут быть применимы к древности только с рядом оговорок, однако это не дает оснований заявлять, что применение их невозможно, и современные исследователи, конечно, правы, когда оперируют этими понятиями.

Все эти факторы дают основание для модернизаторского подхода, тем более что классовые общества неизбежно должны иметь много общего, однако решающим является то, что Римская империя была создана на базе принципиально иного уровня развития производительных сил и особой рабовладельческой формации, отличной от формаций предшествующих. Именно в силу этого устойчивые типологические параллели возможны в конечном счете только с древними обществами.

Как и всякое историческое явление, Римская империя и принципат уникальны, однако уникальны не до такой степени, чтобы утверждать о невозможности параллелей. Как мы видели, эта система вписывается в схему, построенную на сочетании двух основополагающих структур древности,— территориальной монархии и города-государства, одной из форм которого являлся полис. В своем развитии Римская империя шла в сторону восточной монархии, и уже это дает основание для известного сравнения. По крайней мере, два типа политических структур очень близки к Империи—это эллинистические монархии и греческие монархии позднелатинской эпохи.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 147.

Обе эти параллели могли бы стать темами самостоятельного исследования; наши же замечания будут носить общий характер. При всех чертах сходства с восточными эллинистическими царствами очень существенной разницей является то, что греко-македонские завоеватели пришли на место традиционных восточных монархий, и хотя и принесли сюда полисные структуры, за основу были взяты все же старые восточные формы. С другой стороны, в державах Ясона Ферского или сицилийской монархии происходил, хотя и в значительно меньших масштабах, тот же процесс подавления полиса территориальной монархией, и создавалась та же система дуализма.²

Принципат зашел в этом отношении гораздо дальше и был логическим концом того развития, на котором остановилась сицилийская монархия. В последней в меньших масштабах разыгались те же процессы, что и в гигантской универсальной Римской империи. Видимо, возможна и еще одна параллель — по такому пути шел Карфаген, где положение Малха, Магонидов и особенно Гамилькара и Ганнибала напоминало положение римских диктаторов и принцепсов, а если бы Ганнибалу удалось победить Рим, то Карфагенская империя развивалась бы примерно в том же направлении, что и Римская.

Наконец, следует еще раз отвергнуть уже, впрочем, изжившую себя теорию реакционности принципата. Объединение народов Средиземноморья в рамках единой цивилизации было исторически необходимым процессом, и после кризиса эллинистического мира и разгрома Карфагена такой объединяющей силой мог стать только Рим. Чтобы осуществить эту функцию, Рим должен был изжить полисно-республиканскую форму управления, и альтернативой являлся распад римского мира и дезинтеграция Средиземноморья, что отбросило бы его развитие. Видимо, уже в III—IV вв. система начала превращаться в тормоз развития, но ранняя Империя была безусловно исторически прогрессивна, а без Римской империи не могло быть и дальнейшего развития европейской цивилизации.

² Фролов Э. Д. Сицилийская держава Дионисия, с. 157.

Источники

- Апп. Гр. войны.—Аппиан. Гражданские войны.
 Апп. Иллир. войны.—Аппиан. Иллирийские войны.
 Арист. Политика.—Аристотель. Политика.
 Аск. За Мил.—Асконий. За Милона (комментарии к речи Цицерона).
 Вал. Макс.—Валерий Максим.
 Велл. Пат.—Веллей Патеркул.
 Верг.—Вергилий.
 Гай. Инстит.—Гай. Институции.
 Гор. Сат.—Гораций. Сатиры.
 Десс.—Dessau H. Inscriptiones Latinae selectae.
 Диг.—Дигесты.
 Диод.—Диодор Сицилийский. Историческая библиотека.
 Дион. Гал.—Дионисий Галикарнаский. Римские древности.
 Дион Касс.—Дион Кассий.
 Иос. Флавий. Иуд. война—Иосиф Флавий. Иудейская война.
 Иос. Флавий—Иуд. древн.—Иосиф Флавий. Иудейские древности.
 Ксиф.—Ксифиллин.
 Ксиф. R. St.—Ксифиллин (в издании Robertus Stephanus).
 Лив.—Тит Ливий.
 Лив. Эпит.—Эпитомы Т. Ливия.
 Ник. Дам.—Николай Дамасский.
 Овид.—Овидий.
 О знам. мужах.—О знаменитых мужах.
 Ороз.—Орозий.
 Павс.—Павсаний.
 Пан. Лат.—Панегирики Латинские.
 Плин. Ест. история.—Плиний. Естественная история.
 Плин. Панег.—Плиний. Панегирик Траяну.
 Плут.—Плутарх.
 Плут. Ант.—Плутарх. Антоний.
 Плут. Помп.—Плутарх. Помпей.
 Плут. Серт.—Плутарх. Серторий.
 Плут. Тиб. Гр.—Плутарх. Тиберий Гракх, Гай Гракх (Г. Гр.)
 Плут. Цнц.—Плутарх. Цицерон.
 Полиб.—Полибий.
 Салл. Кат.—Саллюстий. Заговор Катлины.
 Салл. Юг. война.—Саллюстий. Югуртинская война.
 Свет. Бож. Юлий.—Светоний. Божественный Юлий.
 Свет. Авг.—Светоний. Божественный Август.
 Свет. Весп.—Светоний. Божественный Веспасиан.
 Свет. Вит.—Светоний. Вителлий.
 Свет. Калиг.—Светоний. Калигула.
 Свет. Клавд.—Светоний. Божественный Клавдий.
 Свет. Тиб.—Светоний. Тиберий.
 Сен.—Сенска.
 Сен. Диал.—Сенска. Диалоги.
 Тац. Агр.—Тацит. Агрикола.
 Тац. Анн.—Тацит. Анналы.
 Тац. Ист.—Тацит. История.
 Ульп. Эпит.—Ульпиан. Эпитома.
 Филон. О пос.—Филон. О посольстве.
 Цез. Гр. война.—Цезарь. Записки о гражданской войне.
 Цнц. К Атт.—Цицерон. Письма к Аттику.
 Цнц. Верр.—Цицерон. Против Верреса.
 Цнц. За Раб.—Цицерон. За Рабрия.
 Цнц. К близким.—Цицерон. Письма к близким.
 Цнц. Об агр. зак.—Цицерон. Об аграрном законе.
 Цнц. О гос.—Цицерон. О государстве.